

Ольга Ярошинская

СТАНЬ МОИМ
МУЖЕМ,
ДРАКОН!

Annotation

Я купила красивого раба, чтобы выдать его за жениха и избавиться от навязанного замужества, а получила большие проблемы. Геррах — дикий и необучаемый варвар, или притворяется таким, чтобы поиздеваться надо мной? Перевертыш, которому обрезали крылья, дракон, потерявший себя. Но, быть может, мы найдем друг в друге куда больше, чем искали.

- [Стань моим мужем, дракон!](#)
 - [Ольга Ярошинская. Стань моим мужем, дракон!](#)
 - [Глава 1. Покупка](#)
 - [Глава 2. Терпение и труд](#)
 - [Глава 3. Соловьиные трели](#)
 - [Глава 4. План Бэ](#)
 - [Глава 5. Предложение](#)
 - [Глава 6. Жених](#)
 - [Глава 7. Еще одно дело](#)
 - [Глава 8. Свобода](#)
 - [Глава 9. Ведьма](#)
 - [Глава 10. Доброволец](#)
 - [Глава 11. Горячие игры](#)
 - [Глава 12. Сообщники](#)
 - [Глава 13. Жестокие боги](#)
 - [Глава 14. Где Амедея?](#)
 - [Глава 15. Принцесса и дракон](#)
 - [Глава 16. Побег](#)
 - [Глава 17. Оазис](#)
 - [Глава 18. Месть](#)
 - [Глава 19. Красные горы](#)
 - [Глава 20. Игры закончились](#)
-

Стань моим мужем, дракон!

**Ольга Ярошинская. Стань моим
мужем, дракон!**

Глава 1. Покупка

Я обошла весь невольничий рынок и увидела то, что мне нужно, когда совсем потеряла надежду. Толстая цепь тянулась от его щиколоток к раскаленному под солнцем металлическому столбу, но мужчина сидел, прислонившись к нему широкой спиной, и выглядел расслабленным и безучастным.

– Ты говоришь по-нашему, раб? – спросила я, остановившись напротив.

Его темные спутанные волосы наверняка заблестят, если их хорошенько промыть от крови и пыли, на широких плечах остались рубцы от кнута, но под одеждой их никто не увидит, руки красивые – с длинными сильными пальцами. Шею мужчины обхватывал широкий железный ошейник, приковывающий его к столбу, руки тоже были замкнуты за спиной.

– Ты понимаешь, что я тебе говорю? – членораздельно переспросила я.

Раб окинул меня неспешным ленивым взглядом с ног до головы и, глядя прямо мне в глаза, ответил такой отборной бранью, что кончики моих ушей загорелись. Говорил он, впрочем, по-нашему, с цветистыми оборотами, свидетельствующими о хорошем владении языком, и почти без акцента. Суть же его пылкой речи сводилась к тому, что он сделал бы со мной, в каких позах и сколько раз – много.

– Об этом можешь и не мечтать, – отрезала я. – Но я могу тебя купить, покормить и даже вымыть. Или ты не хочешь расстаться с цепями?

Раб облизнул пересохшие губы, и, несмотря на тяжелые цепи и скованные за спиной руки, легко и гибко поднялся, оказавшись на голову выше меня.

– Госпожа, – подскочил ко мне низенький смуглый надсмотрщик. – Давайте я покажу вам другого. Вон тот, посмотрите, очень спокойный домашний раб, обучен читать и писать и даже может вести бухгалтерию.

Я мельком взглянула на толстячка с потной лысиной. Нет, этот не подойдет.

– Или, быть может, вам нужна хозяйственная рабыня, трудолюбивая женщина...

– А с этим что не так? – спросила я. – Покажи зубы, раб.

Он осклабился, и я едва сдержалась, чтобы не поежиться под палящим солнцем. Зубы у раба были великолепные: белые и ровные, с удлиненными клыками.

– Перекидыш, – мрачно сказал надсмотрщик то, что я и так уже поняла. – Попал в плен в последней стычке.

– Мне захватили обманом, – подал голос мужчина, и надсмотрщик ткнул его палкой под ребро.

Раб даже не поморщился, только темные глаза стали совсем черными, как бездонные бездны. А мне подумалось, что если бы не цепи, то надсмотрщик мигом не досчитался руки, а то и головы.

– Сколько? – спросила я.

– А если госпожа желает плотских утех, – понизил голос надсмотрщик, – то буквально завтра поступит новая партия рабов из Этреи, знаменитых своими мужскими статьями.

Раб выразительно усмехнулся, а я закатила глаза.

– Но если он вам так уж приглянулся, то я отдам вам его всего за тысячу драх.

– Почему так дорого? – возмутилась я. – Он же никчемный раб, ни к чему не годный.

– Вообще-то я приберег его для распорядителя игр, – признался надсмотрщик. – Такой раб может продержаться до самого финала. Дерется как дьявол. Я бы стряс за него и полторы, но ваша красота, госпожа, воистину украсила этот день, так что я готов уступить...

Сдвинув засов, я толкнула калитку и подошла к рабу вплотную. Обошла по кругу, разглядывая бугрящиеся под смуглой кожей мышцы, жесткие черты лица, татуировку на правом плече. Приглядевшись, поняла, что это вовсе не рисунок, и осторожно коснулась жестких чешуек.

– Почему ты не оборачиваешься? – спросила я.

– Наши доблестные маги убили его дракона, – охотно пояснил надсмотрщик. – Но он и без него очень опасен, госпожа.

– Дай слово, что не попытаешься меня убить, – потребовала я.

Раб покосился на меня темными глазами и промолчал.

– Что ж, ценю честность, – протянула я. – Хорошо, я его забираю.

Мешочек с монетами переключал в потную ладонь надсмотрщика, и он, хмурясь, глянул на мои носилки, где ожидали четверо рослых рабов.

– Он не сбежит и не причинит вреда, – поняла я его безмолвный вопрос.

Вынув из кармана браслет, защелкнула на широком запястье раба. Магическое плетение надежное, сама делала.

– Что тебе от меня надо, женщина? – прошипел он.

– Амедя, – представилась я. – А твое имя?

Он долго молчал, и я думала, что уже и не ответит. Но, видимо, ему самому хотелось произнести свое имя вслух. Почувствовать, что он еще тут, что он есть.

– Геррах.

– Следуй за мной, Геррах, – приказала я. – И не думай, что тебе удастся сбежать.

Прикоснувшись к железному ошейнику на его шее, я шикнула и отдернула руки.

– Это же пытка! – воскликнула я. – Металл раскаленный!

– Драконорожденные не боятся ни жара, ни огня, госпожа, – успокоил меня надсмотрщик.

Сам он предпочитал держаться от опасного раба подальше. Вместо этого бросил ключи потному толстячку, которого пытался всучить мне в качестве счетовода.

– Госпожа, – пробормотал тот, расстегивая ножные кандалы раба. – Я вел дела моего господина, великого правителя красных гор. За меня не попросят много.

– А за этого сколько хочешь? Если возьму двоих, хочу скидку, – потребовала я и сторговала второго еще за пятьсот.

Надеюсь, он и правда хорош.

А Геррах, разумеется, попытался сбежать, как только с него сняли цепи. Еще несколько раз он бросался в переулки, надеясь раствориться в толпе. Но магические узы держали лучше железа, так что к дому он подошел сразу за мной: сбитый с толку, хмурый, но, должна признать, великолепно красивый в своей чистой мужественности.

Тетушка, сбежав по ступеням, только всплеснула пухлыми ручками.

– Медея, радость моя, – всхлипнула она. – Да кто поверит, что ты могла влюбиться в такую образину. Ты погляди на него – рожа бандитская, интеллекта – ноль, небось еще и ногти грызет, а моется по большим праздникам.

Она принялась и выразительно поморщила нос.

– Влюбиться? – переспросил Геррах, повернув ко мне голову.

– Я не уверена, что он подходит, – честно призналась я, игнорируя его вопрос. – Но, в конце концов, он и не должен быть особо умным. Конрад считает меня безмозглой самкой, вот я и выбрала... самца.

– Что происходит? – высокомерно спросил раб, как будто имел право требовать от меня ответа.

– В общем, мне нужен муж, – ответила я. – Срочно. Иначе он у меня появится насильно и вопреки моему желанию.

– И ты решила его себе купить?

Я пожала плечами.

– Почему бы и нет. Свободный мужчина ни за что не надел бы на себя браслет подчинения. И не пытайся его снять – не выйдет. Как и сбежать. Как и испортить мое имущество. И навредить мне тоже не получится.

Он изучающе смотрел на меня, и я заметила золотистые искорки, вспыхнувшие вокруг его зрачков.

– Ты хочешь выйти за меня замуж? – уточнил он.

– Боже упаси, – рассмеялась я. – Нет. Но Конрад, мой дядя, должен в это поверить.

Геррах коротко кивнул и пошел по ступенькам вверх.

– Ты обещала мне ванну, – бросил он.

– Хам, грубиян и головорез, – подытожила тетушка. – А это еще что за недоразумение?

– Эврас Толсен, – представился толстячок. – Мне бы тоже... Водички...

Она вздохнула и жестом поманила его за собой, а я пошла следом.

Дурацкая идея, конечно, но что еще мне оставалось? Если я не предъявлю дяде жениха, а лучше – мужа, то он сам найдет претендента на мои владения, состояние и на саму меня.

Я нашла свое приобретение в купальнях. По пене и грязным лужам, разлитым по полу, поняла, что сперва он тщательно вымылся, а

теперь наслаждался чистой водой. Раскинув руки, Геррах запрокинул голову на бортик и лежал, блаженно прикрыв глаза. А я остановилась на другом краю бассейна, рассматривая мужчину.

В конце концов, он всего лишь раб, моя собственность – браслет подчинения обхватывал его левое запястье тугим кольцом. Имею право посмотреть, за что отвалила целую тысячу.

А мужчина и правда был хорош: удлинённые глаза с густыми темными ресницами, чувственные губы, развитая мускулатура. При этом раб казался удивительно гармонично сложенным: не слишком тяжелый, он наверняка ловок и быстр. Прозрачная вода не скрывала ни кубиков пресса, ни того, что пониже, а длинные ноги вытянулись до середины маленького бассейна.

– Нравлюсь? – спросил Геррах, не открывая глаз.

– Главное, чтобы у дяди создалось впечатление, что ты мог мне понравиться, – уклончиво ответила я.

Он разлепил ресницы и посмотрел прямо на меня.

– Присоединяйся, – вкрадчиво предложил. – Места хватит.

Я и правда опустила на бортик, свесив ноги в воду. Юбка тут же промокла, облепив бедра, и взгляд темных глаз прикипел к моим ногам.

– Вот так ты и должен на меня смотреть, раб, – похвалила я. – С вождением.

– Это легко, – улыбнулся Геррах. – У меня давно не было женщины, а ты довольно красива.

Он метнулся ко мне стремительным движением дикого зверя, и его тут же отбросило прочь, приложив о мраморный бортик спиной.

– Осторожнее, – предупредила я, закидывая ногу за ногу. – Если станешь калекой, отправишься назад к столбу. А тебя вряд ли возьмут счетоводом, с твоей-то фактурой.

– Что за хрень ты на меня нацепила, женщина? – взъярился он, пытаясь стащить браслет.

– Не твоего ума дело, – ответила я. – Зови меня по имени – Амедя. Правильнее было бы госпожа, но не хочу, чтобы ты потом оговорился при дяде.

Он попытался скovyрнуть браслет зубами, намылил запястье. Я наблюдала за потугами раба с растущим раздражением. Пощелкав пальцами, привлекла его внимание.

– Ты не снимешь его, как ни старайся. Так что привыкай к новому положению. Здесь не так уж плохо, согласишься.

– Быть игрушкой богатой шлюхи? Завидная участь!

– Сам ты шлюха, – с достоинством ответила я. – Быть может, в твоих диких землях женщины и ложатся под каждого, кто приглянется, у нас же все иначе.

– То-то тебе расхваливали выдающиеся мужские стати рабов.

– Но я ведь не стала ждать новой партии и взяла посредственного тебя.

Геррах ослабил и выпрямился передо мной во весь рост.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Сядь уже и убери с глаз моих это все, – досадливо махнула я рукой. – И слушай дальше. План такой: через неделю приезжает мой дядя. К этому сроку мне надо обтесать тебя настолько, чтобы ты смог сойти за приличного человека. Времени совсем мало. Неделя – это семь дней.

– А семь – это сколько? – уточнил Геррах.

Я начала загибать пальцы, но поймала его насмешливый взгляд.

– Я научу тебя пользоваться столовыми приборами, танцевать, играть в нарды и поддерживать беседы на общие темы, – продолжила я сердито. – На людях мы будем разыгрывать взаимную любовь. Быть может, даже придется сделать вид, что ты обесчестил меня до брачной церемонии, чтобы у дяди не осталось выбора, лишь только отступить.

– Из меня так себе актер, – пожаловался Геррах. – Я дикий варвар, воин, не знающий слов любви. Давай лучше я обещу тебя настоящему.

– Ты издеваешься надо мной? – вспыхнула я.

– Что ты, госпожа Амедея! – искренне возмутился он. – То бишь просто, без госпожи.

– Я дам тебе свободу, – сказала я, и он тут же умолк, пристально глядя на меня непроницаемо черными глазами. – Через год. Мне исполнится двадцать один, и дядя отстанет от меня со своими матримониальными планами. Матримониальные – это...

– Я знаю, что это значит, – перебил меня Геррах. – Ты клянешься? Ты даешь слово, что снимешь с меня свой поганый браслет и подпишешь вольную?

– Клянусь, – сказала я.

– Не знаю, можно ли тебе верить, – протянул он.

– А ты не в том положении, чтобы сомневаться или торговаться, – напомнила я. – Ты мой раб и будешь делать то, что я прикажу. Скажу целовать мне ноги, и ты...

Он тут же переместился ближе и осторожно обхватил мою щиколотку двумя пальцами. Приказ, повисший в воздухе, позволил ему это, и я подумала, что впредь надо тщательнее следить за словами.

Геррах посмотрел на меня снизу вверх, неторопливо сдвинул мокрую ткань юбки. Теплые губы коснулись моего колена, обожгли ногу выше, сместившись на внутреннюю поверхность бедра, и толпа мурашек рванула по моей коже.

– Достаточно, раб, – холодно произнесла я. – Ценю твое послушание и готовность ублажить госпожу...

А ведь он и правда готов, во всех смыслах. Не мог пены добавить, чтобы скрыть свою вопиющую наготу хоть немного!

– Думаю, будет правильно, если ты тоже станешь называть меня по имени, – предложил он, оставив в покое мою ногу. – А то оговоришься при дяде...

– Разумно, – кивнула я. – Геррах.

Он уперся руками о бортик по обе стороны от моих бедер, а потом пробормотал на гортанном наречии:

– Пустынная роза... Пахнешь так сладко. Я бы сорвал твой бутон прямо сейчас.

– Обойдешься без букета, – ответила я на его же языке. Наверное, с диким акцентом, но он точно понял – вон как скалится. – После тебе покажут твою комнату – на хозяйской половине. Ты когда-нибудь спал на настоящей кровати?

– Нет, – ответил он. – Надеюсь, ты придешь и покажешь, как это делается, Амедея.

Я прищурила глаза, оттолкнула его кончиками пальцев и, поднявшись, пошла вперед, а его взгляд обжег мою задницу.

– Где мой друг? – спросил Геррах.

– В комнатах прислуги, – ответила я. – Не волнуйся, с ним хорошо обращаются.

Я вдруг осознала, что толстячку никаких магических браслетов не надевала. Он мог сбежать в любой момент, но отчего-то не сделал

этого. Впрочем, для многих людей рабство – привычнее свободы. Но Геррах точно не из их числа.

Эврас нашел его сам – проскользнул в бесшумно открывшуюся дверь и опустился на то же место, где совсем недавно сидела Амедя.

Девушка оказалась очень красивой: матовая кожа была светлой и чистой, густые волосы ниспадали мягкими волнами до самой талии – такой тонкой, что он мог бы легко обхватить ее ладонями, большие голубые глаза сияли живым любопытством, нежные губы хотелось смять поцелуем, а стройные ноги еще лучше смотрелись бы на его плечах...

– Господин, нам несказанно повезло! – воскликнул Эврас, лучась довольством. Даже его лысина блестела как-то особо благодно. – Нас могли заморить в том скотском загоне или продать распорядителю игр, а вместо этого мы в прекрасном доме, чистые и сытые. Это ли не счастье?

– Нет, – буркнул Геррах, но Эврас не обратил внимания.

– Мне дали каши с мясом – простая, но вкусная еда. Койку определили неподалеку от кухни. И все слуги тут упитанные и довольные.

– Ты можешь говорить о чем-то кроме еды? – попросил Геррах. – Глянь лучше, как снять эту штуку.

Эврас подобрался к его запястью, повертел руку туда-сюда, попробовал браслет на зуб.

– Толковый маг делал, – проворчал он. – Руны спрятаны на внутренней стороне – хитро. Можно, конечно, отрезать руку...

Геррах выразительно на него глянул.

– Тогда огонь, – продолжил Эврас. – Вы не боитесь огня, мой господин, этот момент могли не предусмотреть. На кухне большая печь. Надо пробраться туда незаметно, сунуть руку в пламя и немного подождать. Металл оплавится, магические руны повредятся – свобода.

– Она сказала, я не смогу испортить ее имущество, – вспомнил Геррах. – Что, если не выйдет?

– У вас есть другой план?

– Самый очевидный и легкий – довериться девчонке и отбыть здесь год. А потом она обещала меня отпустить. Я выкуплю тебя, и мы вернемся домой.

– Чудно! – просиял Эврас.

– Издеваешься? – возмутился Геррах. – Целый год на рабских харчах!

– Здесь отличные харчи, господин!

– К тому же она запросто может обмануть и перепродать нас кому-то другому. Нет, надо найти способ убраться отсюда пораньше, но этот паршивый браслет держит меня на привязи, как собаку. Давай так: ты сбежишь, отправишься домой, соберешь воинов...

– Сам? – ужаснулся Эврас. – Через перевал? Через посты песчаных? Вы слишком верите в меня, мой господин.

– Можно украсть золото у девчонки, – предложил Геррах. – Потом наймешь охрану. Поедешь как купец или странствующий ученый.

Эврас, вздохнув, погладил лысину.

– Воровать – нехорошо, – проворчал он. – Госпожа Амедее могла и не покупать меня, однако проявила добросердечие...

– Она хитрая змея, – отрезал Геррах. – А если ты так терзаешься муками совести, то вспомни, что это песчаные напали на нас, это они сковали меня магической сетью, не дав обернуться полностью, это они...

Он не смог заставить себя произнести жестокие слова, но лопатки отозвались жгучей болью – и вовсе не оттого, что он приложился о бортик бассейна. Ему отрезали крылья в момент оборота. Он потерял свою вторую ипостась. Своего дракона.

Иначе разнес бы этот белый дом, не оставив камня на камне, и быстро показал нахалке Амедее кто тут настоящий хозяин.

– Я попытаюсь разузнать, где она хранит сбережения, – неохотно согласился Эврас. – Тем более она купила меня за умение считать, представляете? Я, казначей великого правителя красных гор, то бишь ваш, – раб-счетовод.

– Я вообще фальшивый жених, – ухмыльнулся Геррах. – Девчонка хочет отвалить с моей помощью дядю, вознамерившегося пристроить племянницу в щедрые руки.

– Госпожа Амедее очень красива, – заметил Эврас.

– Что есть, то есть, – согласился он. – Но это не имеет никакого значения. Главное – держи язык за зубами. Если кто-нибудь узнает, кто мы такие...

– Я понимаю, мой господин, – согласился Эврас.

– Вот об этом я и говорю – никаких господинов. Я для тебя просто Геррах, такой же раб.

– Вы... Ты тоже будь начеку. Вероятно, как представителей вражеской аристократии, нас обезглавят. Чистая и быстрая смерть, но, тем не менее, жизнь кажется мне куда предпочтительнее.

– Именно, – кивнул Геррах.

Драконорожденный всегда выберет жизнь. Даже если утратил крылья.

Глава 2. Терпение и труд

– Почему ты его выбрала? – вздыхала тетушка. – Неужели на всем рынке не нашлось кого-нибудь посимпатичнее? Кого-нибудь более утонченного, златокудрого... Ты погляди на него! Да такой может голыми руками из верблюда воду выжать!

– По-моему, он очень красивый, – искренне сказала я, наблюдая за варваром с балкона.

Вчера я оставила раба отдыхать и отсыпаться, сегодня же собиралась вплотную заняться его облагораживанием. Однако уже битый час Геррах тренировался на заднем дворе с найденными где-то деревянными мечами, и мне не хотелось его прерывать. Он так легко двигался, что это выглядело каким-то священнодействием. Отточенные движения, перекатывающиеся мышцы под смуглой кожей, стремительный удар – и мечи со свистом разрезали воздух. На заднем дворе моего дома танцевал дикий опасный хищник. А я отчего-то решила, что смогу его приручить.

– Он так машет этими палками, что кажется, ничего другого и в руках не держал, – проворчала тетя. – Ни вилки, ни тем более книжки.

– Как знать, – пожала я плечами. – Речь у него поставлена хорошо.

Быть может, он даже не простой воин, а кто-нибудь вроде командира. Перевертыши у варваров в почете. У нас же таких ценили разве что на горячих играх. Я была на них в прошлом году, дядя заставил – традиции. Лязг мечей и блеск металла, песок, залитый кровью... Я сказала, что мне дурно, и ушла через полчаса, но потом игры долго снились мне, и я просыпалась в холодном поту от кошмаров.

– А можно взять на роль подставного жениха лютниста, – отвлекла меня от воспоминаний тетя. – Я знаю подходящего, поет в трактире «Две кошки». Кудрявый, с ямочками на щеках, и язык подвешен как надо.

– А потом этот лютнист растреплет о своем приключении на всю Аль-Малену, – возразила я. – Нет, я не хочу таких сюрпризов. Раб – отличный вариант. Он будет держать язык за зубами. А что ты, кстати, делала в этих «Кошках»?

– Кошечек и подкармливала, – вздохнула тетушка. – Там так отвратительно готовят, что объедки даже кошкам не годятся.

Тетя Молли, младшая сестра моей матери, рано овдовела, оставшись бездетной, и своей нерастраченной любовью щедро одаривала меня и всех бродячих котов. Трехцветная кошка неспешно подошла к толстому рабу, который сидел на крыльце, наблюдая за другом. Подставила спину, потерлась головой о ладонь, и раб почесал кошку за ушами.

– А этот, второй, – с трагическим надрывом произнесла тетя. – Он же лысый! Дея, солнце мое, Конрад ни за что не поверит, что ты решила влюбиться в лысого!

– Что значит – решила? – улыбаясь, спросила я. – Разве любовь не приходит внезапно?

– К лысому может быть только расчет, – категорично ответила тетя.

– Он мне как раз для расчетов и нужен. Сказал, что отличный счетовод.

– Наврал, – тетя обреченно махнула пухлой ручкой. – Даже не знаю, в кого ты такая доверчивая... Послушай, Дея, раз уж у нас теперь есть рабы, то нужен и надсмотрщик, как полагаешь? Кто-нибудь грозный, с ремнем...

Я не держала раньше рабов, но надеялась, что браслет удержит Герраха. А теперь, наблюдая, как он двигается, вдруг засомневалась – достаточно ли надежен магический поводок.

– А еще я знаю одну гувернантку, – заговорщицким шепотом сообщила тетя Молли. – Отвратительная особа. Зато ловко управляется с розгами.

Геррах отложил деревянные мечи, взял ведро, стоящее у колодца, и окатил себя водой с головы до ног, так что обнаженный торс заблестел под солнцем.

– Вообще-то он интересный, – признала тетя, близоруко щурясь. – Издалека. А может, ты зря волнуешься? Может, новый жених, которого приведет Конрад, окажется лучше предыдущих?

Я передернула плечами от отвращения. Все эти сытые, наглые, самодовольные рожи, которые рассматривали меня как товар, вереницей пронеслись перед глазами. К счастью, дядя Конрад, брат моего отца, относился ко мне с заботой и не слишком давил. Он

спокойно воспринимал мои отказы, а одного из потенциальных женихов даже самолично спустил с лестницы, когда тот полез ко мне с угрозами.

Но так было раньше. В последнюю встречу дядя вел себя пугающе категорично.

– Каким бы тот жених ни оказался, пусть ищет другую невесту, – отрезала я. – Через год я смогу сама распоряжаться и собой, и наследством, и можно будет выдохнуть и зажить в свое удовольствие. Может, отправимся в путешествие? Что скажешь?

– Куда ты, туда и я, – согласилась тетя Молли, и я обняла ее и поцеловала в щеку.

Геррах подошел к лысому, присел рядом, и кошка ткнулась в смуглую ладонь, а потом перевернулась на спину, пытаясь ухватить палец мягкими лапками.

– Так-то и обезьяну можно выдрессировать, – вздохнула тетя, тоже наблюдая за ним. – Хотя разница не велика...

Оставив ее на балконе, я спустилась во двор.

– Амедея, – раб вскинул темный взгляд, и мне вдруг стало жарко. Хотя что удивительного – солнце так и палит. – Будешь учить меня хорошим манерам?

– Для начала встань, когда разговариваешь с дамой, – потребовала я, но когда Геррах поднялся, тут же об этом пожалела.

Я уже и забыла, какой он высокий. Запрокинув голову, сердито на него посмотрела.

– Быть может, мне ходить на согнутых коленях, чтобы не ущемлять твое достоинство, госпожа?

– Только варвары могут думать, что рост каким-то образом возвышает человека над другими.

– Но он как раз-таки возвышает, в прямом смысле, – возразил он.

Его торс блестел то ли от воды, то ли от пота, но черные чешуйки на плече оставались матовыми.

– Помойся, оденься, и приходи в голубую столовую, – приказала я. – Слуги покажут – где это. Начнем со столовых приборов.

– Прекрасно, – сказал раб, как будто я спрашивала его мнение. – Я как раз проголодался.

Пока Геррах приводил себя в порядок, я решила заняться и вторым своим приобретением. Вопреки сомнениям тети Молли выяснилось, что я каким-то чудом отыскала в грязи невольничьего рынка настоящий бриллиант. Эврас мигом привел в порядок все мои счета и показал, где у меня необоснованно высокие траты.

– Не может быть таких цен на мясо, госпожа, – он обвел цифру карандашом. – Смените поставщика. А вот тут с вас дважды сняли налог на землю.

Я только хлопала ресницами и кивала. А мне-то казалось, что я отлично справляюсь после того, как выгнала вороватого управляющего.

– А вот здесь... – толстячок задумчиво постучал пальцем по бумагам и вопросительно глянул на меня.

– Это доход от продажи артефактов, – быстро пояснила я. – Мой отец был выдающийся маг.

Вообще-то нет. У отца и правда были способности, и он мог найти источник воды даже в пустыне. В наших опаленных зноем землях это ценилось превыше всякого золота. А вот артефакты отцу не давались: магическое плетение не держалось, расплываясь через пару минут.

Я нашла его записи в лаборатории, из чистого любопытства попробовала повторить – и по моим пальцам потекла магия, собираясь в руны, крепкие и надежные, точно отлитые из стали.

Разумеется, мне пришлось держать свое открытие в секрете. Одно дело маг – уважаемый человек, способный принести обществу великую пользу. И совсем другое – ведьма, существо непредсказуемое, вредное и злокозненное, требующее над собой строгого контроля, как, впрочем, и любая другая женщина.

Так что если я не хотела навеки отправиться в замок ведьм – а я не хотела, то должна была скрывать свой дар. Я наврала, что обнаружила в лаборатории отца запасы артефактов, которые оказались удачными. Он экспериментировал – и вот результат.

Быть может, тетя Молли и догадывалась о чем-то, но держала язык за зубами. О замке ведьм говорили страшные вещи: неприступные гранитные стены, железные цепи, одиночные камеры, но самой пугающей была версия о том, что нет никакого замка ведьм. Женщин-магичек попросту вывозили из города и убивали, а безжалостная пустыня поглощала их тела.

– Жаль, что однажды этот источник иссякнет, – заметил Эврас.

– Ничего, – легкомысленно ответила я, напуская на себя беззаботность. – Когда я выйду замуж, такие вопросы перестанут меня волновать.

– Но вы, госпожа, насколько я понял, замуж не стремитесь, – проницательно напомнил толстячок.

Я лишь улыбнулась в ответ. Мало ли, что там в голове у женщины. Сегодня одно, завтра другое. Именно так считает дядя, так что если я предъявлю ему готовенького жениха, то вряд ли сильно удивится.

Оставив Эвраса в кабинете, я пошла в голубую столовую. Окна были открыты нараспашку, и свежий ветер перебирал прозрачные занавески. Вышитая скатерть, серебряные приборы, тончайший фарфор – Геррах смотрелся здесь пугающе чужеродным элементом.

Он поднялся мне навстречу, и я мысленно его похвалила: быстро улавливает. Но когда отодвинул мне стул, я покачала головой.

– Так не надо делать. В нашей стране мужчина не прислуживает женщине.

Геррах все же помог мне сесть, и лишь потом сам опустился на место.

– Прекрасно выглядишь, Амедея, – сказал он. – Твои глаза такие ясные и прозрачные, как высокое небо в утренний час.

– А вот комплименты – это хорошо, – похвалила я. – Это можно.

– Мне нравятся твои одежды, – продолжил Геррах. – Ткань такая тонкая, что можно рассмотреть все изгибы.

– Но твои слова не должны быть слишком откровенными, – осадила его я.

– Правда? – раб вздернул темные брови. – Где же проходит граница?

– Лицо и общий облик – допустимо, – задумалась я. – Изгибы – точно нет.

– Хм, – Геррах нахмурился. – Давай попробуем еще раз. Твои губы, Амедея, точно лепестки роз.

– Неплохо, – ответила я.

– Кожа чистый фарфор.

– Вполне, – одобрила я.

– А дерзкие вишенки, что натягивают ткань платья, так и хочется укусить.

Мои щеки запылали.

– Нет! – воскликнула я. – Никаких вишенок!

– Значит, граница проходит по ним? – невозмутимо уточнил варвар. – Я, кажется, понял.

Взяв с тарелки булочку, Геррах макнул ее в персиковый джем и откусил сразу половину.

– Что? – промычал он. – Я опять сделал что-то не так? Надо было колоть ее вилкой?

– Наблюдай за мной и повторяй, – терпеливо сказала я.

В конце концов, тетя Молли права: и обезьяну можно выдрессировать. Но придется усердно работать.

Амедея очаровательно смущалась, деликатно поправляла его и завопила лишь раз, когда Геррах схватил соусник и сделал вид, что собирается пить прямо из носика.

Он вынужден был признать, что Эврас прав, и с рабством им действительно повезло. Хозяйка оказалась доброй, милой и очень привлекательной. Хоть Геррах и продолжал убеждать себя, что последнее вовсе не важно, но завтракать в компании красивой женщины было очень приятно.

– Скажи, Геррах, тебе нужна медицинская помощь? – спросила она.

– Не думаю, что твои целители, кем бы они ни были, смогут вернуть моего дракона, – резко ответил он.

– Я про рубцы от кнута, – пояснила Амедея. – Болят?

Геррах пожал плечами. На эту боль он не обращал внимания. Это как если бы человека, которому отрезали ногу, спросили – не досаждают ли ему насморк.

– Мне жаль, что так вышло, – с сочувствием продолжила девушка. – С драконом.

– Правда? – нехотя сказал он. – В вашей стране оборотней не считают за людей. С чего бы тебе меня жалеть? По вашей логике я должен радоваться, освободившись от звериной половины. Разве нет?

– Нет, – выпалила Амедея без раздумий. – Я знаю, каково это... Отказываться от части себя...

– Откуда бы тебе это знать?

Она спохватилась, как будто сболтнув лишнего, и мило улыбнулась.

– Я про замужество, – пояснила охотно. – Когда девушка выходит замуж, то тоже лишается очень многого. Попробуй теперь намазать ломтик хлеба творожным сыром. С ножом ты должен управиться легко, не так ли?

Амедея хотела казаться беззаботной птичкой, и это у нее получалось очень неплохо, но Геррах видел за нежной внешностью стальной характер. А будь он иным, разве пошла бы она на такой отчаянный риск?

– Замужество не отбирает, а дает, – возразил он. – Это этап жизни. Как дерево растет, цветет и дает плоды, так и женщина исполняет свое жизненное предназначение, когда любит мужчину и рождает от него детей.

– Угу, – промычала она, пряча взгляд.

– Может, я лучше убью твоего жениха, раз уж он тебе не по нраву? – предложил он. – Сними с меня браслет, и я...

Амедея снисходительно улыбнулась, и Геррах сам осознал примитивность своей уловки.

– Не перебеешь же ты всех, – заметила она. – Аль-Малена – город большой. К тому же сюда съезжаются со всего света. Кстати, я тут подумала, что за местного ты никак не сойдешь – акцент, внешность, поведение. Промахи иностранца воспримут проще, спишут на разницу культур. Будешь торговцем с запада.

– С востока. Те земли я лучше знаю.

Амедея вдруг захлопала в ладоши, и Геррах удивленно воззрился на бутерброд в своей ладони. Оказывается, задумавшись, он намазал сыр и сложил приборы как положено.

– Bravo! – воскликнула девушка. – У тебя очень хорошо получилось. А теперь не запикивай его в рот целиком, как бегемот, а откусывай по небольшому кусочку. И не забывай жевать.

– Это все потому, что ты подкрепляешь мои успехи, – сказал Геррах. – Вот кнут на мне не срабатывает. Как меня ни пороли – я только становился упрямее. А поощрение, как видишь, творит чудеса.

– Думаю, свобода – достаточный стимул, – напомнила Амедея.

Геррах укусил бутерброд, запил чаем, сделав аккуратный глоток, и поставил чашку назад на блюдце, заслужив одобрительный взгляд.

– А промежуточная награда будет? – спросил он.

– Что еще ты хочешь?

Его взгляд против воли метнулся к ее губам. Не понять, в чем тут дело. Быть может, в браслете есть плетение, которое заставляет его обожать свою госпожу, но его тянуло к ней как ни к одной женщине прежде.

Уловив что-то по его лицу, Амедея напустила на себя суровый вид.

– Поцелуй, – все же сказал он.

– Ты с ума сошел, раб? – холодно поинтересовалась она.

– Я очень здраво мыслю, – возразил Геррах, вовсе не будучи в том уверен: ему бы разрабатывать план бегства, а он вместо этого размышляет, каковы ее губы на вкус. – Я вот что подумал: если ты хочешь убедить дядю в своей влюбленности в меня, то можно устроить так, чтобы он застал нас за страстными ласками. Предлагаю потренироваться. Вдруг я целуюсь не так, как положено воспитанному мужчине?

– Да уж наверняка не так! – вспыхнула Амедея. – Но, боюсь, тебе суждено умереть, не освоив эту науку.

– Как скажешь, госпожа, – ответил он и, доев бутерброд, облизал пальцы.

Глава 3. Соловьиные трели

После завтрака я отправилась на рынок. Тетя Молли тоже пыталась увязаться следом, но мне удалось отделаться от нее, попросив приглядывать за рабами – мало ли что. Она прониклась важностью задания и пообещала, что не спустит с них глаз. А потом еще и приказала служанке наломать прутьев.

– На всякий случай, – сказала тетя, поджав губы. – Знаешь, твой варвар хотя бы простой как чугунок, а вот лысый не внушает доверия: глазки хитрые, пузо круглое. Вот скажи мне, пожалуйста, как раб мог отъестся?

Я не знала ответа на этот вопрос и посоветовала тете самой разузнать все секреты. Заглянув в лабораторию, взяла артефакт и, бережно уложив его в корзинку и укутав мягкой тканью, поспешила прочь.

Рынок шумел всюду: шелестел цветастыми тканями, гремел колесами телег, кричал на разные голоса. Я ловко двигалась в людском потоке, прижимая к себе корзинку, а тонкая накидка скрывала мое лицо.

– Кремы, мази, притирания для пробуждения желания! Красавица, – обратился ко мне торговец. – Возьми за пять, почти в подарок, потом купишь еще. Твой мужчина захочет тебя как в первую ночь.

Геррах не считал нужным скрывать своих желаний, и я от этого терялась и не знала, что именно ему приказать. Не раздевать меня взглядом? Но что это за жених, который не любит своей невестой? При этом раб смотрел на меня как на ровню, и это особенно раздражало. В его темных глазах не было ни капли подобострастия или рабской покорности. Он мог бы восхищаться мною как чем-то недостижимым: любоваться как рассветом или горной каймой – отстраненно. Но вместо этого вел себя так, будто лишь какая-то незначительная условность мешает ему сорвать с меня одежды и покусать вишенки.

Вспомнив его дурацкий комплимент, я выругалась, и женщина впереди обернулась и посмотрела на меня с опаской.

– Обвесили, – пожаловалась я.

Она покивала, но на всякий случай ускорила шаг.

Заметив знакомую дверь, выкрашенную зеленой краской, я поднялась по выщербленным ступеням и быстро юркнула внутрь.

Высокий чернокожий охранник шагнул навстречу, но, когда я сняла капюшон, кивнул и посторонился, пропуская. Меня здесь знали и ждали. Я прошла по узкому темному коридору, свернула в еще одну дверь и попала в комнату без окон, красную, как чрево животного. Ковры на стенах приглушали звуки, и шум рынка стих, словно отрезанный ножом. А хозяин дома поднялся мне навстречу, раскидывая руки.

Ленни – достанет что угодно – Соловей был идеальным женихом в представлении тети Молли: стройный, златокудрый, и даже ямочки на щеках в наличии. Безжалостный и опасный как смертоносная гюрза, Ленни обладал ангельской внешностью, которую портил разве что грубый шрам поперек шеи. Я не спрашивала, как он его получил.

Разумеется, обниматься с ним я не стала, но всучила корзинку.

– Что же моя птичка принесла в клювике? – поинтересовался Ленни, убирая ткань.

– Думаю, тебе понравится, – без ложной скромности сказала я, усаживаясь на мягкий диван возле приземистого столика.

Лени взял с бархатной подушечки серебряное яйцо, увитое рунами, покрутил в руках и вопросительно посмотрел на меня.

– Оно разделено на половины, – подсказала я. – Если крутануть против часовой стрелки до щелчка, то артефакт придет в действие, и все звуки в радиусе шести зир не будут слышны за пределами этого расстояния.

Тонкие золотистые брови Ленни приподнялись.

– Проверим, – кивнул он и жестом подозвал темнокожего раба. – Стой там.

Я волновалась, потому что такое плетение сделала впервые и проверяла только на тете, а она иногда и без артефактов бывает глуховата.

– Ты сегодня выглядишь как-то по-особенному, Амедея, – проницательно заметил Ленни. – Что-нибудь новенькое произошло?

– Может быть, – ответила я. – Но это личное.

– Обычно мне нравится, когда партнеры не смешивают работу и личную жизнь, – он тоже присел на диван, но держась на расстоянии. – Но в твоём случае все иначе, Амедея. Мне даже жаль, что я так и не подобрал ключ к твоим границам.

Мое лицо словно окаменело. Вряд ли когда-нибудь я смогу спокойно говорить про какие-либо границы и не вспоминать при этом сомнительный комплимент Герраха.

– Принеси-ка нам чай, – приказал Ленни слуге, но тот так и остался стоять в дверях, а на обычно непроницаемом темном лице отразился ужас.

– Господин, – прошептал он. – Я ничего не слышу! Я вижу, что ваши губы шевелятся, но не слышу ни звука. Я оглох!

Он взвизгнул, засунул пальцы себе в уши и яростно покрутил.

Ленни досадливо поморщился, повернул половинки яйца обратно, и повторил:

– Чай нам, быстро.

Слуга выдохнул и исчез в глубине коридора, всхлипывая от испуга.

– Великолепно, – похвалил Ленни, повернувшись ко мне. – Я беру.

– Я хочу больше обычного, – сказала я. – Вполовину.

Подумав, Соловей кивнул.

– Только вместо надбавки хочу предложить кое-что любопытное. Кое-что такое, что могло бы вызвать интерес знающего человека.

Поднявшись, он подошел к шкафу с мелкими ящичками, открыл один из них и вынул плотный тканый мешочек. Подойдя к низкому столику, развязал тесемки и высыпал содержимое на стол, и я непроизвольно облизнула губы.

Черные матовые чешуйки казались сделанными из обсидиана. Ленни поднес свечу к столу, и в них заплясал огонь.

– Мне продал чешую один проныра, – пояснил Ленни. – Но я ему доверяю. Она настоящая. Где-то на заставе подрезали дракона. Так-то вроде безделица, но я подумал, что ты могла бы найти им применение.

Я задумчиво прикоснулась к чешуйкам и чуть не отдернула руку – они были теплыми.

– Но зачем это мне? – опомнилась я. – Мой отец был артефактором, я лишь продаю запасы...

– Конечно, – успокоил меня Ленни. – Но эти чешуйки довольно красивые, правда? Потрогай, не бойся, они все еще теплые, словно хранят драконий огонь. Можешь взять их, если тебе нравится.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Да... Да, я возьму их, в придачу к обычной плате.

Раб принес на подносе чай, поставил передо мной изящную фарфоровую чашку, но я знала, что не притронусь к ней – и Ленни это знал. В его шкафу хранилось столько зелий, что я до сих пор не рискнула выпить в этой увешанной красными коврами комнате даже глоток воды.

Ленни усмехнулся и отпил чай.

– Я бы хотел спросить кое-что, Амедея... – начал он. – Давно ищущую одну штуку, но не могу найти. Что-то такое, что помогало бы отличать правду от лжи. По роду моей деятельности я общаюсь со многими людьми, и некоторые, вот как ты, отрада и для глаз, и для сердца, но большинство – всякий сброд, который только и норовит, что оставить меня без гроша.

Хотела бы я посмотреть на того человека, который посмеет обмануть Соловья. Поговаривали, он вырвал одному лгуну язык и заставил съесть.

– Быть может, поищешь что-нибудь подобное в запасах твоего отца? – невинно продолжил он. – Я бы заплатил вдвое, нет, втрое больше обычной цены.

– Я попробую... Поискать, – кивнула я и поняла, что он все знает.

Ленни Соловей давным-давно все про меня понял. Но я все еще здесь, а не в ведьмином замке или объятиях жарких песков.

– Я твой друг, Амедея, – сказал он, накрыв мою руку своею – тонкой и изящной как у девушки. – Тебе не надо меня бояться. Клянусь, ты можешь выпить этот треклятый чай и с тобой ничего не случится.

Его прикосновение было сухим и прохладным, и я, помешкав, высвободила руку. Но взяла чашку и сделала глоток. Чай оказался цветочным, с легким ароматом жасмина.

– Очень вкусно, – признала я.

Я вышла в зеленую дверь и мигом смешалась с толпой. Уже на выходе с рынка свернула к торговцу тканями и купила готовое платье,

чтобы оправдать свою прогулку. Нежно-розовый шелк, пояс, украшенный бусинами, – скажу, что долго выбирала. А в том, что я захотела купить новый наряд перед встречей с женихом, нет ничего странного.

Наверное, я бы могла обратиться за помощью к Соловью, и он бы решил мои проблемы. Вот только вряд ли способ мне бы понравился. К тому же наши взаимовыгодные отношения вполне меня устраивали. Ничего личного, только бизнес. Хотя чай и правда был вкусным, а драконьи чешуйки, что я положила в карман, грели пальцы.

Я не знала, что с ними делать, но дома сразу пошла в лабораторию, заперла за собой дверь и высыпала содержимое мешочка на стол. Черные чешуйки расплескались каплями застывшей лавы. Я перебирала их, складывала в узоры, пытаюсь нащупать нужную руну.

Если бы я получила образование в Дарасе, откуда выходили все маги страны, мне было бы куда проще. Я бы строила магию по выверенным схемам, как дом: фундамент, стены, крыша. Но я была самоучкой. Я читала книги, найденные здесь же, в отцовской лаборатории, пробовала использовать знания и придумывала что-то сама. Моя магия была не зданием, а скорее песней. Я подхватывала первые ноты, и мелодия лилась сама, а мне оставалось лишь записать ее и не сфальшивить.

Я предпочитала использовать золото и серебро для артефактов – руны ложились глубоко и надежно, проникая в самую их структуру. К тому же тихий голос благородных металлов не мешал, а лишь только усиливал мою магию.

Но драконья чешуя уже хранила в себе силу. Я слышала дикую первобытную песню и не могла разобрать нот. Прикрыв глаза, я перебирала чешуйки, и обрывки яростной мелодии будоражили мое сердце. Бой военных барабанов... Свист ветра... Рев волн, бьющихся о скалы... Стоны, всхлипы, жаркое сплетение тел...

Я сглотнула и открыла глаза. Сердце колотилось, и мои ладони вспотели, а чешуйки все так же лежали под моими ладонями, непроницаемо черные, как осколки ночи.

В дверь постучали, и я быстро сгребла их в ящик стола.

– Дея, дорогая, ты там?

Я открыла тете, но не пустила ее внутрь. Вместо этого сама вышла из лаборатории, закрыла дверь и приложила руку к замку,

который послушно щелкнул.

– Я купила новый наряд, – сказала я. – Хочешь посмотреть?

Платье село неплохо. Немного широковато, но я и не люблю облегающие фасоны.

– Может, новый жених будет не так уж плох? – предположила тетя Молли, трогая розовый шелк. – Ты такая красавица. И этот цвет тебе очень к лицу. Ты точно роза.

– Вырез слишком глубокий, – с досадой пробормотала я, стягивая края ткани на груди.

– Можно сколоть брошкой, – предложила тетя.

А я вдруг представила себе черную розу, как будто опаленную огнем, – именно такую можно сделать, если сложить драконью чешую как лепестки. В голове зазвучали неясные обрывки мелодии, но тут же стихли.

– А что рабы? – поинтересовалась я. – Хорошо себя вели?

Тетя быстро отвела взгляд.

– Что случилось? – требовательно спросила я.

– Господин, вы не должны помогать мне, – ворчал Эврас, орудуя лопатой.

– А ты не должен называть меня господином, – напомнил Геррах, всаживая лом под упрямый корень.

– Эта женщина, Молли, в каком-то смысле права, – продолжил Эврас. – Я набрал лишний вес, а физический труд приведет меня в форму. Опять повезло!

– Ага, и нас прогнали прочь из кухни, словно блохастых котов, – проворчал Геррах, поддевая корень. – Если бы удача и правда нам улыбнулась, мы бы уже расплавили проклятый браслет и мчались к родным горам. Дай-ка еще раз лопату.

– Мы уже пробовали раз десять, – возразил Эврас. – Браслет так не снять. Смотрите, к нам идут.

Геррах выпрямился и, приложив руку козырьком к глазам, посмотрел на две женские фигурки, спешащие по саду. Амедея переделалась в нечто розовое и воздушное, а ее тетка в сером платье напоминала маленькую грозовую тучку.

– Вот, – она осуждающе тыкнула в него пальцем. – Я сказала заняться прополкой лысому. А этот твой второй...

– Волосатый, – подсказал Геррах.

– ...отправился за ним следом. Я говорила, что он может обломать ноготь, или посадить мозоль, а нам нужен красивый ухоженный жених – как об стенку горох. Может, он плохо понимает по-нашему?

– Нормально он понимает, – ответила Амедея, не сводя с него взгляда. – Просто решил помочь другу. Тетя Молли, зачем ты вообще отправила их в сад?

– Потому что они подозрительно шептались, – наябедничала та. – И все терлись на кухне.

– Вас плохо кормят? – спросила Амедея.

– Все прекрасно, госпожа, – заверил Эврас. – Нам несказанно повезло...

– Вот и нечего наглеть, – проворчала тетка.

Она достала прутик и неуверенно пригрозила им, а после, будто смутившись, спрятала его назад в карман.

– Думаю, на сегодня достаточно, – сказала Амедея.

– Мы не закончили, – возразил Геррах, наваливаясь всем весом на лом.

– Оставь уже этот несчастный пень в покое, – выпалила она. – И иди со мной. А ты, тетя, займи чем-нибудь Эвраса, только не на солнце, а в тени. Он отлично разбирается в бумагах, побереги его голову.

– Надо было найти ему шляпу, – виновато признала женщина. – Пойдем, как тебя там...

Эврас последовал за ней, а Геррах все же вытолкнул пень из земли, и тот выпростал обрубки корней к небу.

– Так что ты хотела, Амедея? – спросил он, повернувшись к девушке, которая хмурилась и кусала губы, словно прислушиваясь к чему-то, слышному только ей одной.

– Продолжить твоё обучение, разумеется, – ответила она. – Поговорим?

– Если хочешь, – согласился Геррах и пошел следом, принаравливаясь к ее плавной походке.

– Что ж... Как тебе мой сад? – поинтересовалась она.

Сад, раскинувшийся позади ее дома, был очень ухоженным: ровные дорожки, усыпанные желтым песком, стриженные как под линейку кусты, мраморные поилки для птиц.

– Скучно, – честно сказал Геррах. – Аккуратно, но безжизненно.

– Такая резкая критика – дурной тон, – заметила Амедея. – Попробуй найти что-то, что тебе нравится, и искренне это похвалить.

– Вот твое платье отличное, – тут же одобрил он. – И ты еще заверяла, что высокий рост не дает мне никаких преимуществ? Вид сверху великолепен!

Спохватившись, Амедея стянула ткань на груди и бросила на него испепеляющий взгляд.

– О чем там еще говорят в высшем обществе? – продолжил Геррах. – О погоде? Моде? Ценах на зерно? Что хочешь обсудить?

– Расскажи, как тебя поймали, – попросила она.

Глава 4. План Бэ

Вообще-то горы были зелеными. Деревья и кусты укутывали подножия мохнатым зеленым воротником, а наверху Седла Драконов лежала белая шапка снега, которая в летние месяцы сбегала вниз звенящими ручьями.

Но люди называли горы красными справедливо. Если вгрызться в породу в нужном месте и достаточно глубоко, то серые скалы роняли кровавые капли камней, за самый мелкий из которых в Аль-Малене можно купить с пяток рабов, умеющих махать мечами.

А вот за Эвраса надсмотрщик мог выручить куда больше, если бы был поумнее, ведь казначей властителя Красных гор обладал редким и драгоценным умением слышать камни. Потому они и оказались на западном склоне. Эврас все хотел послушать голос гор, которые что-то там нашептывали.

– Я не хочу говорить об этом, – отрезал Геррах. – Зачем тебе знать? Хочешь пикантных подробностей?

– Нет, – Амедея быстро покачала головой. – Но, говорят, драконы очень сильные...

Сильные, да. Потому он и не взял с собой охрану. Кто же знал, что их уже ждали.

– Я попал в засаду в человеческом обличье, – нехотя пояснил Геррах. – Меня поймали артефактами. Вроде твоего браслета, только хуже.

Толстая корка льда лишила его воздуха и возможности оборота, а когда он все же сломал ее и расправил крылья, второй маг выпустил сеть. Это было похоже на ловушку.

Амедея медленно шла вперед, опустив голову. Странная девушка, если не сказать больше. Геррах протянул руку, чтобы коснуться ее шелковистых волос, и упругая сила оттолкнула ладонь прочь.

Сегодня он пытался сбежать снова, но невидимая петля раз за разом обхватывала его и настойчиво тянула к дому, как он ни сопротивлялся. Геррах упирался пятками в землю, цеплялся руками за ограду – со стороны казалось, будто он пытается идти против сильного ветра, который отчего-то дует только на него. Потом они с Эврасом

хотели расплавить браслет в печи на кухне, но оттуда их мигом выставили.

Словоохотливая служанка рассказала, что отцом госпожи был артефактор. Очень талантливый и очень скромный. Отчего-то при жизни он стеснялся показывать плоды своих трудов, которые теперь держали Герраха в надежном плену.

– Браслет сделал твой отец? – спросил он, покрутив узкую полоску металла на запястье.

– Да, – коротко ответила Амедея.

Она с досадой сорвала розу с куста и швырнула на дорожку, как будто даже не заметив этого. Красные лепестки упали на желтый песок каплями крови.

– Почему ты так не хочешь замуж? – спросил он. – Тебе уже двадцать, верно? Твой опекун не спешил выдавать тебя за первого встречного, прислушивался к твоим желаниям, значит, можно было найти подходящего жениха.

Куда более подходящего, чем он сам.

– Может, ты влюблена в кого-то? – предположил Геррах. – В кого-нибудь... эмм... уже женатого?

– Что за чушь! – возмутилась Амедея. – Хотя не исключено, что мой дядя думает так же, поэтому и решил действовать спешно.

– Но я не прав?

– Нет, ты не прав, Геррах, – ответила она, сворачивая к беседке, увитой цветами.

А он подумал – сколько же воды нужно для того, чтобы этот чистенький сад цвел и благоухал. Прогнав из мраморной поилки птичку, Геррах нагнулся и жадно приник к свежему фонтанчику, а потом еще и умыл лицо.

Отряхнувшись, он поймал на себе внимательный взгляд Амедеи, в котором не было привычного осуждения и недовольства.

– Послушай, раб, – сказала она, как будто специально подчеркнув его статус. – Я хочу, чтобы ты разделся.

– Мое предложение продемонстрировать дяде нашу страстную любовь нашло отклик в твоем сердце? – поинтересовался он, немедленно стаскивая рубашку с плеч.

– Нет, не нашло, – ответила Амедея, обходя его по кругу. – Штаны оставь. Откуда ты так хорошо знаешь наш язык?

– Пытал пленных, – соврал Геррах, чтобы напугать ее.

Легкое прикосновение прохладных пальцев к спине заставило его вздрогнуть.

– Ты врешь, – уверенно сказала Амедея и положила ладонь на чешуйки, которые остались на плече после незавершенного оборота. – Ну-ка, ответь... – она задумалась. – Какого цвета мои глаза?

– Голубые, – выпалил он без раздумий, и нежное лицо Амедеи озарила недоверчивая улыбка.

– Это потрясающе, – прошептала она, погладив его плечи обеими руками. – Так красиво...

– Рад, что тебе нравится, – вежливо ответил Геррах, обернувшись. – Может, и мне дашь тебя потрогать?

– А теперь помолчи, – приказала она. – Не мешай.

Она прикрыла глаза, словно наслаждаясь музыкой. Геррах тоже замер, но не услышал ровным счетом ничего, кроме чириканья птиц и далеких голосов, доносящихся из дома. Он развернулся к Амедее, и изящные ладони легли ему на грудь. Голубые глаза распахнулись и вопросительно посмотрели на него снизу вверх.

Красивая, молодая, неопытная... Будет не сложно влюбить ее в себя, а после вынудить стащить треклятый браслет. По его опыту женщинам куда больше нравится подчиняться, а не властвовать, особенно в постели. Бывают, конечно, исключения, но Амедея кажется такой нежной и мягкой.

– Сперва тоже ответь, – потребовал он. – Почему ты выбрала именно меня?

Геррах ждал, что она смутится, но, к его удивлению, Амедея ответила честно и без стыда, с равнодушием, ударившим словно пощечина:

– Ты выглядишь как мужчина, который нравится женщинам.

– Не только выгляжу, но и являюсь, – заметил Геррах.

Она лишь равнодушно пожала хрупкими плечиками и присела на белую лавочку в тени беседки, разглядывая его с любопытством, в котором не было ни намека на флирт.

– Там, на рынке, выбор не богат, – продолжила Амедея. – Старые, больные, увечные... Или с такими зубами, что и представить страшно, как с ним целоваться.

– Ты представляешь мои поцелуи?

Он опустился прямо на мраморный пол беседки, прислонился к одной из колонн, наслаждаясь прохладой – такой редкой в этой безжалостной раскаленной стране.

– Все должно выглядеть правдоподобно для моего дяди, – терпеливо пояснила Амедея. – Но твое нахальство не знает границ. Ты был обычным воином, Геррах?

Дракон не может быть обычным, хотя в красных горах никого не удивишь способностью принимать вторую ипостась.

– Да, – ответил он, и заслужил еще один внимательный и недоверчивый взгляд.

– Откуда же у тебя такое самомнение? – поинтересовалась Амедея. – Я купила тебя за внешность и хорошие зубы, и еще потому, что ты отлично говоришь на нашем языке. Вот и все. Твои поцелуи меня не интересуют. Я была честна с тобой, почему ты удивляешься?

А Геррах и правда испытывал нечто сродни изумлению, поскольку осознал, что вступил на новое для себя поле боя. Раньше женщины сами добивались его внимания и проявляли удивительную настойчивость и изобретательность, чтобы оказаться в его постели вновь. Он любил женщин, знал, как заставить их стонать от удовольствия, но разговаривать с ними, обольщать... Все было бы куда проще, не будь на нем браслета, который не позволял прикоснуться к Амедее.

Когда он сидел в том скотском загоне, смердящем мочой и кровью, то успел увидеть немало женщин этой страны: громких, душных, тяжелых, с блестящей смуглой кожей и бесстыжими глазами. Амедея не была похожа ни на одну из них.

– Чему ты улыбаешься? – спросила она.

– Я подумал, что нас следовало бы поменять при рождении, – ответил он. – Я хорошо переношу жару и выжил бы даже в сердце вашей пустыни. А ты... Ты как озеро, что прячется высоко в наших горах. Вода там кристально чистая и такая холодная, что зубы сводит.

– Считаешь, я холодна? – вырвалось у нее.

– Я бы разбудил в тебе огонь, – ответил Геррах, скользнув по ней взглядом. – Так даже интереснее. Когда женщина сразу на все готова – скучно.

Ему нельзя ее трогать, но можно говорить.

– Сперва я бы исцеловал твои сладкие губы, Амедея, – неспешно сказал он. – Я бы дразнил их легкими прикосновениями, покусывал и лизал, а мой язык ласкал бы твой влажный и нежный рот, все глубже и настойчивее. Ты уже целовалась когда-нибудь?

Она усмехнулась, а голубые глаза стали колючими, как лед.

– Какое тебе дело, раб?

– Такое, что никто не поверит, что ты влюблена в меня, – ответил он, лениво потянувшись, – если и дальше будешь смотреть на меня как на вошь. А если я вдруг прикоснусь к тебе, и меня впечатает в стену твоей магией, то это вызовет у дяди некоторые подозрения, правда?

– Сперва поработай над своим взглядом, – фыркнула она.

– Я смотрю на тебя как-то не так, Амедея?

– Да. Как будто видишь меня голой, – она все же слегка покраснела. – Даже жених должен оставаться в границах приличия.

– Ты только что облапила меня, – напомнил Геррах, – и я справедливо решил, что мы спрятались здесь не для бесед.

– Ты ошибаешься... Я вовсе не за этим...

– А что это было? – спросил он, подавшись вперед. – Зачем ты приказала мне раздеться, а потом обнимала меня?

Покусав губы, Амедея выпалила:

– Осматривала твои раны. Не хватало еще, чтобы кровь проступила через ткань в самый неподходящий момент. Но все зажило.

Складно, но отчего-то ему казалось, что она врет.

– И что теперь? – спросил Геррах. – Поговорим о погоде? Сегодня жарче чем на сковородке у дьявола, и мой зад вспотел как у шлюхи. Пойдет, если я так отвечу твоему дяде?

– Расскажи лучше о своей стране, – попросила она.

Когда Геррах грубил и будто специально меня провоцировал, мелодия звучала фальшиво. Но стоило ему увлечься беседой, как я вновь услышала чистые верные ноты. Это было... потрясающе! Я испытала почти такой же восторг как тогда, когда впервые создала магическое плетение. Но если прежде мне удавалось слышать лишь материал и живое дыхание рун, то сейчас для меня звучал человек.

Обрывки мелодии, услышанной ранее, в Геррахе сливались в настоящую симфонию. И шторм, и ветер, и жаркая страсть – все это

пело в нем, в живом воплощении магии, и искры огня, вспыхивающие в черных глазах, завораживали.

Я купила его, потому что он, верно, нравится женщинам, но я тоже была одной из них. И теперь смотрела на сильное тело, жесткие черты лица, чувственные губы, и не могла не думать о том, что он сказал о поцелуях.

Какой-то части меня хотелось попробовать.

Геррах рассказывал про красные горы, которые на самом деле зеленые, про снег, лежащий на вершинах, про драконов. Его низкий голос стал звучать мягче, темные глаза вспыхивали искрами, и я, замороженная его рассказом и магией, что пела в нем, почти видела сверкающие нити водопадов и парящих в небе крылатых чудовищ.

– Я слышала, вашей страной правит самый сильный дракон? – спросила я.

– Так и есть, Амедя, – кивнул Геррах. – Каждые пять лет драконы сражаются за право назваться лучшим. Победитель становится правителем гор.

– Но это же дикость! – возмутилась я. – Он может быть сильным, но при этом тупым как пробка!

Геррах бросил на меня непонятный взгляд, в котором мне померещилось возмущение.

– Я оскорбила твою любовь к правителю? – испугалась я.

– Нет, – скупно обронил Геррах. – Все в порядке.

– А если он не только тупой, но и жестокий, – продолжила я. – Или победил своих противников подлостью? Отчего вы решили, что такой человек... дракон... будет править мудро?

– Потому что это наш древний обычай, освященный богами, Амедя. Сила дракона не может быть подлой, это претит самой ее сути. Мы называем состязание драконьими танцами, и они куда менее кровавые, чем ваши горячие игры, в которых нет никакого смысла, только одна лишь смерть на потеху толпы.

Мысленно я с ним согласилась.

– А кто правит сейчас? – спросила я. – Кто самый сильный дракон в красных горах?

Геррах помедлил с ответом.

– Я не знаю, – сказал он. – Драконьи танцы должны были состояться пару дней назад. Быть может, скоро и в твоей стране

прозвучит имя нашего нового правителя.

– Нового? – переспросила я. – Значит, ты думаешь, прежнего свергнут?

– Он и правда не очень, – криво усмехнулся Геррах. – Вот как ты сказала – туповат. Так что да, думаю, кто-то другой займет его место.

– А ты участвовал в этих ваших драконьих танцах? – спросила я.

Магия взвыла в его теле с новой силой, и глаза засверкали. Я почти увидела летящего над острыми пиками дракона, воплощенное буйство стихий.

– Да, – ответил он и опустил густые ресницы. – Но больше не буду.

Мелодия оборвалась, исказилась, закончилась аккордом болезненно горьким как плач навзрыд.

– Это можно исправить? – вырвалось у меня. Я спустилась со скамейки, села на пол напротив Герраха, скрестив ноги.

Он посмотрел на меня так, словно впервые увидел.

– Не думаю. Ваши маги знают свое дело.

– Тебя будут искать?

Он мотнул головой.

– Никто не знает, где я. Мое место займет другой.

– Как это? – возмутилась я. – Ты ведь не часть механизма, не какая-нибудь там шестеренка, чтобы раз – и заменить тебя на другого.

– Все именно так, шехсайя.

– Что это значит – шехсайя? Я не очень хорошо понимаю твой язык.

– Я удивлен, что ты вообще его учила, – заметил Геррах. – Зачем?

– У меня было много свободного времени, – ответила я.

И я видела в изучении языков больше смысла, чем в выборе нарядов, танцах и пустой болтовне. В последнее время я даже с Ленни Соловьем общаюсь чаще, чем с подругами.

– Шехсайя значит «моя госпожа», – ответил Геррах, но уголок его губ едва заметно дернулся.

– Специально дразнишь меня? – спросила я.

– Что ты, Амедея, – возразил он. – Я простой бесхитростный варвар и говорю, что думаю.

– Я вижу, какой ты, – отрезала я.

– Правда? – усомнился Геррах.

Магия в нем затихла, будто прислушиваясь к нашему разговору.

– Я понимаю, когда ты врешь, – добавила я.

Геррах молчал, изучающе глядя на меня.

– Твоя суть слишком... пылкая, чтобы быть лживой, – пояснила я. – Ты все еще дракон, Геррах. И ты хочешь сбежать, правда?

Он молчал, но мне и не нужен был ответ. Он с такой тоской говорил о своих горах, что и без слов понятно – его душа рвется туда всеми силами.

– Ты злишься на меня, – сказала я. – За браслет. За то, что не оставила шанса на побег.

– Да, – признал Геррах, вскинув голову и обращая на меня пламенеющие глаза. – Ты не бьешь меня и кормишь, и даже – какая щедрость! – позволила помыться в мраморных купальнях. Только мне все это не надо, Амедая. Это все равно рабство. Если бы меня заковали в железо, я бы сломал кандалы. Если бы бросили в яму – выбрался. Если бы отправили на горячие игры – убил бы всех и получил свободу. А твои оковы не натирают и почти невесомы, но я не могу их снять! И я злюсь, Амедая, очень злюсь. Я ворочался всю ночь на твоих мягких матрасах и не мог уснуть. Хочешь правду? Мне претит твоя ложь. Притворяться кем-то не тем, играть в любовь... Все это не по мне. Давай сделаем все по-настоящему, хочешь?

Я отпрянула, но он смотрел на меня всерьез. Подался ближе, так что я почувствовала жар его тела. Музыка, звучащая в нем, стала иной – тягучей, томной, чарующей.

– Тебе понравится быть со мной, – его дыхание коснулось моей щеки. – Разреши к тебе прикасаться, и я докажу это прямо сейчас.

Отпрянув, я деланно рассмеялась. Вскочив, посмотрела на Герраха сверху вниз, в глаза, в которых плясал настоящий пожар.

– Ты варвар, дикарь и мой раб, – отчеканила я. – Вряд ли жених, которого приведет дядя, будет еще хуже.

Как вскоре выяснилось, я сильно ошибалась.

Глава 5. Предложение

Оставив Герраха в беседке, я пошла напрямик в лабораторию и вновь достала драконью чешую. Серебро и золото не подходят, конечно. Нужно железо. Оно будет звучать в унисон. На сами чешуйки руны не лягут, но если сделать оправу... Я возилась с ними до глубокой ночи, забыв обо всем. И с самого утра, наплевав и на воспитание варвара, и на все остальное, засела за дело.

Суть дракона чиста и правдива. Никто не станет винить ветер или огонь во лжи. И именно это хотел Соловей – артефакт правды.

Такая вещь не помешала бы никому, но куда больше правды мне нужны были деньги. Содержание дома, слуг, обеспечение потребностей тетушки и ее многочисленных котов – все это легло на мои плечи. Наследство, оставшееся от отца, до моего совершеннолетия перешло в управление дяди, и он полагал, что сумма, выделяемая мне ежемесячно, должна покрывать все расходы. Наверное, если бы я разогнала слуг и стала питаться в «Двух кошках» на пару с тетей, этих денег и правда бы хватило. Быть может, дядя считал это средством давления на меня и ждал, что я с радостью побегу замуж, лишь бы избавиться от нужды. Я и правда побежала. Только не замуж, а на черный рынок, где знающие люди быстро шепнули мне нужное имя.

Я работала вдохновенно, и через три дня артефакт был готов. Черные лепестки, тонкий узор рун, ничего лишнего.

Ленни Соловей встретил меня там же, в красной комнате. Жестом предложил сесть, и чернокожий слуга по щелчку пальцев принес зеленый чай, пахнувший жасмином.

– Ты быстро, – заметил Ленни. – Неужели... нашла?

Я заправила прядь волос за ухо, и Ленни, вздернув тонкие брови, посмотрел на черную розу, свисающую к плечу. Драконьи чешуйки были довольно легкими, но из-за железной оправы сережка получилась увесистой.

– Как она работает? – спросил Ленни.

– Она пахнет, – ответила я. – Скажи, Ленни, это твое настоящее имя?

– Отчасти, – ответил он.

– Ты правда мне друг?

– Насколько это возможно.

– В этом чае есть что-то особенное?

Ленни усмехнулся и откинулся на спинку дивана.

– Нет, – ответил он, и сладкий запах поплыл по комнате.

Соловей втянул аромат и вопросительно посмотрел на меня.

– Правда, – кивнула я.

– Забавная штука, – улыбнулся Ленни. – Задай вопрос, на который я солгу.

– Ты убивал когда-нибудь? – вырвалось у меня.

– Нет, – ответил Ленни, мягко улыбнувшись, и сладкий запах тут же сменился смрадом.

Соловей поморщил тонкий нос и выразительно помахал рукой.

Поднявшись, он подошел к своему бездонному шкафу и, покопавшись в нем, достал иголку. Недрогнувшей рукой проколол себе мочку и, вернувшись на диван, взял артефакт, который я уже положила на стол. Кровь капала с уха Ленни, стекала по шее, но он, не обращая на это внимания, продел серьгу.

– Я нравлюсь тебе? – спросил он, глядя мне в глаза.

– Ты мне интересен, – уклончиво ответила я и, взяв чашку, отпила глоток. Роза сладко пахла.

– У тебя есть мужчина?

Я усмехнулась и посмотрела прямо ему в глаза – холодные точно сталь. Невольно вспомнились другие – темные и жаркие. Как бы отреагировал Геррах, если бы узнал, что я делаю вещи из его тела? Вряд ли бы счел это этичным. Если, конечно, он знает это слово.

– В некотором роде, – ответила я.

У меня есть фальшивый жених, и на артефакт я потеряла кучу времени, которого и так катастрофически не хватало, чтобы обтесать его до приемлемого состояния.

– В кладовке твоего отца еще есть артефакты? – спросил Соловей, едва заметно усмехнувшись.

– Я могу поискать, – ответила я, и Ленни выразительно зажал нос двумя пальцами.

– Ты можешь достать еще чешую? – спросила я. – Только обязательно такую же.

– Легко, – ответил Ленни и тут же поморщился. – Ладно, не легко. Возможно, и не получится. Плохо, что артефакт работает в обе стороны. Выходит, я не могу врать, когда ношу его.

– Либо привыкай к запаху, – посоветовала я. – Ты подмешивал мне что-нибудь в чай? Не сейчас. Раньше.

Ленни выразительно посмотрел на меня и улыбнулся в ответ.

– Что было, то прошло, – ответил он. – Сейчас я узнал тебя лучше и понял, что с тобой надо действовать честно. Пожалуй, ты единственный человек, перед которым я точно открытая книга.

В комнате завоняло еще ощутимее.

– Можно привыкнуть, – согласился Ленни. – Но неприятно. А что там за шумиха с твоим дядей?

– Что? – переспросила я и, неловко поставив чашку, звякнула ею о блюде. – Откуда ты вообще знаешь про моего дядю?

– Ох, Амедея, – он снисходительно улыбнулся. – Неужели ты думаешь, что я не выяснил о своей любимой птичке все возможное? К тому же с моим родом деятельности надо держать руку на пульсе.

– Расскажи, что знаешь про дядю? – попросила я, и мое сердце сжалось в недобром предчувствии.

– Поговаривают, что Конрад Лейтон будет избираться в великий совет. А еще говорят, что он заручился поддержкой, которая обеспечит ему место.

– Ты интересуешься политикой, Ленни?

– Я много чем интересуюсь, – ответил он. – Значит, ты не в курсе? Я помотала головой, но догадка кольнула мое сердце.

– И снова завоняло, – заметил Ленни. – Амедея, не делай так больше.

– Это лишь предположение. Дядя хочет выдать меня замуж, – выпалила я.

– О, – он облизнул губы и тоже взял чай. – Складывается логичная цепочка. Значит, за свое место в совете он пообещал тебя?

Я в панике прикусила ноготь. Если ставки так высоки, то плевать дяде на мой хитрый план и фальшивых женихов.

– Послушай, птичка моя, – протянул Ленни, – я не собираюсь смотреть, как тебе подрезают крылья. Я давно знаю секрет бездонной кладовой твоего отца и храню его так же бережно, как свои тайны. Чувствуешь аромат роз? Я говорю правду. Но твой будущий муж

может не обрадоваться, что ты ведьма. А ты проколешься, Амедея. Ты не так осторожна, как думаешь. Или же тебе придется запереть саму себя в клетку, добровольно отказаться от дара и прожить так остаток дней. А так нельзя! Ты лучшая, честно тебе говорю!

Роза благоухала на всю красную комнату.

– Что же мне делать? – спросила я, и светлые глаза Ленни алчно вспыхнули.

– Я могу спрятать тебя так, что никто не найдет, – вкрадчиво пообещал он. – Я исполню все твои желания. Любые материалы, хоть чешуя дракона, хоть перо из зада полярной совы – все достану.

Чуть более комфортная клетка, в которой птичка будет петь для него одного.

– А взамен? – спросила я.

Ленни снял серьгу и положил на стол.

– Тяжелая, – пожаловался он и помассировал мочку. На тонких пальцах осталась кровь. – Мы всегда договоримся, Амедея. Я не стану тебя заставлять делать что-то, чего ты не хочешь...

Я посмотрела на измаранную кровью черную розу, лежащую на столе. Зачем же Ленни снял артефакт правды перед тем, как давать мне обещания?

– Я подумаю, – ответила я, и это тоже было вранье.

За эти несколько дней Геррах весь извелся. Мало того, что все попытки расплавить рабский браслет пошли прахом, так еще и Амедея вдруг заперлась где-то в доме и больше не звала его ни поесть, ни поговорить.

Обманщица, притворщица, лгунья... Сперва пообещала ему сделку и свободу, а потом вовсе о нем забыла. Кристальная чистота обернулась отравой, которая мучила его душу. Что до тела, то его желания Геррах привык контролировать, но не мог перестать думать, что бы сделал, если бы браслет вдруг исчез.

А может, вместе с оковами спали бы и чары, и нежный облик хозяйки померк. Геррах даже попытался выяснить, на самом ли деле Амедея так восхитительна. Вдруг это магия делает ее личико таким нежным, а тело желанным. Однако Эврас подтвердил, что Амедея и правда очень хороша, хоть и слегка худая на его вкус.

Друг погрузился в изучение бухгалтерских документов и, пользуясь случаем, с упоением находил прорехи в налоговом законодательстве чужой страны, а Геррах измочалил деревянный меч в щепки и теперь сидел на крыльце и стругал себе новый.

Трехцветная кошка, чувствуя его настроение, держалась в стороне и неодобрительно прижимала уши.

– Шшш, – сердито шикнул Геррах в ее сторону, и кошка тоже зашипела на него, скаля мелкие зубки.

– Я вам не помешаю? – церемонно поинтересовалась тетка Амедеи.

Еще одна заноза, которая все норовила привлечь его к труду. То выкорчевать пни, то натаскать воды, то достать с дерева кота, который, по мнению Герраха, сбежал туда от чрезмерно заботливой хозяйки. И он корчевал, носил и снимал, и готов был перекопать весь треклятый сад, лишь бы занять чем-то руки и мысли.

– Что еще? – грубовато спросил Геррах, вживаясь в роль неотесанного варвара. – Могу дров наколоть.

– Не надо, – сказала тетка. – Госпожа зовет тебя в голубую столовую. Только приведи себя в порядок, смотреть страшно.

К Амедее он чуть не бежал, но перед дверью все же задержался и вошел не спеша. Девушка сидела за столом, сосредоточенно жуя салат, и поприветствовала Герраха скупым кивком.

Как будто уставшая, под голубыми глазами тени, волосы взлохмачены и пахнут розами.

– Ты была на свидании? – выпалил Геррах, садясь напротив.

Амедея удивленно на него посмотрела.

– Куда ты пропала? – требовательно спросил он. – Наша сделка в силе?

– Угу, – промычала она. – Ешь.

Геррах схватил вилку в кулак и сердито вонзил в куриную ножку. Поднес ко рту и вырвал зубами кусок мяса.

Амедея смотрела куда-то в глубь себя и словно вовсе не замечала его манер. Хотелось взбесить ее, встряхнуть за хрупкие плечи, а лучше – исцеловать до жарких стонов, до распухших губ.

Взяв руками салатный лист, Геррах запихал его себе в рот целиком, хрустя и причмокивая. Амедея всхлипнула и спрятала лицо в ладонях.

– Эй, ты чего? – испугался он. – Слушай, я же шучу. Я не стану чавкать при твоём дяде!

Амедея покачала головой и отняла руки от лица.

– Все напрасно! – с горечью выпалила она. – Оказывается, он уже сговорился с кем-то очень важным. Пообещал меня взамен на поддержку на выборах в совет. Я завидная невеста, знаешь ли: у меня хорошее приданое. И вряд ли фальшивый жених что-то изменит!

– А чего ты вообще хочешь? – спросил Геррах. – От жизни.

– Я? – Амедея покусала губы и ответила, глядя ему в глаза, как будто наконец его заметив: – Свободы! Я хочу того же, чего и ты, Геррах! Разве это так много? Просто самой выбирать, как жить свою жизнь.

– Ты – девушка, – напомнил он.

– Да ладно! – с нарочитым изумлением воскликнула Амедея, выпрямившись и отбросив вилку. – Ешь свой окорочок и не пытайся умничать. Не твое это.

Геррах аккуратно отложил столовые приборы, закипая от бешенства.

– Хороший муж еще не помешал ни одной женщине, – рассудительно заявил он.

– Мне прямо хочется снять с тебя браслет и отправить с глаз долой, – призналась Амедея.

Видимо, на его лице промелькнули надежда и замешательство, потому что она рассмеялась.

– Не радуйся раньше времени, раб. Сперва я все же попробую разыграть эту партию. Вдруг Ленни что-то перепутал. Хотя вряд ли. Он хитрый лис.

– Кто такой Ленни?

– Но в любом случае он знает слишком много, – пробормотала Амедея, вновь хватая вилку и яростно размешивая салат. – Его чернокожий слуга шел за мной следом через весь рынок, я видела его рожу. Я как будто в осаде со всех сторон.

– Да кто такой этот Ленни? – повторил Геррах, раздражаясь.

– Опасный человек, – ответила она. – Не забивай себе голову, Геррах. Лучше запомни – вот эта вилка для салата, а эта – для рыбы. Но, знаешь, лучше рыбу не ешь.

– Давай я убью его.

– Что ты заладил? – возмутилась она. – То жениха, то Ленни. Убью да убью. Человеческая жизнь – бесценный дар!

– Расскажи толком, что случилось. В целом я понял: про дядю и выборы. Но Ленни – белое пятно.

– Наверное, я совершила ошибку, когда связалась с ним. Но он так хорошо платил и не задавал вопросов... – Амедея застонала и, вновь отбросив вилку и опершись локтями на стол, обхватила голову руками. – Довериться ему – точно не вариант. Все равно что сунуть голову в пасть дракону.

– Дракону? – переспросил Геррах. – А хочешь сбежать со мной? – предложил он. – Амедея, ты только скажи! Я проведу тебя через любую пустыню, – он склонился к ней через стол. – Я дам тебе твою вожделенную свободу. Выстрою дом, найму слуг. Тетку твою доставучую тоже устрою. Котов ей заведу, целое пушистое стадо. Тольконими с меня этот браслет...

– Все от меня чего-то хотят, – устало заметила Амедея. – Знаешь, может, я все же зря паникую. Сперва надо взглянуть, что там за жених. Вдруг он добрый и мягкий тюфячок, который будет снисходительно относиться к причудам жены...

– А какие у тебя причуды? – поинтересовался Геррах.

– А может, он вообще капитан, – с надеждой предположила она. – Говорят, недавно один корабль отправился в кругосветное путешествие. Вдруг и мой муж отчалит в неведомые дали. Должно же мне когда-нибудь повезти? Кстати, ты уверен, что сможешь выдать себя за торговца? Ты куда больше похож на его телохранителя. Но такой жених дядю точно не устроит...

– Зато устроил бы тебя, правда? – проворчал Геррах. – Женился – и ушел с караваном. А в пути может случиться всякое, и охрана первой попадает под раздачу.

– Идеально, – согласилась она.

– Если что, мое предложение все еще в силе, – напомнил он. – Быть может, твой жених не захочет то, что уже кто-то брал.

– Предлагаешь опозорить меня на всю Аль-Малену? – спросила Амедея.

– Ты же не хочешь замуж. Да и высшее общество тебя не привлекает. Что за тайная комната, где ты сидишь целыми днями?

– Сижу и сижу, тебе какое дело, – бросила она. – А ты чем занимался, не считая попыток бегства?

– В основном котами, – тяжело вздохнул Геррах, и Амедея недоверчиво улыбнулась.

Он рассказывал про кота тети Молли, забравшегося на дерево в саду, но я думала о своем.

Сбежать – вот единственный вариант. Здесь меня не оставят в покое – ни дядя, ни Ленни. Наш последний разговор с Соловьем мне совсем не понравился: его интерес, вопросы, предложение, и особенно то, как он снял артефакт правды... Коготок увяз – всей птичке пропасть. Пока что Ленни не пытался меня шантажировать, но я понимала, что уже в его власти.

Сладкий аромат роз пропитал мои одежды, но в нем была и затхлая нотка лжи. Соловей – мастер петь песни, но верить им нельзя.

Можно сесть на корабль под яркими флагами и уплыть куда-нибудь через море. Ленни щедро заплатил мне за розу из чешуи дракона: хватит на первое время и на себя, и на тетю. В сундучке припрятаны сбережения – не так много, как хотелось бы, но есть еще драгоценности мамы, на которые дядя не наложил свою жадную руку.

Геррах продемонстрировал мне свежие царапины на руке, и я деланно ужаснулась. Кажется, кот хотел, чтобы его не спасали, а оставили в покое – точно как я.

Фальшивый жених вряд ли спасет меня, но с его помощью я пущу дядю по ложному следу. Предъявлю торговца с востока, а после исчезну. Логично, что меня станут искать в том направлении. Я же сбегу на запад, в Эркайю. Там когда-то жила прабабка по маминой линии, и у меня в спальне висела картина, на которой чистый, будто прозрачный город тянулся хрустальными башнями к самому небу.

На миг мелькнула мысль принять предложение дракона. Геррах не врал, он бы и правда повел меня через пустыню к своим землям, где красные горы – зеленые. Даже заманчиво – просто взять и переложить все заботы на могучие плечи, покрытые чешуей, что так чисто поет. Но я глазом моргнуть не успею, как он облагодетельствует меня собой. Ведь по его патриархальным убеждениям счастье женщины – в муже.

– Амедея! – в столовую, запыхавшись, ворвалась тетя Молли. – Завтра! Они приедут завтра! Конрад прислал письмо!

– Можешь быть свободен, – сказала я Герраxu.

– Уверена? – спросил он. – И даже не сыграешь со мной в шашки? Или во что там надо.

– Ты все равно ему не понравишься, – отрезала я. – Вечером еще раз пройдемся по легенде, но тебе не надо будет присутствовать долго. Я вас познакомлю, а потом ты сошлешься на дела и уйдешь.

– Я тут подумала насчет дров – лишним не будет, – добавила тетя Молли. – Так что тебе будет чем заняться.

– Не сомневаюсь.

Геррах поднялся и, бросив на меня пыливый взгляд, пошел прочь. Тетя села на его место и схватила меня за руки.

– Так волнительно, Амедея! – экзальтированно воскликнула она. – А вдруг жених – тот самый? Вдруг твое сердечко дрогнет и впустит в себя любовь?

– Я бы на это особо не рассчитывал, – бросил Геррах уже у дверей.

– Помойся хорошенько, – приказала я. – И пусть слуги подберут тебе одежду.

Дождавшись, пока он уйдет, я повернулась к тете.

– Помнишь, мы мечтали о путешествии?

– Вообще-то ты мечтала, – возразила она. – Ничего не может быть лучше родного дома.

– Но что, если этот жених окажется еще хуже предыдущих? А дядя потеряет терпение? И я подумала...

– Ты драматизируешь, – укорила меня тетя. – Варвара этого притащила, устроила спектакль. Дея, милая, надо всего лишь посмотреть на жизнь по-другому: с радостной надеждой, открыто, доверчиво! И она, вот увидишь, преподнесет тебе приятный сюрприз.

Я только вздохнула.

– Если жених мне не понравится, я сбегу, – поставила я ее перед фактом. – Ты со мной?

– Ох, Амедея, – ее голубые глаза наполнились слезами. – Ты как скажешь... Конечно, я с тобой, деточка. Но, дорогая, давай не будем рубить с плеча. Этим пусть раб занимается. Не представляю, как ты собираешься выдать его за приличного человека...

– Собери на всякий случай вещи, – сказала я. – Самое необходимое.

– Ладно, – согласилась тетя. – Но сперва давай выберем, что ты завтра наденешь. Вот то новое платье весьма приятное, хоть и откровенное. Но, быть может, так даже лучше. Или сходим на рынок и подберем что-то еще? По правде сказать, я слегка обносилась. Конрад вечно смотрит на меня так неодобрительно, как будто я только зря занимаю место...

– Хорошо, сходим за нарядами, – кивнула я. – На набережной открыли новый магазин готового платья.

Я смогу оставить там тетю, а сама сбегу в порт и узнаю, когда отправляется корабль в Эркайю, город сверкающих башен. Говорят, там в школы магии принимают и женщин, но в эти слухи я верила с трудом.

Тетя Молли щебетала о платьях, к которым обязательно нужны новые туфельки с острыми носами, по последней моде, а я прикидывала, что надо взять с собой. Деньги, драгоценности, материалы для артефактов, удобную обувь, пару плащей...

Хрустальный город на миг сменился зеленой горой с нахлобученной шапкой снега, но я быстро прогнала это видение.

– Конрад любит тебя, – сказала тетя Молли, тронув меня за руку. – Ты вообще слушаешь меня, Дея?

– Любит, – повторила я. – Как свою собственность, которой можно выгодно распорядиться.

– Брось, – отмахнулась она. – Он бы давно мог выдать тебя замуж, претендентов хватало. Но вдруг этот самый лучший?

Если бы я знала, кто перешагнет порог моего дома, то бежала бы хоть в пустыню, хоть к драконьим горам, но в тот момент я позволила себе надежду.

– Ты права, – ответила я тете. – Завтра я встречу удивительного мужчину, который изменит всю мою жизнь.

В каком-то смысле так и вышло.

Глава 6. Жених

За те полгода, что мы не виделись, дядя совершенно не изменился: все такой же добродушный на вид толстячок, он ущипнул меня за щеку, кивнул тете Молли и посторонился, пропуская вперед жениха.

Я почти не спала этой ночью, зато под моей кроватью теперь прятался новенький чемодан, в котором уместилось все самое необходимое. Но когда я увидела претендента на мою руку и сердце, то слабовольно подумала, что, быть может, никуда бежать и не стоит...

– Филипп Ландо, – представился он и, галантно склонившись к моей руке, коснулся ее губами.

Высокий, стройный, с аккуратными чертами лица и ясными серыми глазами. Не слишком молод: на висках и надо лбом в русых волосах уже заметна седина. Нижняя челюсть чуть выступает вперед, на подбородке ямочка. Очень элегантный в ослепительно белом костюме и почти такой же высокий как Геррах, но куда тоньше. Не меч, а хлыст, гибкий, но жесткий.

Тетя едва не подпрыгивала от радости и, тараща глаза, одними губами шепнула:

– Хорош.

Филипп Ландо и правда был интересным. Где-то я уже его видела...

– Моя драгоценная племянница Амедия, – дядя представил меня торжественно и гордо, точно шеф-повар, вносящий коронное блюдо вечера.

Холодные серые глаза впились в меня как рыболовные крючки, и грудь вдруг сдавило так, что стало трудно дышать.

– Я уже видел вас однажды, прекрасная Амедия, – донеслось как будто издалека. – И не смог забыть, как ни пытался. Эти голубые глаза...

– Да, она очень мила. Пойдем, я покажу тебе все.

Дядя повел Филиппа в дом, и наваждение прошло, я выдохнула, а тетя схватила меня за руку.

– О, Дея, милая, он такой красавчик!

Дядя ушел вперед, показывая мой дом жениху, который, кажется, уже ощущал себя здесь полноправным хозяином, а я, оглядевшись, вытерла вспотевший лоб шторой.

– Ты в порядке? – нахмурилась тетя. – Сегодня такая жара. Быть может, стоит сходить припудрить носик?

– Все нормально, – ответила я. – Просто вспомнила, где его видела.

Филипп Ландо, распорядитель горячих игр. В тот единственный раз, когда я их посетила, он сидел на центральной трибуне неподалеку, и его ноздри раздувались, как будто он вдыхал не вонь пота и крови, а упоительный аромат.

– Действуем по плану, – сказала я тете, и она недовольно нахмурилась, но после кивнула.

– Ты права, подстегнем его конкурентом, – заговорщицки прошептала она. – Ох, Дея, вы будете так славно смотреться вместе...

– Он мне не нравится, – отрезала я, пытаюсь вспомнить все, что о нем знала.

Горячие игры были самым громким и ожидаемым событием Аль-Малены, каждый год они привлекали в казну потоки золота, а заодно избавляли город от преступников. Бандитам, насильникам и убийцам всех мастей давали возможность получить прощение и свободу на играх, и победителей чествовали как героев. Вот только большинство участников покидали арену не на своих ногах, а в телегах, за которыми оставался кровавый след до самых городских ворот.

Я покусала губы, пощипала щеки, почувствовав озноб вопреки жаре.

– Ты красавица, – приободрила меня тетя Молли. – К тому же он уже в тебя влюблен. Присмотрись к нему. Вежливый, утонченный, весь в белом...

И по уши в крови.

Я не была такой уж экзальтированной девой. Взять того же Ленни – я вела с ним дела, прекрасно понимая, что он из себя представляет. Но мой жених, перед которым дядя вился ужом, убивал ради удовольствия. Придумывал новые изощренные способы, яркие сюжеты, подбирал людей как актеров в труппу, зная, что им предстоит умереть, а потом наслаждался поставленным им же спектаклем.

Дядя подошел ко мне и прошипел сквозь зубы:

– Что стоишь как пришибленная? Иди, улыбайся, пригласи к столу. Это очень важный человек, Амедея. Я надеюсь, все готово?

– Разумеется, дядя, – ответила я, и мой голос прозвучал звонко и оживленно. – Ты ведь сообщил, что придешь. И не один, а с гостем. Я всегда рада тебе, ты же знаешь. И твоим друзьям тоже.

Вот так – просто гость, просто дядин друг. Филипп пристально взглянул на меня, и воздух вновь как будто загустел. С усилием протолкнув его в легкие, я добавила:

– Прошу, в голубой столовой уже накрыто. Но там на один прибор больше. Я ожидаю кое-кого еще – человека, с которым я давно хотела познакомить тебя, дядя. Надеюсь, он тебе понравится. Потому что для меня это очень важно.

Я постаралась смущенно улыбнуться, и дядя сконфуженно насупился, виновато глянув на гостя. Тот выглядел невозмутимым и спокойным, только острый кадык дернулся вверх-вниз на тощей шее, как будто Филипп подавился камнем.

– Хорошая компания – лучшая приправа к ужину, – сказал он.

– Но мы не станем ждать неизвестно кого, – выпалил дядя и, пожевав губы, приказал: – Перенесешь эту встречу на другой день, Амедея. Поболтать с подружкой, – он выделил последнее слово, – ты сможешь и завтра.

– О, это друг, – возразила я, похлопав ресницами и вновь якобы смутившись, чтобы стало понятно, что друг этот очень близкий. – А вот кстати и он. Геррах, ты как раз вовремя!

Раб, одетый в белую рубашку и серые брюки, вошел через главную дверь. Он битый час прятался в купальнях, ожидая знака, но, к моему удовольствию, выглядел свежо и опрятно. Геррах окинул взглядом присутствующих, держась уверенно и без всякого рабского подобострастия – за эту наглость я его и купила, и еще за внешность. Рядом с ним Филипп сразу показался бледным и тщедушным несмотря на пафосный костюм.

– Геррах Шор, – представился раб. – А вы, я полагаю, Конрад Лейтон, дядя Амедеи и ее официальный опекун.

Дядя без особой охоты пожал протянутую ему руку.

– Филипп, – коротко представился жених и тоже пожал ладонь Герраха, а потом вдруг обхватил ее обеими руками. – Как интересно, – протянул он. – У меня своего рода профессиональная деформация:

могу определить годного воина буквально по пальцам, и я удивлен. Чем вы занимаетесь, Геррах?

– Торгую шелком, – ответил он, высвобождая ладонь.

Филипп тонко усмехнулся.

– Нет, – возразил он. – У вас рука опытного, умелого воина. Я даже скажу вам комплимент, который мало кто от меня слышал: если бы вы вдруг решили поучаствовать в горячих играх, я бы поставил на вас.

– Благодарю. Но я торговец. Теперь. Раньше бывало всякое.

Я мысленно возблагодарила богов: Геррах не стушевался, не принялся мямлить, хотя все сходу пошло не по плану.

– В вас есть драконья кровь, – утвердительно произнес Филипп. – Перед вашей фамилией точно нет приставки «дра»? Уверен, если хорошенько вас поскрести, можно найти пару чешуек.

– К счастью, у меня ничего не чешется, – отрезал Геррах. – Амедея, ты надела мое любимое платье...

Он взял мою руку и коснулся ее губами, и моя магия позволила ему это. Рабский браслет все так же обхватывал смуглое запястье Герраха под рукавом белой рубашки, но я мысленно добавила разрешение касаться меня – и все получилось. Если бы сейчас его швырнуло о стену, это был бы эпичный провал.

– Что ж, все в сборе, – сказала я с радостью, которой не испытывала. – Прошу к столу.

Гости вошли в голубую комнату, где накрытый стол уже сверкал приборами и хрустальными бокалами. Я использовала простенький артефакт, и здесь было свежо и даже прохладно.

– Магия, – заметил Филипп, снова как будто приносиваясь.

– Мой покойный брат был магом, – охотно пояснил Конрад. – Но ты и так это знаешь. От него остались кое-какие безделушки, я все собираюсь сделать опись, но дела... Садись сюда. Амедея, а ты рядом с гостем.

Но Геррах подвинул для меня стул галантным жестом, от которого я не смогла его отучить, и сел рядом. В итоге мы с ним оказались по одну сторону стола, а дядя с женихом – по другую, словно противники. Тетя заняла оставшееся место в голове стола как судья, или игрок, не выбравший команду.

– Пахнет чудно, – похвалил Геррах. – Снова ягненок? Молли, ты сегодня свежа как роза, – добавил он с неожиданной фамильярностью. – Новое платье? Очень тебе идет.

Тетя зарделась одновременно и от злости, и от удовольствия.

– Да, – выдавила она. – Мы с Амедеей прогулялись вчера. Выбрали обновки.

Она выбрала – и теперь во всех этих оборках и кружевах и правда смотрелась цветочком. А пока тетя крутилась в примерочной, я разузнала, что корабль до Эркайи отправляется уже через три дня, и забронировала места. Что ж, теперь осталось продержаться совсем немного, а потом пусть ищут меня и торговца шелком где-нибудь на востоке.

– Забыл сказать, как рад знакомству, – обратился Геррах к моему дяде. – Поначалу Аль-Малена показалась мне не слишком-то радушным городом, но потом я познакомился с вашей племянницей – и все изменилось. Она научила меня новому...

– Это чему же? – заинтересовался Филипп.

Надеюсь, Геррах не скажет – есть ножом и вилкой.

– С надеждой смотреть в будущее, – ответил он.

Его левая рука под столом уверенно легла на мое колено, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности – такого точно не было в планах. Геррах нежно улыбнулся, посмотрев на меня, и мне только и оставалось, что улыбнуться в ответ, хотя куда больше хотелось воткнуть вилку в его наглую лапу. Я тут едва дышу от паники, а он развлекается!

– Будущее так зыбко, – заметил Филипп. – Его может вовсе не быть.

– Поэтому надо ловить момент и жить настоящим, – согласился Геррах, и его пальцы аккуратно подтянули тонкую ткань моего платья и коснулись обнаженной кожи. – А вы, как я понял, занимаетесь горячими играми? – невозмутимо спросил он, пока его пальцы выписывали неспешные узоры на моем бедре. – Забавно, мы могли бы познакомиться раньше.

– Правда?

– У меня был раб. Опасный и неуправляемый тип. Тупая, злобная скотина, если уж откровенно. Я хотел продать его на игры. Но он сбежал.

– Жаль, – коротко бросил Филипп. – Люблю таких, не поддающихся дрессировке. На играх они показывают себя лучше всего.

– Амедея, тебе не жарко? – спросил дядя. – Похоже, артефакт не справляется.

– Просто я волнуюсь, – чистосердечно ответила я. – Мы давно не виделись, дядя, и я возлагаю особые надежды на этот вечер.

Дядя крикнул от возмущения и вновь виновато посмотрел на Филиппа.

– Но что же вы не едите? – поинтересовалась я тоном радушной хозяйки. – Сегодня тушеные овощи с нежным филе ягненка, а моему повару это блюдо удастся особенно хорошо.

А еще оно не требует ловкого обращения с приборами.

– Мне все очень нравится, – заверил Геррах, а его пальцы продвинулись еще выше по моему бедру.

Конечно, я сама разрешила ему к себе прикасаться. Но не думала, что он настолько нахален. Впрочем, Геррах как будто старался держаться в границах, которые сам себе очертил. Он лениво поглаживал мою ногу, то возвращаясь к коленке, то вновь скользя пальцами по внутренней стороне моего бедра, и при этом легко поддерживал беседу.

– Значит, шелк, – сказал Филипп. – Интересный выбор.

– Что же в нем интересного? – невозмутимо спросил Геррах.

Я попыталась незаметно отпихнуть его руку, но куда там... От его неспешных прикосновений по моей коже побежали мурашки, и когда Геррах посмотрел на меня, искры возле его зрачков вспыхнули ярче.

– Вам бы больше подошло оружие, – пояснил Филипп, – мечи, щиты, копья...

– Вы так охотно распределяете роли, – заметил варвар. – Тоже отпечаток профессии? Мне вот интересно, сколько бы вы продержались на арене, Филипп. Минуту? Вряд ли две.

Дядя стал таким пунцовым, как будто это его обозвали слабаком или потискали под столом.

– Вы абсолютно правы, Геррах Шор, – Филипп рассмеялся, хотя не прозвучало ничего смешного. – Или все же Джеррах дра Шор?

Так быстро понял, что мой варвар – дракон. И то странное ощущение нехватки воздуха – было ли оно случайным? Филипп казался приятным интеллигентным мужчиной, но я помнила его лицо на играх, искаженное жадой смерти.

– Каждый должен заниматься своим делом, об этом и речь, – продолжил мой потенциальный жених. – Меня бы очень быстро убили на арене, и поэтому я предпочитаю сидеть на трибунах. А вас я не представляю с шелком в руках, потому и удивлен. Какие у вас торговые маршруты?

Я поднялась, и Геррах нехотя убрал ладонь с моего бедра.

– Позвольте я поухаживаю за вами, – быстро сказала я, накладывая жаркое по тарелкам. – Ягненок удивительно хорош. А вот еще свежие овощи, медовый соус...

Переведя внимание на себя, я давала варвару возможность подумать и половчее соврать, или же вовсе свернуть с темы, но, к моему удивлению, он ответил вполне уверенно:

– Один из постоянных: Вароха – Дравиль.

А потом принялся сыпать названиями городов, в которых у него якобы есть торговые посты, прочертил маршруты своих вымышленных караванов и даже упомянул близкое знакомство с королем Варохи. Врет как дышит. А я-то думала, что дракон не умеет лгать.

– На данный момент я рассматриваю Аль-Малену как один из потенциально выгодных новых рынков, – ответил Геррах и повернулся к дяде. – Я подумываю купить здесь дом. Большой, удобный, с садом и купальнями, куда приведу свою будущую жену.

Жирный намек. Что-то такое я и просила сделать – заявить о серьезности намерений, чтобы дядя увидел в нем реального кандидата на мою руку и сердце. Я вновь села и с наигранным смущением опустила ресницы, исподволь наблюдая за мужчинами. Филипп присматривался к Герраxu едва ли не внимательнее, чем дядя, а его тонкие пальцы мяти салфетку. Он то складывал ее, то разглаживал, и эти движения казались какими-то неправильными, болезненно судорожными. Пальцы двигались проворно и гибко, как белые червяки.

Я представила эти ладони на своем теле и непроизвольно поежилась.

– И дом Амедеи вам, полагаю, по нраву? – спросил дядя, насупившись.

– Нет, – ответил Геррах и вновь нашел мое бедро под столом.

Его рука уверенно повторила уже пройденный путь и поднялась еще выше, так что у меня перехватило дыхание.

– Мне по нраву она сама, – откровенно бросил Геррах. – Что до приданого – не интересует.

Дядя вскинул брови, а я умоляюще посмотрела на варвара. Вздохнув, Геррах убрал ладонь и, взяв вилку и нож, приступил к ужину.

Ел он с аппетитом, но очень аккуратно. Я ведь подозревала, что раб специально доводит меня своим чавканьем и манерами, и теперь получила этому подтверждение. Он бы, пожалуй, и с рыбой справился.

– А мы с Амедеей нашли чудный магазинчик, – невпопад сказала тетя, решив поучаствовать в беседе. – Такие прекрасные платья. И столько тканей: и шелк, и бархат, и кружева...

– Дайте потом адрес Герраxu, – посоветовал Филипп. – Ему же надо куда-то сбывать свой товар. Кстати, где вы остановились?

– В съемных апартаментах, – ответил Геррах. – Устал от постоянных дворов и таверн. Хочется домашнего уюта.

– А ваши люди?

– Хотите поискать среди них мясо для горячих игр?

– Если кто-нибудь из них так же хорош и тоже прячет драконью чешую на своем теле...

Геррах откинулся на спинку стула и с насмешкой посмотрел на Филиппа.

– Такое чувство, что вам хочется меня раздеть, – заявил он и с таким предвкушением подтянул рукава рубашки, что я испугалась.

Сперва почти прямым текстом заявил, что Филипп слабак, теперь вот прямое оскорбление мужественности. В красных горах Герраха такое наверняка не прощают.

– Я и так вижу, что вы в отличной физической форме.

Филипп благостно улыбнулся, но серые глаза оставались холодными как сталь. Геррах как будто разочарованно вздохнул.

– Интересный браслет, – заметил Филипп, кивнув на его руку. – Можно взглянуть?

Мое сердце вновь подскочило и забилося где-то у горла.

– Нет, – ответил Геррах. – Я с ним не расстанусь уже очень долгий срок.

– Полагаю, это подарок от женщины? – спросил дядя, выразительно глянув на меня.

Геррах закинул руку на спинку моего стула и невзначай погладил меня по шее.

– Так и есть, – вздохнул он и великодушно предложил: – Амедея, если тебе неприятно, что я ношу этот браслет, ты можешь его с меня снять.

– Нет, – ответила я, не сдержав улыбки. – Он тебе очень идет.

В целом ужин, по мнению Герраха, прошел неплохо. Дядя, поначалу глядевший на него волком, как будто призадумался. Женишок к концу вечера помрачнел и скатал свою салфетку в плотный шарик. Запихать бы ее прямоком ему в глотку, до самого кадыка, а лучше расквасить нос и добавить на белый костюм кровавых узоров.

Этот невзрачный козел просто выводил его из себя. Тощий, бледный, пальцы бегают и как будто живут своей жизнью. И этот хлыщ вознамерился покуситься на Амедею! На нее и так есть кому покушаться.

Что до хозяйки вечера, то она была очаровательна, а ее кожа – нежна как шелк, которым он якобы торговал. Самое захватывающее, что Амедею нравились его ласки: щеки розовели, дыхание сбивалось, а в голубых глазах, обращенных к нему, помимо злости мелькало и потаенное желание большего.

После ужина он вышел вместе с Конрадом и женишком, но отказался от места в экипаже, соврав, что хочет пройтись. Остановился ровно на границе, откуда его начинало тянуть в дом незримой цепью.

Конрад задержался возле него и тихо уточнил:

– Я верно понял ваши намерения касательно моей племянницы?

– Верно, – подтвердил Геррах. – Я хочу на ней жениться.

Такой вариант тоже возможен. В довесок к женитьбе по-любому пойдет свобода, и вряд ли узы брака будут тяготить его сильнее рабского браслета.

– И вы готовы отказаться от приданого Амедеи?

– Да, – кивнул Геррах. – Больше того, я дам за нее выкуп.

– А о какой примерно сумме идет речь? – заинтересовался Конрад.

– Сто тысяч золотом, – сказал Геррах, и глаза дяди алчно вспыхнули.

– Конрад, – нетерпеливо позвал его женишок из кареты. – Вы что там, решили сговориться на пару рулонов шелка.

– Я подумаю, – тихо пообещал дядя и пожал ему руку куда радушнее чем при встрече.

Геррах пошел вдоль стены, окружающей дом, и, завернув за угол, разбежался, подпрыгнул, уцепился рукою за край и, легко подтянувшись, забрался наверх. Спрыгнув во двор, он направился к дому, куда его тянуло не только рабским браслетом, но и вполне очевидными желаниями.

Он хотел распалить Амедию, но так уж вышло, что распалился сам.

Главное – успеть закрыть ей рот поцелуем до того, как она произнесет запрет.

Проводив взглядом Герраха, Конрад сел в карету и невольно поежился от близости Филиппа Ландо. Черт знает, что в нем такое: вроде обычный мужчина, даже довольно приятной наружности, всегда опрятный, чистенький, а иногда так посмотрит, что хочется с воём сбежать.

– Ситуация усложнилась, – пробормотал Конрад.

– Я так не думаю, – мягко возразил Филипп.

– Ты же видел, он явно заинтересован, да и она...

– У нас уговор, забыл?

Конрад вздохнул. Место в совете было его светлой мечтой. Но и сто тысяч золотом еще никому не помешали.

– А что если они уже... – промямлил он. – Ты видел Герраха – здоровый сильный мужчина, который явно своего не упустит...

– Это точно, особенно если учесть, что его рука полвечера провела у нее между ног, – процедил Филипп.

Конрад задохнулся от возмущения и стыда.

– Мне плевать, даже если она не девственница, – откровенно продолжил Филипп. – Я хочу ее, и я ее получу. А ты подумай вот над чем, Конрад, – его голос звучал вкрадчиво в полумраке экипажа, – он – из дикой вражеской страны...

– Вароха – наш торговый партнер, – слабо возразил он.

– Однако торгует и с Дравилем, с которым мы на ножах. А в Геррахе есть драконья кровь, не сомневайся. Если узнают, что ты отдал племянницу за дракона, это подорвет твою репутацию. А об этом узнают. Уж я позабочусь.

– Ты угрожаешь мне, Филипп?

Конрад постарался выглядеть суровым, но экипаж вдруг показался таким душным, и горло словно сдавило мягкой рукой.

– Что ты, Конрад, – возразил Филипп. – Какие угрозы? Я говорю как есть. И как будет. Если ты не отдашь мне Амедю, я от тебя и мокрого пятна не оставлю.

Конрад захрипел, оцарапал шею ногтями, пытаясь сдвинуть невидимую удавку, стянувшую шею. Высунул голову в окно и жадно втянул воздух.

– Да, душно, – согласился Филипп. – Так что, мы поняли друг друга?

Конрад откинулся на спинку сиденья, обмахиваясь пухлой ладонью и безбожно воняя. Даже удивительно, что Амедю – родная кровь этого потного толстяка. Такая красивая, нежная, чистая... Жаль, если дракон успел первым, обычно женщины особенно робкие поначалу. Но это ничего. Филипп все равно сумеет сделать так, что она будет бояться.

Он помнил вкус ее страха там, на играх, и это было похоже на глоток холодного игристого вина, восхитительнее которого он никогда не пробовал.

– Филипп, а если Амедю заартачится, – пробубнил толстяк. – Она же не рабыня и не кобыла, чтобы я ею торговал. А она так на него смотрела, на Герраха... Между ними двоими происходило нечто особенное, – он покрутил рукой, – как будто разговор без слов.

– Она согласится, – отрезал Филипп.

Ведь он в курсе ее маленькой тайны. Так легко управлять людьми, если знаешь, на какие точки давить. Но теперь надо сделать все быстро. Филипп любил рыбалку. Когда блестящее серебристое тельце, выдернутое из привычной среды, отчаянно билось в панике, он чувствовал гармонию и спокойствие. Жадно открытый рот, выпученные глаза – люди, с которыми он играл, тоже походили на глупых рыбешек. С Амедеей он будет забавляться очень, очень долго, пока не выпьет весь ее страх до капли.

Но сейчас, он чувствовал, пора подсекать.

Глава 7. Еще одно дело

– Очень достойный молодой человек, – убеждала меня тетя Молли. – Высокий, красивый, стройный. А как на нем костюм сидел, видела?

Геррах в обычной рубашке и брюках был в сто раз красивее.

– Светлая кожа – признак благородных кровей, – напирала тетя. – Не то что этот твой... Тьфу! Сразу видно, простецкая рожа.

О, Геррах вовсе не так прост, как хотел поначалу казаться. Но какая, в принципе, разница? Даже если он драконий принц – мне это все ни к чему.

Чемодан ждал своего часа. Осталось два дня. Завтра я продержусь, а потом сяду на корабль – и пусть хоть обыщутся. И дядя, и Ленни, и Филипп, от которого у меня мороз по коже.

– А какие у него тонкие пальцы. Заметила, как он ими перебирает? Наверное, пианист, – она мечтательно вздохнула. – А может, играет на арфе.

– Он гадкий, – сказала я, прервав утомившие меня оды прекрасному Филиппу.

Тетя захлебнулась возмущением.

– Гадкий? – с недоверием переспросила она. – Да он как сахарная фигурка с торта!

Такую съешь – как бы не скрутило.

– Если он так тебе нравится – иди за него замуж сама, – отрезала я. – А я хочу другого.

– Этого твоего раба? – с пренебрежением уточнила тетя. – То, как он смотрел на тебя, – это просто неприлично, знаешь ли. Давай все же найдем ту гувернантку, что умеет пороть. Всыпать ему розгами хорошенько, чтобы знал, как смотреть на приличных девушек. И тому лысому заодно, для профилактики.

Когда Геррах смотрел на меня, в его глазах мерцало пламя, и от его жаркого взгляда внутри меня растекалась теплая волна. И его ласки, такие нежные, такие неспешные... В итоге за ужином я сдалась и перестала отталкивать его руку, но он так и не зашел дальше, и теперь моя кожа словно горела и ждала прикосновений.

– Я сказала, что хочу другого, но это вовсе не значит – другого мужчину, – пояснила я. – Я хочу уехать, тетя, я же говорила.

– Деечка, – она всхлипнула. – Но как же так... Зачем? Все так славно складывается. И Филипп...

– Места забронированы на двоих, – жестко продолжила я. – Когда я исчезну, дядя наверняка будет в бешенстве. Ты не родственница ему по крови, и он запросто может вышвырнуть тебя вон.

– Конрад – приличный человек, – промямлила Молли.

Как ей все же важны эти приличия! Да, дядя вел себя культурно и не хватал женщин за коленки, но сегодня он привел в мой дом чудовище. Но, может, он тоже не видел его сути, как и Молли.

– Решай сама, – сказала я. – Если поедешь со мной, я о тебе позабочусь. Заставлять не буду.

– Амедея, деточка, но куда?..

Я вскинула глаза на картину, что висела на стене моей спальни. Хрустальные башни сегодня показались мне острыми стрелами, а алые огни – брызгами крови.

– Как же коты, и дом, и вещи...

Я не собиралась скучать по бараклу. Достаточно того, что останусь я сама. Заработаю, куплю, устроюсь.

– Там тоже полно котов, тетя, – заверила я. – Подумай.

Название города я говорить не стала. Общение с Ленни научило меня осторожности и подозрительности. Я любила тетю и доверяла ей, но она может ляпнуть, не подумав, или разболтать, увлекшись беседой.

Тетя Молли растерянно покивала и ушла из моей спальни.

Стеклянный город на картине казался хрупким, как мои мечты. Но все должно получиться. Завтра я поговорю с дядей, расскажу о своей великой любви к Герраку. Вот будет забавно, если дядя передумает выдавать меня за Филиппа и скажет – будь счастлива со своим варваром, Амедея. Но останется Ленни. И моя тайна.

Картина перед моими глазами расплылась, и я поняла, что плачу.

Если бы я не вошла в лабораторию отца, если бы не попробовала сплести те руны, если бы родилась без магии... Это была бы уже не я.

Даже если дядя отстанет, все равно надо бежать. Послезавтра мы с Молли уедем из дома, займем места в каюте и будем сидеть там тихо как мышки, пока корабль не отчалит. В порту вечно суматоха, никто не обратит на нас внимания. А когда хватятся – корабль будет далеко.

Я вытерла щеки, досадуя на себя за эту минуту слабости. Расклеилась, как дура. Хотя никакой трагедии не произошло. Напротив. Быть может, эти перемены к лучшему.

Дверь снова скрипнула, и я с облегчением сказала:

– Быстро же ты решила.

Горячие ладони легли на мои плечи, погладили шею, потянули за волосы, заставляя поднять голову. Геррах склонился ко мне, почти коснувшись моих губ своими, но вдруг замер.

– Ты что, плакала? – с испугом спросил он, разглядывая мое лицо. – Амедея... Это из-за меня? Из-за того, что я... делал за ужином?

Я оттолкнула его, но с таким же успехом могла бы двигать гору. Геррах опустился на колени у моих ног, обняв мои бедра и с тревогой глядя в глаза. Его беспокойство было даже трогательным. Но вообще – интересный поворот. Это что же, он собирался меня поцеловать? Продолжить то, что начал за ужином? Что-то во мне потянулось ему навстречу, сердце забилося чаще от предвкушения...

– Конечно, я плачу не из-за тебя, раб, – ответила я свысока. – Да, ты вел себя отвратительно. Но ты забываешься. Ты – моя собственность. Не стану же я проливать слезы из-за того, что, допустим, топор оказался тупым.

– Значит, тупой топор, – повторил он, сузив глаза и подавшись ко мне, и я быстро добавила:

– Нельзя прикасаться!

Геррах облизнул губы и убрал руки от моих бедер. В его глазах бушевало пламя, а мелодия древней магии, скрытой в нем, вдруг запела так томно и влекуще, что я едва сдержалась, чтобы самой не склониться и не поцеловать его.

– Хочешь, я женюсь на тебе? – предложил он.

Я делано рассмеялась, но его лицо оставалось серьезным. Геррах гибко поднялся и прошелся туда-сюда по моей спальне, мазнув взглядом по книжному шкафу, картинам и письменному столу.

– Ты освободишь меня, и мы поедем в мою страну, – продолжил он. – Ты не будешь ни в чем нуждаться, Амедея. Я вовсе не простой вояка.

– Это я уже поняла.

– Что ты собираешься делать? Пойдешь за того карлика в белом?

– Он довольно высокий.

– А по сути – букашка. Ты будешь несчастна с ним.

– А с тобой, значит, буду парить на облаках удовольствия? – поинтересовалась я, задрав подбородок и стараясь выглядеть уверенно.

Геррах ухмыльнулся и развернулся ко мне.

– Возьми свои слова назад и проверь, – вкрадчиво предложил он.

– Ты все сводишь к физической близости, – неодобрительно сказала я. – Но мы с тобой очень разные люди. У меня другие мечты, Геррах. Почему, кстати, Филипп звал тебя Джеррах дра Шор?

– Дра – приставка благородных родов в красных горах. Джеррах – произношение на наш манер. Этот тощий стервец наверняка замучил на своих убогих играх не одного дракона.

Я встала с кровати и направилась к двери.

– Иди за мной, – приказала ему.

Есть еще одно дело, которое я должна закончить, пока не уехала из Аль-Малены. Раб нагнал меня в два шага и пошел рядом, и я тайком бросила на него взгляд.

Променять просвещенный город на дикие земли? Выйти замуж за мужчину, о котором я толком ничего не знаю?

– Сюда, – сказала я, отворив дверь, которая слушалась только меня.

Конечно, я рисковала. Но почему-то была уверена, что Геррах не побежит на меня доносить. Я его не знала, но я ему доверяла – вот что странно. Я опасалась дядю, Ленни, и даже с тетей была осторожна, но сейчас открыла свою святая святых перед рабом.

– Раздевайся.

Этот приказ он выполнил без излишних споров.

Варвар рассматривал мою лабораторию с опаской, как будто я привела его в клетку к дикому зверю. Сложив одежду на свободный стул, он вопросительно посмотрел на меня. Я же старалась не слишком пялиться на его наготу и вместо этого попыталась увидеть мою лабораторию чужими глазами. Наверное, она казалась пристанищем алхимика: склянки, колбы, весы. В углу небольшая печь, посередине – широкий стол, на котором лежали книги и листы с моими записями и пометками.

Я убрала всё в ящики под столом и жестом указала:

– Ложись.

– Может, нам будет удобнее там? – глумливо предложил Геррах и кивнул в сторону дивана, стоящего у стены.

Слегка продавленный и потертый, буро-зеленый, как крокодил, он служил мне кроватью, когда я работала допоздна и не находила в себе сил, чтобы вернуться в спальню.

– На стол, – сказала я. – Лицом вниз.

– Ну, так совсем скучно, – разочарованно вздохнул Геррах, но все же выполнил мое распоряжение и вытянулся на столе, который слегка прогнулся, но выдержал.

Таких артефактов у меня еще не было: смуглая кожа слегка мерцала под магическим светом, струящимся из-под потолка, мышцы бугрились, и к ним так и хотелось прикоснуться. Этим я и собиралась заняться, но исключительно в научных целях.

– О да, почешу правее, – хмыкнул Геррах, когда я обрисовала пальцами контур его левой лопатки.

В нем текла магия, и здесь она словно обрывалась. Песня заканчивалась надрывным аккордом, который звучал неправильно.

– Лежи смирно, – приказала я. – Ты ведь хочешь вернуть свои крылья, дракон?

Мышцы на спине напряглись, Геррах приподнялся и повернул ко мне голову. Черные глаза с искрами вокруг зрачков уставились словно мне в душу.

– Ты эш-хасса? – ровным тоном спросил он.

– Слушай, я не очень хорошо понимаю твой язык, – проворчала я. – Я еще про шехсайю не выяснила, а ты тут новыми словами бросаешься. Они хоть приличные?

– Пряха, – выпалил Геррах. – Можно перевести так. Эш-хасса – та, что видит нити мироздания и может сплести судьбу.

– Нет, – ответила я, водя ладонями по его спине и нащупывая оборванную мелодию.

Он поерзал, вздохнул.

– Что тогда? Решила сделать мне массаж? Как тебе угодно, госпожа...

Я провела по позвоночнику, слегка надавливая подушечками пальцев по обе стороны, намечая ключевые точки.

– Я не могу сплести судьбу, – сказала я. – Но попытаюсь тебя починить. Сделать как было. Ты все равно что сломанный артефакт,

Геррах. В тебе течет магия. Но вот здесь, – я положила ладони на лопатки, прислушиваясь к музыке, звучащей слегка искаженно и глухо, – диссонанс.

Он вновь приподнялся на локтях и посмотрел на меня, и кольцо огня вокруг зрачков вспыхнуло ярче.

– Если ты сделаешь это, Амедя, я буду твоим должником навеки.

– Ты вообще-то мой раб, забыл? – сварливо напомнила я. – Ляг уже и не дергайся. А то потоки смещаются.

Я выдвинула ящик стола и, достав оттуда мешочек, высыпала содержимое на стол.

– Откуда это у тебя? – процедил Геррах сквозь зубы.

– Тебя продают на черном рынке, частями. Довольно дорого, чтоб ты знал, но мне сделали скидку. – Спohватившись, виновато добавила: – Прости, тебе неприятно это видеть...

Геррах вздохнул и отвернул голову в другую сторону.

Я клала чешуйки ему на спину, и они впивались в кожу словно иголки. Рисовала пальцами руны на сильной спине, и узоры вспыхивали огнем. Тем самым, что все еще горел в нем.

– Ставишь на мне клеймо? – неловко пошутил он, но мои щеки вспыхнули от возмущения.

Роль рабовладелицы была мне чуждой, и я собиралась стряхнуть ее с себя, как неподходящую одежду. Но что поделать, если иначе Геррах совсем неуправляемый?

– Огонь – неустойчивая стихия, – решила я пояснить. – Надо ее подтолкнуть.

– И что мне сделать? Сожрать ведро углей? Сунуть голову в печь?

Геррах вроде шутил, но по его голосу мне показалось, что он сделал бы это, не колеблясь.

Я взяла пару чешуек и, подойдя к печке, положила их на железную лопатку. Огонь вспыхнул, как только я сунула ее в очаг.

– В вашей стране женщинам не дозволяется колдовать, – вспомнил Геррах, повернув ко мне голову.

– А в вашей? – спросила я.

– В красных горах эш-хассы не рождаются, – ответил Геррах. – Вся магия уходит мужчинам.

– Как всегда – сплошная несправедливость, – усмехнулась я, выпрямляясь.

Подойдя к нему, замерла в нерешительности.

– Жги, – разрешил Геррах.

– Будет больно, – предупредила я.

– Я не боюсь огня.

– Потому что он и так в твоём теле. Но не в этих точках. После того, как крылья обрезали, там только пепел.

– Делай, что нужно, женщина, – грубовато ответил Геррах, положив голову на скрещенные руки. – Обещаю не плакать. Почему ты все же расстроилась, Амедея? Быть может, из-за того, что я не довел начатое до конца? Тебе ведь нравилось, правда?

Раскаленные чешуйки легли ему на позвоночник, и он зашипел сквозь стиснутые зубы, а на спине выступили бисеринки пота. Музыка драконьей магии загремела так сильно, что я удивилась, как мои склянки и колбы не полопались. Геррах часто задышал, уткнув лоб в кисти рук.

– Когда я снова стану драконом? – глухо спросил он.

– Ты и так дракон, – повторила я. – Но на восстановление понадобится время.

– Как долго?

– Ну... я такого не делала раньше, – призналась я и заглянула в книжку. – Здесь пишут, что высший порядок рун должен созреть. Месяц. Может, больше.

Еще несколько чешуек легли одна за одной, Геррах шикнул и я, склонившись, подула на его спину.

– Больно?

– Я не возьму в толк, почему ты это делаешь?

Потому что могу – разве этого недостаточно?

– Считай это благодарностью за то, что не чавкал за ужином, – ответила я. – Чего ты смеешься? Я ведь сказала – не дергайся!

– Прости, – попросил Геррах. – Больше не буду.

Я сплетала руны в могучей спине, повторяя узор, что перетекал в его совершенном теле. Вытягивала потоки из точек, связывала обрывки и скрепляла их раскаленной чешуей. Ждала, пока пламя растечется по намеченному узору, направляя его в нужное русло. Прислушивалась к мелодии, стараясь уловить малейшую фальшь.

Геррах затих и дышал ровно, как спящий ребенок, и песня под смуглой кожей запела чисто и спокойно. Я сделала все, что могла.

Посмотрела еще раз на вязь рун, а потом, не удержавшись, провела ладонью по безупречной спине просто так – не ради исцеления или магии – повторяя кончиками пальцев контуры мышц, от шеи и до ягодиц.

Почему я купила именно его? Почему не прошла мимо того грязного загона? Быть может, уже тогда я уловила драконью песнь? Черные чешуйки на его плечах прижались плотно к коже, а потом исчезли, словно бы их засосало в зыбучие пески или трясины.

Все правильно. Так жестоко прерванный оборот завершен. А потом, когда руны дозреют и напитаются силой, мой дракон снова взлетит.

Но к тому времени он уже будет не мой, а ничей. Совершенно свободный. Как и должно быть.

Я еще немного подправила лепестки рун, чуть потянула канал вдоль позвоночника, а потом уронила голову на руки, совершенно выбившись из сил. Мне снились зеленые красные горы и чистые водопады, и я летела над ними на черном драконе, воплощении всех стихий.

Геррах повернул голову и осторожно, чтобы не разбудить Амедию, спустился со стола. Присел на корточки, вглядываясь в ее тонкие черты с трепетом, которого раньше никогда не испытывал.

Длинные ресницы, изогнутые брови, светлая почти прозрачная кожа. На виске едва заметная голубая венка, над верхней губой ямочка. Он жадно впитывал нюансы ее внешности, подмечая самые мелкие детали.

Темные волосы распушились у висков, ногти на длинных пальцах обрезаны коротко – верно, мешают в работе.

Как вышло, что в грязном жарком городе, полном порочных страстей, вырос такой чистый и нежный цветок? Как так случилось, что ему, изломанному судьбой дракону, не ждущему для себя ничего хорошего, дико и невероятно повезло? Все равно что наткнуться на оазис в пустыне, найти бриллиант в вонючей грязи. Амедию походя вернула ему его самого, не требуя ничего взамен, и теперь он смотрел на нее как на дивное чудо и не мог наглядеться.

Геррах потянулся убрать прядь с ее лица и задержал руку, когда на запястье предательски блеснул рабский браслет. Амедию не позволяла

прикасаться к себе, но сама его трогала. Чуткие прохладные пальцы, теплое дыхание на его коже... Она гладила его спину, рисовала диковинные узоры, прислушивалась к чему-то неведомому, звучащему в его теле, умея увидеть его так, как никто другой. Она чинила его, как сломанный артефакт, а заодно коснулась чего-то глубоко в его душе, и теперь там что-то расцветало, что-то красивое, светлое и хрупкое.

Он встал и бесшумно оделся. Амедея прерывисто вздохнула во сне, мягкие губы чуть-чуть приоткрылись. В комнате не было окон, но, сейчас, похоже, глубокая ночь. Геррах глянул на диван, подошел к девушке. Раз Амедея может касаться его, то если, допустим, слегка наклонить стул, и она соскользнет к нему в объятия...

Все получилось, и Амедея оказалась у него на руках, такая легкая, воздушная. Он донес бы ее до самых красных гор и не почувствовал тяжести ноши. Она доверчиво устроила голову на его груди, и сердце забилося сильно и гулко – как бы не разбудить ее грохотом. Геррах перенес девушку на диван, осторожно уложил, поправил под головой подушку. Амедея снова вздохнула и устроилась удобнее, подложив под щеку ладонь.

Геррах же вытянулся на полу, глядя в потолок, свет из-под которого стал мягче и розовее. В печке в углу потрескивало угасающее пламя, таинственно мерцали склянки на полках в шкафу.

«Ты все еще дракон» – так она сказала. Эш-хасса, купившая его на рынке, словно козу.

Он – дракон и скоро вновь расправит крылья. Но отчего-то ему казалось, что он уже парит в облаках.

Глава 8. Свобода

В дверь громко постучали, и я вскочила с дивана. Так заработалась, что даже не помню, как до него добралась. Геррах оказался у двери первым, одетый и бодрый, как будто давно проснулся.

– Деечка! – донесся тетин голос. – Конрад приехал!

– Не попадайся ему на глаза, – шепотом приказала я Герраxu. – Выйдешь через пару минут после меня.

Молли как всегда попыталась сунуть в комнату свой любопытный нос, но я закрыла за собой дверь. Выйти Геррах сможет, вернуться назад – нет. Надо будет проверить, пошел ли у него процесс восстановления. Но сперва привести себя в порядок и не испортить свой собственный план. Остался всего один день. Главное – не вызвать подозрений, быть милой, доброжелательной и спокойной.

– Скажи дяде, я спущусь через пару минут, – попросила я. – Он... один?

Горло сдавило в ожидании ответа.

– Да, – ответила Молли. – Жених не пришел. Амедея, ты не передумала, детка?

Она смотрела на меня с наивным ожиданием, которое вызывало раздражение пополам с досадой.

– А ты? – спросила я. – Решила?

Ее голубые глаза заблестели, она помотала головой, и мое сердце сжалось от обиды. Коты перевесили. Что ж...

– Ладно, – сказала я. – Потом поговорим. А сейчас, прошу, дяде ни слова. Ни про планы, ни про Герраха... Лучше вообще молчи, хорошо?

Тетя Молли повернула у губ воображаемый ключ и выбросила его через плечо.

Я быстро прошла в спальню, переоделась и причесалась, глянула в зеркало – глаза уставшие, но вряд ли дядя поймет, что я полночи лечила дракона. Я быстро умылась и почистила зубы, и побежала вниз.

Тетя Молли сидела в кресле и делала вид, что вышивает, хотя мы обе знали, что рукоделие – это вообще не ее, а дядя расхаживал по гостиной, заложив руки за спину и выставив круглый живот.

– Дея, – скупое поприветствовал он меня, и мое сердце ухнуло вниз.

Конрад выглядел сердитым, и я сразу поняла, что к чему. Точно так же он злился, когда назначал мне мизерное содержание. И когда заявлял, чтобы я и думать забыла о вступлении в наследство раньше срока. И вот теперь, решив выдать меня за Филиппа, Конрад хмурил кустистые брови и обиженно выпячивал нижнюю губу, словно это я виновата в том, что он вынужден поступать так со мной.

– Я не стану тебя уговаривать. У меня нет выбора так же, как и у тебя, – буркнул Конрад, избегая встречаться со мной взглядом.

Вот как? Выходит, не я одна на крючке? Я присела на краешек кресла, глядя на дядю снизу вверх. Тетя яростно тыкала иголкой в вышивку, и я от души взмолилась, чтобы Молли исполнила обещание и не ляпнула что-нибудь не то.

– Я понял, что тебе нравится другой, – продолжил Конрад. – При иных обстоятельствах я бы, возможно, одобрил ваш брак. Хоть Геррах и иноземец, но вроде толковый и, что немаловажно, щедрый...

Я молчала, понимая, что приговор уже вынесен и обжалованию не подлежит. Но я ведь знала, что так и будет.

– Я люблю тебя как родную дочь! – воскликнул Конрад, развернувшись ко мне.

Тут я позволила себе усомниться:

– Ты отдал бы за него Мартицию? Думаешь, Филипп будет хорошим мужем?

– Я желаю тебе добра, – настойчиво произнес дядя, как будто пытаюсь убедить в этом не только меня, но и себя. – Филипп Ландо – очень выгодная партия.

Я сжала зубы, чтобы не выдать отвращения, захлестнувшего меня. Неужели я одна вижу, какой он мерзкий змей?

– Он богат, успешен, у него связи... И ты можешь не верить, но он по уши в тебя влюблен! Да-да, – Конрад оценивающе глянул на меня, и на его лице промелькнуло легкое удивление: мол, чем я таким привлекла сразу двух женихов. – Твоим мужем станет Филипп. Да, он, быть может, не так мил тебе как тот, другой, но я уверен, ты сумеешь найти с ним общий язык. Всякие женские хитрости, уловки, сладкие улыбки...

– Когда? – спросила я.

– Филипп желает, чтобы ты сопровождала его на горячих играх в качестве супруги.

– Так быстро? – вырвалось у меня. – Они ведь через неделю, правда?

Дядя присел в свободное кресло и, благосклонно на меня глянув, признался:

– Следом за играми, пока народ увлечен обсуждением зрелищ, пройдут выборы нового совета. Я выставлю свою кандидатуру, и Филипп обещал поддержать меня. Ты только представь: твой дядя – один из вершителей судьбы всей страны!

– У тебя отлично получится, – заверила я, – моей судьбой ты распоряжаешься весьма успешно.

Конрад, не уловив сарказма, довольно улыбнулся.

– Что ж, раз мы все решили, – он хлопнул себя по коленям. – Давай пообедаем, а потом я заеду к Филиппу и обрадую его вашей помолвкой. Он приедет к ужину, и мы...

– Давай завтра, дядя, – быстро попросила я. – Мне надо привыкнуть...

Да ни за что! Я даже мысленно не хотела ставить себя рядом с Филиппом.

– ...быть может, слегка обновить гардероб, – продолжила я болтать, перенимая беспечные интонации тети Молли. – Боюсь, у меня не так-то много нарядов, а мне, наверное, придется чаще появляться в свете. И шляпки! На горячих играх такой солнцепек! Надо что-то с полями и даже вуалью...

Дядя, посмеиваясь, полез в карман брюк.

– Ох, женщины... Новая шляпка – и вот оно счастье, да? Купи себе что-нибудь, Амедея, – мне на колени упал тощий кошель. – А после свадьбы расходы на твое содержание лягут на плечи Филиппа. Пусть сразу поймет, что жена требует вложений.

– А что с тетей Молли?

– Я надеялся, что она переедет с тобой, – откровенно признался Конрад.

– Молли привыкла к моему дому, – ответила я. – Здесь ей хорошо и уютно, тут ее обожаемые коты. А Филиппу она может мешать. Я пока не знаю, как он к ней отнесется. Вот Геррах точно не стал бы возражать против тетушки.

А ведь так и было бы. За ужином он умудрялся не только вести беседы и ласкать меня под столом, но и отвечать комплименты Молли. А Филипп даже не удостоил ее вниманием.

– Ладно, – проворчал Конрад и глянул на тетю. – Я, разумеется, не стану тебя выгонять, Молли.

Она еще ниже склонила голову над вышивкой, где выростал какой-то ушастый верблюд, а я решила надавить:

– Тем более в новом статусе тебе надо будет особенно тщательно следить за репутацией, дядя.

Конрад, подумав, кивнул.

– А что Геррах? Сама с ним объяснишься?

– Он уехал, – соврала я. – Дела.

– А когда вернется, ты уже будешь чужой женой. Идеально, – с облегчением сказал Конрад. – Брак – это одно, а всякие любви – совсем другое, Дея.

– Пойдем в столовую, дядя, – сказала я, поднявшись с кресла. – И правда, время обеда, солнце уже высоко.

Надо поскорее накормить его и пусть идет к своему Филиппу или еще куда. По Конраду я скучать не собиралась.

Он ел жадно, обсасывая копченые ребрышки, подбирая подливу хрустящим хлебом, а я думала, что еще надо сделать: оставить тете денег на первое время, взять хотя бы несколько заготовок для артефактов, оформить вольную на рабов...

Геррах получит свою вожаделенную свободу куда быстрее, чем думал. Пусть и у меня все получится.

Выпроводив дядю, я закрыла дверь, повернулась и уперлась взглядом в тетю Молли. Она с самым несчастным видом прижимала к груди вышивку, верблюд на которой, кажется, сдох. Я вручила тете кошелек Конрада и жестом поманила за собой. В кабинете открыла один из ящиков и выдала ей еще денег.

– Когда обустроюсь, попробую найти способ тебе помогать, – сказала я. – Хотелось бы верить в порядочность Конрада, но сама понимаешь...

Тетя всхлипнула и, опустившись на пол, обняла мои колени и зарыдала. Плакала она с чувством и размахом, не скупясь на

мелодичные завывания, шумные всхлипы и жалостливые причитания, и ткань на моей юбке быстро промокла.

– Если буду присылать деньги прямо сюда, то меня вычислят, – сказала я, улучив момент, пока тетя набирала в грудь воздух для новой волны рыданий. – К тому же, не ровен час, дядя все же турнет тебя из дома. Как думаешь, сбежавшая племянница – это не слишком жирная свинья, подложенная под его политическую карьеру на самом взлете?

Тетя Молли заплакала еще горше.

– Буду отправлять тебе деньги в «Две кошки», – придумала я. – Сходишь потом, договоришься. Обратный адрес напишу не свой, а тоже какой-нибудь корчмы. Так что будем держать связь.

Она продолжала упиваться горем, а я тем временем нашла документы на рабов – их передал продавец в тот же день, – и столкнулась с серьезной проблемой: я понятия не имела, как выписывать вольные.

– Тетя, можешь позвать Эвраса? – попросила я и уточнила: – Лысого.

Она кивнула и, с трудом поднявшись, побрела прочь, покачиваясь и придерживаясь за стену.

– Ты все еще можешь передумать, – напомнила я ей в спину. – Думаю, на корабль разрешат пронести одного-двух котов. А то и трех.

В каюте к концу путешествия будет не продохнуть, но ладно. Как-нибудь справимся.

Тетя ушла, а я проглядела свежие записи Эвраса – с пометками и рекомендациями. Хоть ты бери его с собой вместо тети – ум у раба оказался ясный и цепкий. Будь у меня раньше такой управляющий, я бы, глядишь, разбогатела.

– Госпожа, – с почтительностью произнес он, явившись через пару минут.

– Подойди сюда, – попросила я.

– Вам что-то разъяснить? Вот здесь я позволил себе посоветовать вам различные способы вложения свободных денег, которые могли бы принести дивиденды, и разделил их на две группы: высокодоходные, но рискованные, и чуть менее прибыльные, но...

– Ты знаешь, как оформляются вольные? – перебила я.

Эврас сперва побледнел, а потом покрылся красными пятнами от блестящей лысины и до шеи.

– Госпожа...

– Знаешь или нет? – повторила я.

Он лишь быстро покивал в ответ.

– Оформи на себя и Герраха, – сказала я. – Принесешь потом в мою... в другой мой кабинет, куда никто кроме меня не ходит, я поставлю печать и подпись.

– А... а браслет?

– Сниму, – пообещала я. – Сколько вам потребуется денег на дорогу домой?

Эврас покраснел еще сильнее, став равномерно розовым.

– Мы сами найдем средства, госпожа, – с достоинством сказал он.

– Хорошо, – ответила я. Потому что денег у меня и так оставалось немного.

Тетя, билеты – лучше выкупить за два места, чтобы не делить каюту с кем-то еще, запас на первое время... Жизнь в Эркайе может оказаться куда дороже, а я знала, как быстро могут утекать деньги.

Оставив Эвраса за письменным столом, я пошла к себе в лабораторию, и здесь на меня накатила горькая волна осознания предстоящей потери. Здесь было мое место. Здесь я творила и чувствовала себя счастливой. Я знала каждую склянку и содержимое каждой пробирки. Я могла взять с полки любую книгу, открыть наугад, и строки будут мне знакомы. Если тетя не могла расстаться с котами, то мои любимцы были здесь.

Я выбрала несколько книг, которыми пользовалась особенно часто, и сложила их стопкой. Вытащила из ящичков моток железной проволоки, коробочку с золотой и серебряной стружкой, прочные тонкие стержни, которые Ленни добыл по моему заказу. Может, сходить к нему напоследок? Вдруг он продаст мне еще чешуи? Я бы сделала артефакт для себя – ожерелье, которое согревало бы даже в лютые морозы, или, может, браслет, который защищал бы меня от дурных людей. А может, я бы просто сложила чешуйки так, чтобы поймать ту самую мелодию, что звучала в Геррахе.

В дверь постучали, и я откликнулась:

– Уже готово?

– Да, – ответил мне Геррах. – Это я, Амедея. Позволишь войти?

Я зачем-то пригладила волосы, покусала губы и попыталась расправить складки на платье так, чтобы не было видно мокрых пятен

от слез тети Молли. Надеюсь, она не высморкалась мне в юбки. Открыв дверь, посторожилась, впуская Герраха.

Он вошел и положил на стол две бумажки, исписанные круглым почерком Эвраса.

– Что это значит? – сердито спросил Геррах. – Вольная? Ты меня отпускаешь? Я думал, что буду тут еще год, пока ты не достигнешь возраста наследования.

Я взяла из шкафа печать и чернильное перо. Поставила подпись на обоих листах и оттиск в виде фонтана – герб нашей семьи.

– Ты как будто недоволен, – заметила я.

Геррах угрюмо глядел на меня, и я спохватилась:

– Дай проверю, как твои крылья.

Он потянулся к пуговицам на рубашке, но я остановила его:

– Раздеваться не надо.

Я ждала обычных шуточек, вроде «как же так, Амедея, ты же вечно заставляешь меня оголяться», но Геррах молчал, словно бы в нем что-то переменялось.

Я обошла его, положила руки на широкую твердую спину, и от драконьей мелодии перехватило дыхание. Я слушала ее и не могла оторваться, хотя сразу поняла, что все сделала правильно. Контур замкнулся, энергии потекли свободно, узор рун набирал силу, а еще...

Геррах повернулся и посмотрел мне в глаза, и я не могла отвести взгляд от теплых искр, вспыхивающих вокруг его зрачков.

– Амедея, я хотел сказать...

Он коснулся моей щеки, ласково заправил выбившуюся прядь за ухо и, нахмурившись, убрал руку.

– погоди. Браслет все еще на мне, и ты не давала разрешения...

Вслух – нет. Но, видимо, я хотела его прикосновений, хотела понять – не ошиблась ли, правильно ли поняла тот новый мотив, совершенно особенный и звучащий лишь для меня одной.

Я быстро отошла от Герраха, но через мгновение он оказался рядом. Такой высокий и сильный, он двигался с легкой стремительностью хищника. И, кажется, он тоже все понял. Его ладони легли на мою талию, неуклонно привлекая меня к крепкому телу, теплые губы коснулись виска, щеки, уголка губ...

Сердце затрепетало как глупая птичка, попавшая в клетку, в груди стало тесно.

Наверное, если бы Геррах был слишком напорист, я бы нашла в себе силы его оттолкнуть. Но губы моего дракона оказались такими упоительно нежными...

Он целовал меня неспешно и сладко, а ладони гладили мою спину так бережно, точно я какая-то хрустальная ваза. Меня подхватило и понесло ласковой волной ощущений, закручивая в водоворот желаний, где имели значение только теплые губы, целующие мои, и руки, в объятиях которых было так надежно и просто.

Всю мою привычную жизнь смело ураганом, а Геррах был такой уверенный, твердый, и эта мужская сила в нем звала меня, предлагала опору, защиту, и я обхватила его плечи, словно утопающий – скалу.

Он оторвался от моих губ и покрыл поцелуями шею, оставляя горящие метки на коже. Снова вернулся к губам, раздвинув их языком. Слегка потянул меня за волосы, массируя затылок, пропуская пряди между пальцами.

Драконья песнь звучала так чарующе, и я слышала новый мотив, который пел о любви. Это была магия, древняя как сама жизнь. И сейчас она шептала мне о том, как естественны и правильны мои желания.

Я была хозяйкой дома, артефактором, дочерью и племянницей, рабовладелицей, в конце концов, но сейчас это все казалось таким наносным и неважным точно пыль, которую смыло тропическим ливнем. Я женщина, а со мною рядом мужчина. Наши языки и тела сплетаются в извечном танце, и правильной этого нет ничего. В его глазах пылает желание, и его руки и губы знают, как пробудить во мне ответный огонь. Так зачем мне противиться и вспоминать запреты, придуманные кем-то другим?

Поцелуй стал настойчивее, жарче, горячий язык толкнулся глубоко в мой рот, и я задрожала всем телом, приникая к Герраxu теснее. Жадные руки огладили спину и легли на ягодицы, вжимая их в крепкие мужские бедра, и мне показалось, что огонь дракона проникает в меня, рассыпается искрами по коже, заставляет кровь кипеть, а сердце биться быстрее в такт мелодии, что звучала в нем.

– Шехсайя, – прошептал он, прикусывая мочку моего уха, а его пальцы аккуратно, но настойчиво потянули лямки платья.

Наверное, именно это слово привело меня в чувство. Я так и не выяснила, что оно значит. Геррах – мой раб, чужеземец, я знаю его всего пару дней и у меня, в конце концов, планы!

– Хватит! – выпалила я и, вывернувшись из его рук, метнулась по другую сторону стола. – Я запрещаю тебе прикасаться ко мне, раб.

– Ты подписала вольную, Амедея, – хрипло напомнил Геррах, подходя ко мне, но я уперлась ладонями ему в грудь. Сердце с ней билось гулко и почти так же быстро, как и мое.

– Я тебе доверяю, – выпалила я. – Ты не причинишь мне вреда.

Его лицо исказилось от эмоций, и на миг мне померещился рисунок чешуи на его скулах.

– Я не собираюсь вредить тебе, Амедея, – возразил он. – Напротив.

Я поправила платье, пригладила растрепавшиеся волосы. О чем я только думала? Понятно, о чем: какие нежные у него губы и умелые руки, и как приятно он пахнет – сразу и морем, и костром.

– Что такое шехсайя? – спросила я.

– Желанная, – ответил он после паузы.

Это окончательно меня отрезвило. Нашла время – удовлетворять чужие желания, когда мне отчаянно пора заняться своими.

Я оттолкнула Герраха и, подойдя к двери, открыла ее. Нахмурившись, он приблизился ко мне, и я, протянув руку, расстегнула рабский браслет.

– Амедея, я очень тебе благодарен, – начал Геррах.

– Вот и славно, – сказала я, стараясь держаться холодно и отстраненно. – Мы помогли друг другу, а теперь уходи. Ты ведь не собираешься меня обесчестить в качестве благодарности?

Он сжал зубы, шагнул ко мне и, упершись ладонью в дверь, склонился к моему лицу.

– В любви нет никакого бесчестья, – прошептал Геррах мне на ухо. – Выходи за меня. Уезжай со мной. Или без брачных клятв – как захочешь. В красных горах ты будешь своей. Будешь творить свою магию, и никто не посмеет даже посмотреть на тебя косо. Амедея, ты сама сказала, что доверишься мне.

– Сказала, – подтвердила я, стараясь не выдать волнения. – А теперь уходи, Геррах, прошу.

Он окинул меня пылающим взглядом и вышел, и я быстро захлопнула за ним дверь.

Мои пальцы дрожали, и я рассыпала драгоценные стержни, которыми так удобно выписывать руны, и книги все норовили выскользнуть из рук. Но в итоге я собрала все необходимое и унесла в свою комнату. Вытянув чемодан, переложила все в саквояж поменьше. Я попрощалась с тетей и, выслушав еще одну порцию причитаний, обещала писать. Потом подобрала одежду на завтрашний день: неброское серое платье, в котором легко затеряюсь в толпе. Надела дорожные туфли и прогулялась по комнате, чтобы убедиться, что они удобные. Я делала все запланированное, пытаюсь плыть по течению, но в мои паруса дул настойчивый ветер, принесший запахи далеких лесистых гор. И ночью я все же не выдержала и пошла к Герраку, потому что отзвуки его мелодии все звучали во мне и не давали покоя. Каюта на двоих, и если он согласится... Но комната была пуста, и я как-то сразу поняла, что моего дракона здесь больше нет. Рабский браслет лежал на кровати.

Я вернулась в спальню и легла спать, кусая губы и злясь на себя за то, что мне так обидно. Все к лучшему. Что ему делать в хрустальном городе? Что он там забыл? Мало ли у него желанных в красных горах? Отчего я вообще решила, что тот новый и нежный мотив – лишь для меня?

Помаявшись и так толком и не уснув, я встала, едва рассвело. Быстро собралась и вышла из дома. Саквояж поставила в экипаж, отказавшись от легких носилок, и приказала везти меня в тот чудесный магазин, где мы с тетей выбирали наряды. По дороге я пожелала заглянуть в лавку сладостей, где купила кулек сахарных орешков, потом ненадолго задержалась у лотка с лентами и у ювелирного тоже приказала остановиться, пытаюсь разглядеть в отражении блестящих витрин, не идет ли кто-то за мной.

Я всерьез опасалась слезки, и мой недруг, если он есть, должен был расслабиться и потерять бдительность: девушка праздно шатается по городу, вот и магазин готового платья неподалеку от порта вызвал ее интерес – ничего странного. Взяв саквояж и пытаюсь держать его без видимых усилий, я вышла из экипажа и впорхнула внутрь.

– Позвольте выйти через черный ход? – спросила я у заспанной торговки, и она согласно кивнула, не слишком удивленная моей

просьбой.

В прошлый раз, пока тетя крутилась в примерочных, я воспользовалась тем же маневром.

Шмыгнув в неприметную дверь, я быстро пошла вниз по улочке, в конце которой расстиралось море. Сердце так и выпрыгивало, саквояж оттягивал руку, а туфли скользили по мостовой. Но вскоре я нашла свой корабль – огромный и белый и уже разворачивающий паруса, и, заплатив за оба места, спустилась в каюту точно в чрево морского чудовища. Спрятала саквояж под койку, села, сложив руки на коленях и уставилась в крохотное окошко.

Все шло по плану, но я не могла поверить, что это правда со мной происходит. Свобода, я упорно ее добивалась, и вот она, за мутным стеклом, кричит резкими голосами чаек, пахнет рыбой и трогает пенными пальцами борт. Но сердце все не успокаивалось, я прислушивалась к звукам, доносящимся с палубы, и мысленно подгоняла матросов.

Глава 9. Ведьма

Корабль заскрипел и тяжело вздохнул, будто набираясь сил перед долгим плаванием. В оконце мелькнула пристань, портовые здания. Я выждала еще не меньше получаса и только потом разрешила себе выйти на палубу. Берега Аль-Малены с блестящими башнями дворцов и хибарами бедняков медленно отдалялись.

Пассажирам выделили прогулочную палубу, и я обратила внимание на парочку: высокая женщина в желтом платье отчитывала мужчину, на лице которого читалось желание сбежать, но отступить было некуда – кругом море.

– Я полагала, это будет романтическое путешествие, Константин, – ругалась дама, раздувая тонкие ноздри. – Я надеялась, что ты все устроил!

– Уточка моя, – залез безил он, подняв брови домиком. – Все ведь так хорошо...

– Хорошо? – возмутилась дама. – В нашей каюте еще шесть человек и коза!

Тетины коты были бы отличными попутчиками по сравнению с козами.

Я обхватила перила ладонями, подставила лицо ветру, все пытаюсь проникнуться духом свободы, но что-то мешало. Я бы не уехала из дома, если бы не обстоятельства. Я не хотела расставаться с тетей. И Геррах упорно не исчезал из моих мыслей: искры в его глазах, теплое касание губ, та музыка... Хрустальные башни Эркайи предательски окрашивались в зеленый цвет, и по ним плыла большая крылатая тень.

– В конце концов ты знала мое положение, Каразетта, – пробубнил Константин, понизив голос. – Я ничего от тебя не скрывал. Мне надо было исчезнуть быстро.

Неужели его тоже хотели заставить жениться? Я фыркнула себе под нос, разглядывая пристань Аль-Малены. Рядом с большими кораблями сновали мелкие лодочки, а над ними висело шумное облако птиц.

– Потерпи, моя любовь, – уговаривал Константин. – Всего пара недель...

– С козой?! – патетично воскликнула дама, заламывая тонкие руки.

Один парусник отделился от прочих и теперь целеустремленно двигался к нам, набирая ход. Я непроизвольно сжала перила сильнее. Лодочка с белым лепестком паруса пока что казалась совсем маленькой, игрушечной, и мне захотелось оттолкнуть ее ладонью.

– Каразетта, – сдавленным голосом произнес Константин, – ты видишь? Нас что, догоняют?

Дама побледнела и сдвинула выщипанные брови, вглядываясь в стремительно приближающийся парусник, на котором реял красно-желтый флаг Аль-Малены.

– Прячься, – приказала она. – В кладовку рядом с камбузом. Если они пришли с собаками, то там тебя не найдут. О, Константин, а если найдут, я буду ждать тебя хоть тысячу лет.

– Сплюнь, – Константин юрко двинулся по палубе, огибая людей и мачты.

На паруснике уже можно было рассмотреть мужчин в серой форме. Я отпрянула от борта и тоже поспешила в свою каюту. Сердце гулко билось, точно корабельный колокол.

Это за Константином. Роба у него бандитская. Да и Каразетта недалеко ушла. Они кого-то обокрали, а может, даже убили, и вот теперь их ловят по горячим следам.

Я закрыла дверь каюты на засов, села на койку, кусая губы до крови. За окном вились чайки, кричали, и мне чудилось: она здесь, здесь, сюда. Но когда в дверь постучали, я все равно вздрогнула от неожиданности.

Ручка повернулась, а потом засов отъехал в сторону как по волшебству.

В каюту, заполнив ее до отказа, разом вошли сразу несколько мужчин. Один из них – суровый коротыш, насупленный и сердитый, как маленькая злобная собачка, – ткнул меня каким-то жезлом. Я отшатнулась, но в хрустальном шарике на конце палки что-то заискрилось.

– Ведьма, – вынес он короткий вердикт. – Забираем.

Меня подхватили под руки, подняли, на запястьях за спиной щелкнули кандалы. А потом все тело скрутило от молнии, прошившей меня от макушки до кончиков пальцев на ногах, и я закричала от боли.

– ... это довольно неприятно, – донеслось издалека. – Но что поделывать, иначе магию не заблокируешь.

– Руны надежные?

– Да, еще ни одна не выбралась. Сразу в расход?

– Нет, сперва оформим бумаги. Терпеть не могу всю эту бумажную волокиту. Отчего ей просто не дали сбежать?

– Надо было реагировать на донос...

Меня пронесли по кораблю и сгрузили в парусник, как куль с песком. Перед глазами мелькнул красно-желтый флаг, лодка стукнулась о борт корабля. Вверху я увидела участливое лицо Каразетты, свесившейся через перила.

– Уточка моя! – донесся счастливый голос Константина. – Я обо всем договорился! Каюта только для нас, на двоих...

Я не могла пошевелить и пальцем, а мысли терзали мою душу яростно как злые собаки. Донос? Кто? Кто донес на меня? Ленни? Геррах? А может, его лысый друг? Тетя говорила не доверять лысым, а он такой умный. Он понял, что артефакты я делаю сама. Увидел расходы на материалы, сопоставил одно с другим... А может, это тетя?

Перед глазами все расплывалось, но я даже не могла вытереть слез. Холодные влажные пальцы пробежались по моему лицу, белый платок деликатно промокнул щеки.

– Не плачь, – успокоил меня Филипп, склонившись надо мной. – Все будет хорошо. Ты все равно станешь моей, Амедея.

И мне стало так страшно, что я потеряла сознание.

Геррах шел по улице, злясь на все на свете и особенно – на себя.

– Мой господин, – Эврас семенил рядом, едва поспевая. – Можем отправиться уже завтра. Корабль до Лупассы, оттуда рукой подать до наших границ.

Он ушел из ее дома, потому что иначе не мог. Дело было вовсе не в рабском браслете. Он вообще ни при чем. Герраха с самого начала тянуло именно к ней, к Амедее. Она нужна ему как воздух и вода, как солнечный свет, как крылья...

– Переночуем в таверне в порту. Там, конечно, кормят не так, как у нашей прекрасной госпожи, да благословят ее боги добрым мужем и здоровыми детьми... Я, кажется, прибавил в весе за время рабства,

представляете? Кому рассказать – не поверят, – Эврас довольно хохотнул, погладив живот.

Геррах боялся, что может сорваться и прийти в ее спальню вопреки всем запретам. Ему до боли, до дрожи хотелось снова почувствовать вкус ее губ, шелк волос, ее запах... А она ведь целовала его в ответ, раскрывалась словно цветок, льнула к нему. А потом – хоп, и закрылась как ракушка. Где-то он поспешил...

– Всего за два медяка сложно рассчитывать на большее, – вздохнул Эврас. – Но уже завтра на корабль – и домой. И больше никакой пустыни. Я хочу в лес, господин. Походить по шишкам, понюхать смолу, и чтобы повсюду была благословенная тень, а не это пекло.

– Погоди, а откуда ты взял деньги? – спросил Геррах, уловив наконец что-то неправильное из болтовни друга.

– Ну, как... – Эврас отчего-то смутился. – Вы же сказали, что надо просто эм... позаимствовать немного... А наша бывшая госпожа, да прольется благословенный дождь под ее прекрасные ноги, слегка беспечна касательно финансовой сферы. Деньги на мелкие расходы она хранит прямо в кабинете.

Геррах стал как вкопанный и повернулся к Эврасу.

– Ты что, украл деньги у Амедеи? – возмущенно спросил он.

– Мой господин, но вы же сами...

– У женщины, которая подарила нам свободу?

– Но вы сказали, что...

Геррах взял его за грудки и легонько встряхнул, но после поставил и даже аккуратно разгладил складки на одежде.

– Молодец, – сказал он.

Вот и повод вернуться.

– Ты ведь уже потратил что-то?

– Совсем гроши!

Он отработает их с процентами. Перекопает сад, поснимает с деревьев котлов, даже если сперва потребуется их туда посадить. Геррах развернулся и уже собрался идти в белый дом Амедеи, когда до него донесся шум ссоры.

– Это все ведьма, – отбрехивался мужской голос. – Ее вели мимо, она как зыркнула на меня. А глаза как пески зыбучие, затянули. Вот все с рук и валится.

– А может это потому что ты напился как свинья с самого утра! – взвизгнула женщина. – Видела я ту ведьму! Ее в беспамятстве волочили.

– В беспамятстве! – подтвердил звонкий детский голос. – Я в нее помидором швырнул – прямо в лоб – хоть бы хны. Даже не дернулась.

– А чего это ты помидорами разбрасываешься? – рявкнула тетка. – Они тебе с неба падают?

Геррах пошел туда, сам не понимая, отчего так больно сжалось сердце.

– Как она выглядела? – спросил он. – Ведьма.

– А тебе какое дело, – буркнула тетка.

Геррах перевел взгляд на мужичка, а Эврас понятиливо протянул тому монету.

– Тонкая, бледная, волосы темные до самой ж... ниже талии, господин. Платье серое, обычное. Молодая совсем. Красивая.

Тетка вlepила ему затрещину и, схватив за шкуру, подтолкнула в дом. Пацан юркнул туда сам, не дожидаясь оплеухи.

Это ведь не может быть Амедея, правда? Но тогда становится понятным, почему она отпустила его сейчас, а не через год, почему Молли вчера рыдала как оглашенная – он-то думал из-за какой-нибудь ерунды...

– Куда ее увели?

Тетка выразительно на него посмотрела, и Эврас дал ей еще.

– В тюрьму, – ответила она и, задрав голову, удалилась в хибару.

Шаткая дверь захлопнулась, и из дома вновь понеслась ругань.

– Мой господин, вы же не думаете, что эта ведьма – наша великодушная госпожа Амедея? – пробормотал Эврас, и Геррах быстро повернулся к нему.

– Ты знал? – спросил он.

– О том, что она эш-хасса? – уточнил тот. – Догадывался. Деньги всегда оставляют следы, а наша прекрасная госпожа, как я уже говорил, слегка беспечна... Она продавала свои артефакты, и кто-то щедро за них платил. Но вы только подумайте! Дикае люди! Такую нежную и добрую красавицу – в тюрьму! Когда вы снова станете драконом, мой господин, мы непременно вернемся и...

– Нет, – сказал Геррах, – нечего ждать. Я и так дракон.

Эврас умолк, и они пошли вглубь шумной портовой толпы. Чужие слова и обрывки сплетен жгли Герраха похуже кнута: ведьма, поймали ведьму, сняли прямо с корабля, смерть, горячие игры...

– Я видел распорядителя игр собственными глазами, – важно вещал потрепанный старичок. – Высокий, красивый, весь в белом, как ангел. Ведьму отправят на горячие игры, зуб даю.

Это все Филипп, коварный змей. Надо было прибить его за тем памятным ужином. Воображение мигом подкинуло не меньше десятка способов.

– Откуда у тебя зубы, старый болван? – фыркнула тетка. – Что ей там делать, на арене? Ее пальцем переломить можно.

Не уберег, не уследил, не досмотрел.

Полез со своими поцелуями вместо того, чтобы попытаться понять, что у нее на душе. Мог бы догадаться, что Амедея захочет сбежать. Ей бы не дали жить в этом городе. Но почему, почему она не согласилась уйти с ним...

Почему он не сказал, что любит ее?

– Я пойду в дом нашей прекрасной госпожи, да уберегут ее боги, и постараюсь разузнать, что к чему, – сказал Эврас. – Буду ждать вас там.

Он исчез, а Геррах долго кружил по Аль-Малене и остановился только у толстых желто-каменных стен, окна в которых были забраны решетками. Сердце пропустило удар, а после забилося чаще.

Амедея там. Он ее чувствовал.

Филипп смотрел на меня не мигая, словно змей, гипнотизирующий жертву.

Я облизнула пересохшие губы, кое-как села, что оказалось не так-то просто с закованными за спиной руками. Колючий тюфяк, брошенный прямо на каменный пол, тесные стены, решетка на узком оконце – я оказалась в тюрьме. Мне почти удалось сбежать, но теперь свобода от меня еще дальше.

– Я очень зол, – ласково сказал Филипп. – Ты так рассердила меня, Амедея.

Я инстинктивно отползла назад, пока не уперлась спиной в стену.

– Я готов был на тебе жениться! – воскликнул он, воздев руки и как будто удивляясь собственной щедрости. – Дать тебе свое имя.

Филипп снова был в белом и сидел на стуле из красного дерева. Закинул ногу за ногу, расправил тонкими пальцами складки ткани, собравшиеся над коленом.

– Теперь я вынужден менять планы, – с горечью произнес он. – А я этого не люблю. Лишние хлопоты, суета, траты...

Я тоже потратилась впустую по его, между прочим, вине. Все мои сбережения остались в саквояже под койкой в каюте. Интересно, кому они достались: полицейским или Константину с Каразеттой?

– Зачем я тебе? Почему я? – мой голос был хриплым и словно чужим.

Тонкие пальцы Филиппа вновь пришли в движение, перебирая складку на белых брюках, как будто выписывая какой-то рисунок. Снова и снова. Не в силах оторвать взгляд, я наблюдала за движением его рук, и Филипп сжал кулаки и нахмурился.

– Ничего, – пробормотал он. – Пустота. Почему? Ты не боишься меня, Амедея?

Да я просто в ужасе! Но еще больше, чем Филипп, меня страшила неизвестность.

– Что со мной будет дальше?

Филипп вздохнул и недовольно посмотрел на меня.

– В принципе, исход один и тот же, – ответил он. – Ты будешь в моей власти.

– Но пока что нет? – уловила я.

Странно. Я в тюрьме, мои руки в оковах, но, выходит, у меня еще есть какой-то кусочек свободы, которого я пока не понимаю.

– Теперь все знают, что ты ведьма, и ситуация осложнилась, – проворчал Филипп. – А я ведь знал твой маленький секрет, Амедея, с самого начала. Догадывался. Твои эмоции такие... – он прикрыл глаза, как будто от восторга, но тут же выпалил: – Да что же происходит? Почему я их не чувствую?

Я повела плечами, морщась от боли в затекших руках, и Филипп просиял.

– Точно! Кандалы глушат магию, создают барьер... Я мигом, Амедея, – он поднялся и, погрозив мне пальцем, улыбнулся. – Никуда не уходи.

Он исчез за тяжело гроыхнувшей дверью, а я с трудом поднялась и прошлась туда-сюда по камере: шесть шагов в одну сторону, шесть в

другую – не разгуляешься. Окошко маленькое – не пролезть, даже если бы я каким-то чудом выломала решетку. Дверь... Я быстро подошла к ней, повернулась спиной, пытаюсь ухватить ручку пальцами. А вдруг мне повезет, я выскользну, пробегу по пустому коридору и...

Дверь скрипнула, и я отскочила в сторону.

– Под вашу ответственность, господин распорядитель, – хмуро сказал охранник, входя в камеру и перебирая ключи на тяжелой связке. – Обычно мы держим ведьм в кандалах до конца. Мало ли...

– Мало, – отрезал Филипп. – Как она будет есть, пить, поднимать юбки по надобности? Мне не нужно, чтобы она выглядела на играх как полудохлая мышь! Это зрелище! Люди придут посмотреть на ведьму. Кто-то будет ее жалеть, кто-то хотеть, другие – жаждать смерти. Она должна быть красивой и вызывать целую бурю эмоций. А вы угробите ее еще до начала. Я не за это платил.

– Ты отправишь меня на горячие игры? – прошептала я, уловив главное.

Кровь, песок, палящее солнце... Звон мечей, стоны раненых, кровожадные крики зрителей. Я лишь раз была на горячих играх и сбежала с трибун почти сразу после начала. А теперь окажусь по другую сторону? На арене?

Охранник снял кандалы, я потеряла запястья, на которых остались ссадины, а Филипп глубоко вдохнул и раскинул руки в стороны.

– Боиш-шься, – прошипел он. – О, Амедея, как вкусно ты боишься...

Окинув его хмурым взглядом, охранник вышел, а я стремительно бросилась вперед. Сбить Филиппа с ног, схватить стул, ударить...

Горло сдавило невидимой ладонью, и я упала на колени, задыхаясь. Филипп вцепился мне в волосы и потянул вверх, так что я взвизгнула от боли.

– Ты будешь звездой этих игр, дорогая, – пообещал он мне.

Филипп быстро провел языком по тонким бескровным губам, подался вперед как для поцелуя, и я сжалась от отвращения, но он вдруг поморщился и отпустил мои волосы. Брезгливо посмотрел на свою ладонь, испачканную чем-то красным и липким.

– Скоро увидимся, – пообещал Филипп и вышел за дверь. Охранник заглянул внутрь, забрал стул и ушел. Проскрежетал

невидимый, но явно тяжелый засов. Филипп отдавал какие-то распоряжения, звук его голоса постепенно удалялся.

Я бессильно опустилась на тюфяк, глубоко вдыхая затхлый воздух тюремной камеры, пропахший гнилой соломой. Отчаянье царапало мою душу кошачьими когтями, страх путал мысли, но я заставила себя успокоиться, сконцентрировавшись на том, что придавало мне сил – на надежде.

У меня по-прежнему осталась я сама. А Филипп снял с меня кандалы, не подозревая, на что я способна.

Расчесав пальцами волосы, я с удивлением обнаружила томатные зернышки, а на макушке – довольно болезненную шишку. Непонятно, как и где меня волокли, но то, что я этого не помню – даже хорошо. Я вынула из кармана платок, развернула его на тюфяке и принялась исследовать камеру.

Пара щепок, чей-то зуб, семечки помидора и пуговица – вот и весь мой улов. Пока я слабо представляла, что с этим делать.

В углу за тюфяком что-то зашуршало, и я, подпрыгнув, вжалась в противоположную стену. Маленький камешек в самом низу кладки шевельнулся, сдвинулся в сторону. Что оттуда сейчас выскочит? Мышь? Крыса?

– Псс... Птичка моя, – донесся шепот. – Ты там?

– Ленни! – я бросилась к стене и бухнулась возле нее на колени. – Ленни, вытащи меня отсюда!

– Ох, птичка, – он грустно вздохнул. – Войти в тюрьму куда проще, чем выйти. Но я тебя тут не брошу.

Я покусала губы, смахнула слезы. Внезапная поддержка Ленни вызвала настоящую бурю в моей душе.

– Нас не услышат? – спросила я.

– Я задействовал твой артефакт, так что нет.

– Ленни, кто меня выдал? Ты знаешь?

Он снова вздохнул.

– На мне сейчас нет твоей ароматной сережки, но я все равно скажу тебе правду. Мой человек. Тот, кто встречал тебя у дверей, и который до смерти напугался, что оглох, когда я испытывал артефакт. Помнишь?

Я кивнула, а потом, спохватившись, сказала:

– Да.

Волна облегчения и раскаяния была такой сильной, что я вновь едва не заплакала, но теперь уже от счастья. Это не тетя Молли. Так стыдно, но я подозревала ее куда больше остальных. А она ни при чем. Моя добрая тетушка Молли все же смогла удержать язык за зубами.

– Прости, Амедея, я не предполагал, что он может бояться ведьму больше, чем меня, – покаялся Ленни. – Глупый, глупый человечек. Не сомневайся, больше он не станет болтать языком.

Я вспомнила, что говорили про Ленни Соловья, и поежилась.

– Он следил за мной по твоей указке?

– Присматривал, – ответил Ленни. – И когда ты села на корабль, отправился к страже. Маленькая моя птичка, кто же так убегает? Ты должна была взойти по трапу в последний момент, чтобы у преследователей не осталось форы.

– Учту в следующий раз, – буркнула я.

– Куда важнее то, что мы имеем в настоящий момент, – сказал он. – Так уж вышло, что распорядитель игр Филипп Ландо водит тесную дружбу и с городовым, и с начальником тюрьмы. А как иначе, ведь они поставляют ему основной поток участников игр, заодно очищая Аль-Малену от преступных элементов.

– Филипп Ландо – тот самый жених, который обещал помочь моему дяде с карьерой, – пояснила я.

– Твой дядя может забыть о ней, – безжалостно произнес Ленни. – Такой скандал. Теперь он может разве что издалека посмотреть на здание совета. Так вот, возвращаясь к нашей ситуации: Филипп постоянно берет на игры преступников. И ты теперь тоже одна из них.

– Я не сделала ничего плохого!

– Ну, это как посмотреть, – возразил Ленни. – Твои артефакты – произведения искусства, но с их помощью можно натворить дел. Ты ведьма, ты опасна, и по бумагам проходишь как преступница, чья вина не требует доказательств. Смертница. Филипп воспользовался этой лазейкой. Он выкупил тебя на горячие игры, Амедея. Об этом пока не говорят на всех углах Аль-Малены, но скоро будут.

– Я же умру, как только ступлю на песок! Я вряд ли смогу даже замахнуться мечом! Я не хочу никого убивать!

– Тебе и не придется, – ответил Ленни. – Ты станешь одним из призов. Свобода, золото и красивая женщина – есть ради чего сражаться.

Я вспомнила светлые глаза Филиппа, его бегающие пальцы, язык, скользящий по тонким губам.

– Филипп меня не отдаст, – вырвалось у меня.

– Скорее всего, – согласился Ленни. – У него наверняка есть какой-то хитро вывернутый план. Но пока что дела обстоят так.

Что ж, хоть какая-то определенность. Хорошо уже то, что у меня есть время, а значит – шанс сбежать.

– Ленни, помоги мне, пожалуйста, – взмолилась я.

– Я работаю над этим, птичка. Но было бы куда лучше для всех, если бы ты приняла мое предложение.

– Уверена, твоя клетка была бы просторнее, – вырвалось у меня, но Ленни лишь рассмеялся.

– Ты знаешь, что я восхищаюсь тобой, Амедея? Пожалуй, ни одна женщина не вызывала во мне подобных чувств.

– И что, пойдешь на горячие игры, чтобы выиграть трофей?

– Нет, – ответил он. – Мои методы другие. И вот еще... – в полу вновь зашуршало, и из дырки в стене появился холщовый мешочек. – Собирался отдать при встрече. Все, пора улетать. Смена караула. Держи нос выше, Амедея.

– Ленни! – выпалила я, но никто мне не ответил.

Вернув камешек на место, я прислонилась к стене, развязала шнурок и высыпала содержимое мешочка на платок: моток проволоки, тонкий стержень для рун и... горстка черных чешуек.

Я замороженно перебирала их пальцами, чувствуя драконье тепло и отголосок знакомой мелодии. Геррах, наверное, уже на полпути к своим горам. Если бы я приняла его предложение, если бы не оттолкнула... Но толку теперь жалеть? С драконьей чешуей я и правда могу что-нибудь сделать. Как минимум – отвлекусь и перестану сходить с ума от ожидания и страха.

Глава 10. Доброволец

– Пятьдесят тысяч золотом! – надрывался глашатай, чумазый и носатый как грач.

Геррах с тоской подумал о родных землях, богатых и птицей, и зверьем. Здесь, в Аль-Малене, он видел только крикливых чаек, ящериц, греющихся на камнях, и котов, обожаемых тетей Молли. Узнав новости о племяннице, она рухнула в обморок, а очнувшись, стала требовать спасти ее девочку. Как будто он сам не хотел того же.

Однако тюрьму Аль-Малены, окруженную тремя кольцами стен, охраняли и днем, и ночью.

– А в довесок – рабыня, прекрасная как алмаз чистой воды! – не унимался глашатай, вокруг которого столпились любопытные.

Амедея – не рабыня. В ее прекрасном теле – свободный, пытливый дух, которому не место за решеткой.

– Она ж ведьма, та рабыня, – укоризненно произнес кряжистый мужик. – А вдруг наколдует чего...

– Боишься, что отсохнет да отвалится? – усмехнулся второй.

– Поговори мне еще, – беззлобно буркнул первый.

– К ведьме в придачу идут кандалы, всякие чары закрывающие, – снисходительно пояснил глашатай.

Ее дар отняли – понял Геррах, отрезали, как его крылья. И теперь она где-то там, за толстыми стенами, напуганная, беспомощная и совсем одинокая. Если б знать, что его посадят в соседнюю камеру, так навалял бы и глашатаю, и всем.

– А я видел ту ведьму, – встрял в разговор еще один, с сальными глазенками и широкими словно вывернутыми губами. – Она жила в доме по нижней улице. Ладная такая. Сама белая, тонкая, но сиськи так и торчат. – Облизнувшись, добавил совсем непотребное: – Я б ее прямо там на арене через сундук с золотом перегнул, юбки задрал и кааак...

Рука сама взлетела и вломила губастому такую затрещину, что тот кубарем откатился прочь и остался лежать у высоких стен.

Двое его собеседников развернулись к Герраxu, но как-то очень быстро вспомнили, что не так уж они и дружны с тем третьим. А он, к

тому же, шевелится и даже стонет. Подумаешь, решил прилечь в теньке – оно и понятно: день жаркий, солнцем напекло.

– Я думал, на арену берут только преступников и всякий сброд, – сказал Геррах.

Глашатай, сообразив, что его бить не будут, приосанился и задрал длинный нос.

– Так и есть, господин, – спохватившись, исправился: – То есть нет, не совсем. Воры, бандиты и рабы составляют основную массу участников, тут вы совершенно правы, однако на игры принимаются и добровольцы.

– Которые все равно сброд, – беззубо усмехнулся дед, подковылявший к ним ближе. – Давай, записывай меня, малой.

– Куда? – снисходительно скривился глашатай. – Тебя ж там сразу прикончат, дед.

– Ну, может, и не сразу, – возразил тот. – Я все ж кое-что умею. Так что минут пять-десять в мясорубке продержусь. А потом уж сразу за праздничный стол, где пируют герои...

Геррах слышал о чужой религии, в которой мужчине почетно умирать в бою. В его стране куда больше уважали смерть тихую, спокойную, в окружении семьи.

– Запись добровольцев ведется в казармах позади арены, – нехотя рассказал глашатай.

Эврас пытался подкупить стражу, но не преуспел. Дядя Амедеи уехал в дальнее поместье, чтобы поменьше марать свое имя скандалом. От тети Молли вообще никакого толку – она только плакала и падала в обморок. Однажды, правда, предложила запустить в тюрьму какого-то особо умного и сообразительного кота, привязав к его хвосту записку. Геррах согласился, лишь бы это отвлекло ее на какое-то время, но и тетю, и кота поймали, обсмеяли и отпустили.

Можно бы выследить Филиппа и убить, но как бы не сделать хуже. Сейчас Амедея по крайней мере жива, а если она не понадобится для игр, то вдруг ее сразу...

Думать об этом не хотелось, как и о том, что могли с ней сделать в тюрьме, но воображение подкидывало самые отвратительные варианты. И пока Геррах дошел до казарм, то накрутил себя до настоящей ярости.

Под тентом сидел тощий писарь с гладко зачесанными на пробор волосами, а перед ним – пара бывалых воинов да трое калек.

– Первый этап – мясорубка, – объяснял писарь. – Для разогрева зрителей. Вас поделят на две команды и победит та, в которой после сигнала останется больше выживших. На последующих этапах вас распределяют по отрядам. Еда, проживание – за счет устроителей. Оружие можно свое, либо же вам его выдадут.

– Победитель только один? – хмуро уточнил воин, переложив боевой топор на другое плечо.

– Возможны варианты, – уклончиво ответил писарь. – В пятнадцатых горячих играх победила целая команда. Зависит от сценария, однако он держится в секрете.

– Уже думаешь, как будем делить приз? – усмехнулся другой воин. – Попролам.

– И бабу?

– А что, – он сплюнул на песок. – Я не жадный.

– Меня запиши, – выпалил Геррах, растолкав этих двоих плечами. – Геррах дра Шор.

– Дракон, что ли? – поинтересовался воин за его спиной.

– Перекидышей учитываем отдельно, – встрепенулся писарь.

– Нет, – ответил Геррах. – Я не могу оборачиваться.

Пока что. Но его дракон с каждым днем становился сильнее. Кожа зудела от растущей чешуи, кости слегка ломило, а лопатки чесались.

Геррах поставил подпись рядом со своим именем и, пригнувшись, вошел в открытую дверь. Узкий темный коридор вел куда-то вниз, откуда доносились крики и лязг металла. Двое друзей догнали его и напали без предупреждения, слаженно, с обеих сторон. Если бы выбрали себе другого противника, то как знать – может, и дожили бы до второго этапа...

Геррах взвесил в руке боевой топор и приладил его к поясу. Так себе – с зарубками, да и не равновесный, но на первое время сойдет.

Дни летели, а я все сидела в тесной камере. После обеда стена, что выходила наружу, раскалялась как печка, зато ночью рядом с ней было тепло. Я перетаскивала туда-сюда свой тюфяк, который перетряхнула, выпросив свежей соломы. Сердитый охранник поначалу пугал меня, но я быстро смекнула, что он куда лучше второго –

толстого, медлительного, с пористым лицом, похожим на непропекшийся блин. Когда он приносил тюремную еду – кашу да черствую корку, то смотрел на меня с такой похотью, что мне становилось почти так же противно и страшно, как при визитах Филиппа.

А он приходил каждый день, но не задерживался надолго. Видимо, тюремная обстановка и мой потрепанный внешний вид оскорбляли его чувство прекрасного. Я нарочно насовала соломы в косу, чтобы ему вновь не пришлось в голову оттаскать меня за волосы, и заляпала платье кашей. Так что Филипп морщил нос и быстро уходил, а я тут же доставала материалы и продолжала работу.

В первый день я не могла нащупать нужную связку рун, все валилось у меня из рук, и если бы не черные чешуйки, то вряд ли бы мне удалось собраться. Но они словно сами подсказывали нужные ноты – и дело пошло.

Я соорудила совсем простенький артефакт из нескольких рун, завитых вокруг чешуйки, и налепила его на дверь сразу после ужина. А ночью проснулась от того, что кто-то пыхтел и кряхтел по ту сторону, а мой артефакт пел, и в мелодии слышался грозный рев дракона.

– Ведьма! – вырвалось у охранника, который так и не справился с дверью и вынужден был уйти ни с чем.

А я подложила руку под голову и выдохнула, и артефакт тоже стих, но оставался на посту. Дракон защищал меня даже здесь, в тюрьме, несмотря на то, что сам он уже далеко, на пути к горам, которых я, похоже, никогда не увижу. Но часть его осталась со мной – и не только чешуйки, полные силы стихий. То, как он смотрел на меня, как говорил, целовал... Все эти воспоминания выстроились стойкими солдатами, поддерживая меня и не давая пасть духом.

Меня называли преступницей, ведьмой, приравнили к конченым подонкам и жестоким убийцам, но это не я. То, что произошло со мной, – неправильно. Я знала, что достойна восхищения и любви, потому что видела их в темных глазах моего дракона. И сейчас это придавало мне сил и веры в то, что все еще можно исправить.

В конце концов, Геррах тоже был в рабстве, но ему повезло. Почему бы богам и мне не отсыпать немножко удачи.

Так что, набравшись решимости, я пожаловалась сердитому охраннику на второго, толстого. К моему удивлению, его заменили, но я все равно ставила защитный артефакт на дверь каждую ночь.

Из оборок, найденного зуба и надранных из тюфяка ниток я сшила на обратной стороне подола карман, сообразив, что если меня решат перевести в другую камеру, то вряд ли дадут время собраться. Сложив в карман все мои материалы, я походила по камере и попрыгала, чтобы убедиться, что все не вывалится в самый неподходящий момент. Но хоть на артефакт зуб и не сгодился, пуговицей он получился отменной.

А Ленни все не появлялся. Я гипнотизировала камешек у стены, отодвигала его в сторону и ложилась на пол, пытаюсь рассмотреть, что там, по ту сторону. Но Соловей не прилетал. Может, его тоже поймали? Вдруг человек, решивший сдать ведьму, сперва успел наболтать про своего хозяина? Мне пришло в голову, что вряд ли ловили прицельно меня. Вдруг охота шла на самого Ленни?

Мне оставалось только догадываться и размышлять, и складывать чешуйки одна к одной, закрепляя их рунами и железом. Работа без моих инструментов шла медленно, но кое-что получалось. И когда на шестой день засов в мою камеру заскрежетал, я быстро спрятала заготовку артефакта в карман и вскочила.

– Моя дорогая, – Филипп сиял улыбкой и белоснежным костюмом, заслоняя дверной проем. – Ты едешь в куда более приятное место.

Суровый охранник вновь нацепил на меня кандалы, по счастью, обычные, без рун.

– Спасибо вам, – выпалила я.

А я и правда была ему благодарна: за солому для тюфяка, за то, что убрал того толстого, просто за то, что мое заключение могло быть еще хуже.

– Лучше б тебя сразу убили, ведьма, – зло выплюнул он. – Забирайте!

Эта неожиданная жестокость ударила меня хуже пощечины, и я, как оглушенная, послушно пошла коридорами тюрьмы, постепенно осознавая, что сидела в самой центральной ее части, за тройным кольцом стен и несколькими патрулями охраны. Как только Ленни удалось сюда проскользнуть?

Меня вывели во двор, заставили сесть в крытую повозку и пристегнули кандалы к тяжелой цепи, к которой уже оказались прикованы несколько мужчин устрашающего вида. Дверь закрыли, отрезав свет, колеса загрохотали по дороге. Я пыталась по звукам, доносящимся снаружи, понять, по каким улицам мы едем, ждала, что появится Ленни – такой удачный момент... Но потом повозка остановилась, и меня выволокли наружу, на утоптаный до состояния камня песок. Вокруг широкой каймой вырастали пока еще пустые зрительные ряды, рабочие сновали туда-сюда, перетаскивая колья, камни, детали непонятных конструкций.

Мужчин, которых привезли со мной, погнали куда-то кнутами точно скот, а Филипп широким жестом показал на помост, который выстраивали на краю арены.

– Трон для моей принцессы, – произнес он довольно. – Я бы посадил тебя рядом с собой, Амедея, но ты не захотела и попыталась сбежать. Но оттуда тебе тоже будет очень хорошо видно. Не пропустишь ни одной смерти.

– Ты больной? – вырвалось у меня. – Наслаждаешься чужой болью и страхами?

Филипп снисходительно улыбнулся и протянул руку, чтобы погладить меня по щеке, но передумал.

– Это не болезнь, а сила, – снисходительно пояснил он, опустив руку. – А теперь пойдем, я покажу тебе твою комнату. Там красиво и удобно, и есть ванна. От тебя воняет, Амедея.

Меня подтолкнули в спину и повели в одно из зданий позади арены, и это вновь была тюрьма: с охраной, высокими стенами и решетками на окнах.

Филипп шел рядом, безбожно фальшиво насвистывая какую-то мелодию, но на миг я как будто услышала отголосок другой – сильной и чистой. Но, конечно, мне лишь показалось.

– Мой господин! Мой господин!

– Тут нет господ, лысый, – усмехнулся один из надсмотрщиков. – Тут лишь мясо да кровь для горячих игр.

Ревели трубы, били барабаны, толпа шумела в предвкушении зрелищ. Участники готовились к бою: кто молился, кто проверял

оружие, а кто задирает противников. Их поделили на две команды, выдали плащи – красные и синие. Герраxu достался красный.

– Геррах! Мой господин! Дракон!

Геррах раздвинул плечом воинов и протиснулся к решетке, прутья которой с отчаяньем сжимал Эврас.

– Как ты меня нашел?

– А где ж вам еще быть, мой господин, – едва не плакал тот. – Я ведь знаю, какой вы. Искренний... прямолинейный... с пылкой душой... Дурак вы, мой господин, уж простите.

– Я не мог иначе, Эврас.

Геррах столько передумал за эти дни. Он мог бы прийти той ночью в ее спальню и сделать своею. Он мог бы увезти ее в красные горы силой. Он мог бы поехать с ней вместе хоть на край света, хоть в Эркаю – туда хотела Амедея, в город, где есть академия, в которую принимают женщин-магичек.

Чему они ее там смогут научить? Такой как она больше нет. Амедея исправила его поломанную судьбу, связав оборванные нити. Исцелила его тело и душу. Она – лучшее, что есть в его жизни и во всем белом свете.

Как объяснить то, что у него на сердце, Геррах не знал. Амедея будет здесь, а значит, и он должен быть рядом. Он ей нужен – и он придет. Она приз – и он ее завоюет. В этом было даже что-то правильное. Награда победителю. Она будет принадлежать ему, и от этого внутри ворочалось нечто темное, жадное, собственническое. А он уже принадлежит ей. Не потому, что однажды она его купила. Просто. Все очень просто на самом деле, и Геррах не видел нужды усложнять.

– Вас убьют, – по пухлому лицу Эвраса потекли слезы.

– Может, убьют, а может, и нет, – пожал плечами Геррах. – Видел Амедею?

– Она уже на арене, – всхлипнул он. – Бедная наша госпожа. Пусть боги даруют помощь. Они уже даровали. Хоть я по-прежнему думаю, что вы дурак, мой господин, но я все же верю в вас.

– Вот спасибо, – усмехнулся он.

– Я даже сделал на вас ставку. В мясорубке принимают с таким коэффициентом – вы бы знали! Так что если вы выживете и дойдете до финала – мы озолотимся!

– Ты отличный казначей, – похвалил его Геррах. – И прекрасный друг.

– Все, хватит разговоров, отошел! – надсмотрщик небрежно оттолкнул Эвраса тупой стороной пики.

– Шестой сектор! – выкрикнул Эврас, подпрыгивая и выглядывая из-за плеч толпы, что потекла к зрительным рядам. – Я купил места до финала! Покажите, кто тут дракон!

Геррах кивнул и отошел к своим, в красных плащах.

Амедея уже на арене, и его сердце забилось чаще от того, что совсем скоро он ее увидит. Возможно, он и правда сглупил. Подождал бы немного, выкрал бы ее – может, было бы проще, чем из тюрьмы. Но он не смог бы сидеть в шестом секторе рядом с Эврасом. Он должен быть рядом с ней. Потому что она его шехсайя.

В сухом языке пустыни нет подходящего слова, чтобы объяснить, что она для него значит. Он сказал – желанная, и Амедея оттолкнула его. Но шехсайя – это куда больше...

– Добровольцы, построились, – скомандовал надсмотрщик, орудуя палкой с ловкостью, выдававшей в нем отличного воина. Если бы он оказался на арене, то Геррах, пожалуй, постарался вы вывести его из строя первым. – Играем по командам: красные плащи против синих. Выжившие из команды победителей отправляются дальше.

– А из команды проигравших? – спросил кто-то.

– Горячие игры проводят во славу богов, – пояснил надсмотрщик, прохаживаясь туда-сюда между двумя рядами бойцов. – Бог войны радуется, когда мы проливаем кровь в ненасытный песок, и дарует силу нашим воинам и здоровых сыновей нашим женам. А богиня жизни плачет, и над сухими землями Аль-Малены идет дождь. Понимаешь?

Хитро устраивать горячие игры перед сезоном дождей.

– Если выжил в проигравшей команде, значит, твоя кровь негодна как жертва богам. И ты уходишь.

Один из мужиков, грузный и неповоротливый, и больше похожий на пекаря чем на воина, вытер нос синим плащом и покосился на дверь позади. Какой бы порыв ни привел его сюда, он уже прошел.

– Но поскольку тут все добровольцы, то в поддавки мы играть не будем, – сказал надсмотрщик.

Между командами опустили решетку, с арены понеслись резкие звуки фанфар.

– Ты что, и правда дракон? – спросил кто-то из синих плащей. – Говорят, драконы из яиц рождаются. Или ты по старинке? Ничего своей мамке не поцарапал, чешуйчатый? Тяжело было вылупляться?

Геррах не реагировал на подначки, но уважал их как средство вывести из себя противника.

– Не тяжелее чем тебе родиться из псины, – ответил он.

Мужик тут же ринулся к нему, но надсмотрщики быстро оттолкали его прочь.

Геррах оглядел свою команду. Сплошь отребье да калеки. Вон знакомый дед щерится беззубым ртом и подтирает слюни краем алого плаща. Выходит, надо сделать так, чтобы красные выжили. Очевидный вариант – перетянуть противников на себя. Что там задевает пустынных сильнее всего? Уважают отцов, не любят собак, презирают мужеложцев – все стандартно. Хотя вот еще – трепетно относятся к воде.

Опершись на топор, который он так удачно позаимствовал, Геррах принялся поливать оскорблениями команду противников, испытывая извращенное удовольствие, если ему удавалось скомбинировать в одной фразе все больные точки песчаных.

– Ваших отцов... немые кобели... а потом испражнились в колодец дома...

В ответ в него полетели оскорбления, проклятия и отличный ножик, который Геррах, выдержнув из стены, сунул за пояс.

Когда ворота на арену наконец-то открыли, команда синих плащей его ненавидела, а красные старались держаться подальше, как от прокаженного. А Геррах смотрел на помост, на котором сидела Амедея. На подлокотники ее кресла поставили большие медные чаши, у ног – огромные песочные часы. Амедея закрыла глаза, чтобы не видеть происходящего безумия, и казалась живым воплощением богини правосудия.

– Слышь, дракон, а ты сюда что, за бабой пришел? – спросил один из синих. – Может, в ваших краях приходится ящериц пялить?

Геррах лениво бросил ответное оскорбление, но получилось так себе, без души.

Зрительные ряды были заполнены до краев. Геррах нашел шестой сектор, пробежался взглядом по рядам и увидел Эвраса, который отчаянно махал ему одной рукой, а другой придерживал за плечи тетю Молли, которая уже брякнулась в обморок. В центральной ложе в компании разодетых господ сидел Филипп, весь в белом. Если хорошенько метнуть нож, так ведь долетит...

Взвыли трубы, заревела толпа, и горячие игры начались.

Глава 11. Горячие игры

Я плотно закрыла глаза, а если бы могла, то заткнула бы и уши. Толпа в амфитеатре горячих игр бесновалась и жаждала крови и смертей, и этот голод выплескивался жаркими волнами. Солнце нещадно палило, по моим вискам медленно ползли капли пота, но я не могла вытереть лицо. Я вообще почти не могла шевелиться: запястья были привязаны кожаными браслетами к подлокотникам кресла, а щиколотки обмотаны цепями. Филипп сидел совсем рядом – в центральной ложе, и иногда я чувствовала его взгляд, неспешно ползающий по мне змеей.

Он сам выбрал мне наряд своего любимого белого цвета. Прогнав служанок, расчесал мои волосы, пока я сидела перед зеркалом и пыталась сохранить остатки самообладания. Комната, в которой меня теперь держали, была просторной и даже уютной, но в ней я сходила с ума. Мне казалось, что я задыхаюсь, что весь дом опутывают кольца змеиного тела и затягиваются все сильнее, не оставляя мне шанса спастись.

Ленни исчез и больше не появлялся. Служанки не общались со мной, страшась то ли ведьмы, то ли своего хозяина. Но под матрасом я прятала вещь из драконьей чешуи, которую почти закончила. Я помогу себе сама. Я сделаю такой артефакт, за который Ленни продал бы душу, если бы она у него еще оставалась.

Толпа дружно взревела, и арена под моими ногами наполнилась звоном оружия. Я старалась отрешиться от происходящего, но вздрагивала от каждого крика, приветствующего новую смерть.

– Это так и задумано? – произнес капризный женский голос из центральной ложи. – Почему они все гоняются за одним воином? Что в нем особенного?

– Особенного? – взволнованно переспросил мужчина. – Золотце мое, ты посмотри, как дерется этот варвар! Филипп, я не ожидал многого от первого дня игр, но это восхитительно! Где ты нашел его?

– Сегодня на арене сражаются добровольцы, – сухо ответил Филипп. Его голос я узнала и с закрытыми глазами.

– Доброволец? Так даже интереснее, – восхитилась женщина, и я, не сдержав любопытства, повернула голову и посмотрела на говорившую.

Рыжая дама чуть не перевесилась через перила, жадно глядя на сражение. Ее полные плечи усеивали мелкие веснушки, а шею туго обхватывало сверкающее кольцо. Жена правителя Аль-Малены решила составить компанию своему мужу. Он сидел рядом с Филиппом и смотрел на арену с таким же голодным восторгом, как и жена.

– Жокфор, они взяли его в кольцо! – она подпрыгнула на месте, и белая грудь колыхнулась в вырезе роскошного платья. – Пятеро против одного! Разве так можно?

– На горячих играх можно все, золотце, – ответил правитель. – Но, похоже, у синих нет шансов, раз уж против них вышел сам бог войны.

Я все же глянула на арену, и мое сердце ухнуло вниз, а потом тут же подскочило и застучало словно бы во всем теле. Это ведь не может быть Геррах? Но в высоком плечистом воине мне чудился именно он. Знакомая мелодия пробилась через рев толпы, и мое лицо стало мокрым от слез.

Я смотрела на Герраха во все глаза, забыв, как дышать. Красный плащ метался язычком пламени, сея смерть. Темные волосы спутались от пота и крови. Смуглая кожа блестела, мышцы перекачивались, движения были легки и стремительны словно ветер. Он здесь, на арене. Но как так вышло? Его поймали и вновь продали в рабство? Нет, Филипп сказал, что сегодня участвуют добровольцы. Значит, Геррах пришел сюда сам? Может, решил, что должен отдать долг за то, что я его исцелила? Но ведь он еще не дракон, рунам надо время...

Геррах оглядел арену и отбросил топор. Исход боя был определен: красные теснили синих с явным преимуществом. Развернувшись, он побежал в мою сторону, скрылся с глаз. Рыжее золотце правителя взвизгнуло, тыча пальчиком куда-то вниз.

А потом за край помоста ухватила смуглая ладонь, и Геррах, подтянувшись, выбрался на мою платформу.

Он шагнул ко мне и небрежно отбросил ногой песочные часы, в которых еще оставалось достаточно времени для смертей. Часы скатились к краю помоста и упали, жалобно звякнув. Трубы взревели, ознаменовав окончание боя. А Геррах опустил передо мной на

колени. На нем была кровь, и я лишь надеялась, что чужая, в черных глазах горело пламя войны.

– Зачем ты здесь? – прошептала я, глотая слезы.

Геррах обнял мои бедра, пачкая белое платье песком и кровью.

– Убрать его! – взвизгнул Филипп, и краем глаза я видела, как он вскочил с места.

– Жокфор, пусть варвар ответит, – потребовала дама. – Значит, он пришел на игры ради ведьмы? Ох, это так романтично!

– Я сказал, что шехсайя значит желанная, – сказал Геррах. Его грудь часто вздымалась, а голос как будто дрогнул. Волнуется? – Но это не совсем так. Просто в вашем языке нет такого слова. Шехсайя – необходимая для дракона, необходимая как ветер для крыльев. Ты ветер моих крыльев, Амедея.

Я подалась к нему всем телом, и Геррах быстро обнял меня, запустил руки в волосы, так тщательно расчесанные Филиппом. Горячие губы приникли к моим, и этот поцелуй, с привкусом соли и крови, был словно клятва.

Прогремел приказ, свистнула тетива. Предупреждающая стрела впиалась в кресло рядом с моей головой. Геррах отпрянул, поднял руки.

– Я пришел за тобой, Амедея, – сказал он, глядя мне в глаза. – И я заберу тебя отсюда.

Он спрыгнул с помоста, и вскоре красные плащи пошли вдоль края арены, радуясь победе. Зрители приветствовали их, женщины смеялись и тянули руки, чтобы прикоснуться к воинам. Рыжая что-то щебетала, но я не слушала. Мое сердце пело, и в нем звучал тот же мотив, что и у Герраха.

Филипп сжимал зубы, и они противно скрипели. Пальцы подрагивали от бессильной ярости, а в груди невыносимо пекло.

Поначалу все шло прекрасно: помост установили вблизи центральной ложи, и Филипп видел искаженное личико Амедеи и пил ее страх, смакуя каждую каплю. Его маленькая ведьма, прекрасная магичка, источник чистых чувств. Белые одежды делали ее похожей на невесту, но теперь ему, конечно, нельзя на ней жениться. Но она и так вся его: от кончиков шелковистых волос, пряди которых так приятно пропускать между пальцами, до маленьких мизинчиков на ногах.

Он уже предвкушал, как придет к ней в спальню после горячих игр, и слижет соленые слезы с ее щек, а потом сделает ей немножечко больно... Или очень – как пойдет.

Но потом появился варвар, и в ее груди запылало совсем другое чувство, от которого Филиппа теперь крутило как от несварения. Полная противоположность страху. Амедее нестерпимо сияла, и это была любовь, яркая точно солнце.

Филипп толкнул дверь, и та, распахнувшись, ударила о стену. Амедее вздрогнула и, встав со стула, повернулась к нему.

– Пшли вон, – приказал он сквозь сжатые зубы, и служанки убежали тихо как мышки. Кто-то даже догадался прикрыть за собой дверь.

Амедее упрямо вскинула голову. Не боится. Голубые глаза воинственно сверкают, тонкие пальчики сжаты в кулаки, как будто она сейчас на арене. В каком-то смысле так и есть, вот только у нее нет шансов победить. Как и у ее дракона.

Белое платье лежало на кровати, измаранное грязью и кровью, и Филипп чувствовал себя так, как будто это его испачкали. Он быстро подошел к Амедее и, размахнувшись, влепил ей пощечину. Она вскрикнула, упала на кровать, прямо на грязное платье. Но, поднявшись и вытерев кровь с разбитой губы, вновь посмотрела на него с гневом и вызовом, и без капли страха.

Она пожалеет об этом. Они оба, вместе с драконом.

Филипп принялся расстегивать рубашку, и голубые глаза Амедее расширились. Она судорожно оглядела комнату в поисках хоть чего-нибудь, подходящего для защиты.

Ни ваз, ни тяжелых шкатулок, ни острых гребней – он позаботился об этом лично.

Аккуратно повесив рубашку на спинку стула, Филипп шагнул к кровати, и к чувствам Амедее добавилось нечто еще. Снова не страх. Любопытство. Вместо того, чтобы убежать, она вдруг подалась к нему.

– Что это? – спросила, разглядывая его грудь.

Филипп невольно скосил глаза вниз. Она что, видит?

Амедее подошла ближе.

– Это магия? – она вдруг прикоснулась кончиками пальцев к его груди, провела по строкам, впитавшимся глубоко в кожу.

Нахмурившись, Филипп завел руку для удара снова, но Амедее обхватила его запястье.

– Подожди, – требовательно произнесла она. – Когда это сделали с тобой? В детстве? Усиление жизни, руна силы, а вот здесь я не разберу...

– Моя мать была неспособна дать жизнь ребенку, – ответил он неожиданно для себя самого. – Два моих брата умерли сразу после рождения. Отцу был нужен наследник, и когда родился я, он позвал мага...

Амедее прикрыла глаза, как будто прислушиваясь к чему-то, а Филипп склонил голову и втянул ее аромат. Служанки переодели ее в чистое платье, но от Амедее еще пахло ареной. Ему нравился этот запах – кровь, смерть и песок.

– Твоя мать умерла довольно быстро, да? – спросила она.

– Через полгода после моего рождения, – подтвердил он.

Она была плохой матерью. Хорошая добровольно бы отдала жизнь за ребенка. Отец, смеясь, рассказывал, что в конце ее приходилось привязывать к стулу, ведь она пыталась задушить свое дитя. Вместе с молоком матери Филипп выпитал не любовь, а страх.

Он выдернул руку и оттолкнул Амедее прочь.

– Я могу попробовать все исправить, – вдруг предложила она.

– Что исправить? – искренне удивился Филипп.

– Руны старые, и, наверное, будет больно, – торопливо пояснила Амедее. – Тот маг ошибся или не подумал... Руна жизни замкнута на смерть, но можно переписать по-другому.

Отец говорил, что заплатил магу сундук золота, а Амедее смеет утверждать, что что-то не так? Филипп чувствовал свою силу в виде бесплотных щупалец. Вот одно коснулось тонкой шеи, но отпрянуло, будто обжегшись. Все эта ее любовь, будь она проклята. Не оставила места страху.

– Раздевайся, – приказал он.

Амедее вскинула на него свои голубые глаза.

– Геррах убьет тебя, – сказала она вдруг, и Филипп рассмеялся.

– Ты такая глупая, – с жалостью произнес он, потянувшись к ее разбитой губе, которая заметно опухла.

Амедее отшатнулась и загородилась стулом, как хищный зверек, загнанный в угол и готовящийся дать отпор. Совсем не то, что ему

нужно.

– Это я убью его, Амедея, – сказал Филипп. – Не своими руками, конечно, но это сделаю я. Твой дракон сдохнет на арене горячих игр. Его разорвут на куски, пропитают кровью песок, а ты будешь смотреть, как он корчится и страдает, и умирает у твоих ног.

Они оба будут играть по его правилам. Он все сумеет повернуть в свою пользу. Можно было бы убить Герраха прямо сейчас, пока он сидит в казармах, но это не интересно. Да и Жокфор вместе со своей тупой рыжей коровой жаждут зрелищ. Они будут разочарованы, если дракон, так ярко проявивший себя в мясорубке, просто исчезнет.

Нет, Филипп убьет его на глазах у всех. На глазах у Амедеи. Если она не боится за себя, то уж за него точно будет.

– Раздевайся!

Его голос сорвался на крик, и Амедея слегка побледнела.

– Я... У меня женские дни, – стыдливо призналась она, опустив глаза.

Филипп брезгливо поморщился, глянул на белое платье, измаранное кровью, а потом просто ушел. Всему свое время. Он умеет ждать. Он подождет еще.

Когда за Филиппом захлопнулась дверь, я кинулась к ней и налепила чешуйку с рунами, чтобы никто больше не вошел. Выдохнув, подошла к зеркалу. Щека горела, а губа опухла и кровила, но мне было даже немного жаль Филиппа. Он не виноват в том, что с ним сделали в детстве.

Отец, желая защитить сына, вплеп в него магию. Филипп научился получать силы из эмоций других людей. По сути все мы иногда подпитываемся ими: восхищением, уважением, дружбой или любовью. Если бы слегка подправить руны...

Но я не была уверена, что у меня получится. С Геррахом я всего лишь восстанавливала то, что было раньше. Я подталкивала плетение, и оно продолжалось само. В Филиппе мне пришлось бы менять его суть. Руны стали его частью, а главное – он и сам не хотел ничего исправлять.

Я подошла к кровати и вытащила из-под матраса заготовку артефакта. Он еще не звучал как надо, но я уже слышала, каким он должен быть, – ключ от всех дверей, вскрывающий любые замки и

засовы. Ленни с ума бы сошел от счастья. Матовые черные чешуйки ложились одна на одну, руны подхватывали мелодию, ставя акцентные ноты. Пожалуй, с другим материалом у меня бы ничего не вышло, но дракон уже воплощал в себе свободу.

А я купила его и держала в рабстве. Надела браслет – все равно что на цепь посадила. Приказывала...

Щеки запылали от стыда. Когда Филипп приказал мне раздеться, я невольно вспомнила, как говорила то же самое Герраxu, не понимая, как это унижительно. Хотя он раздевался без споров и возражений, нисколько не смущаясь наготы. Быть может, из-за второй его ипостаси, животное начало в нем ощущалось так сильно...

Геррах откровенно любовался мною, смотрел на меня с жарким мужским желанием, которое обещало радость и наслаждение. Во взгляде Филиппа было нечто совсем иное, и я не хотела знать – что. Какое счастье, что мне пришла в голову идея наврать про женские дни! Я еще в тюрьме поняла, какой он брезгливый.

А еще – жестокий. Он придумает какую-то каверзу, сделает подлость.

Геррах сказал, я ветер его крыльев. Если бы только его крылья и правда отросли! Он бы подхватил меня и унес прямо с арены горячих игр – хотела бы я тогда посмотреть на Филиппа.

Фыркнув себе под нос, я вернулась к работе. Геррах пришел меня спасти, но и я тоже не собиралась сидеть без дела.

Один из воинов скинул красный плащ на пол и, пока надсмотрщик не видел, быстро содрал синий с трупа и накинул себе на плечи. Уловка прошла незамеченной и, опустив голову, он прошмыгнул с остальными выжившими синими плащами вон из казарм.

Геррах не собирался судить его. Богиня уже и так должна была рыдать, глядя, как беспечно обращаются с ее бесценным даром жизни.

– Дракон, – высокий сухой надсмотрщик окинул его взглядом. – Ты хорошо держался.

Геррах пожал плечами. Он не испытывал ни торжества победы, ни особой радости. Но если по-другому получить Амедую не выйдет, то он готов снести хоть всю Аль-Малену до основания.

Их повели узкими коридорами казарм. Пахло кровью и нечистотами, стоны раненых мешались с грубым смехом, лязгало оружие, а кто-то тихо пел поминальную песню.

Филипп узнал его и, конечно, захочет убить. Геррах глянул на своих соратников, но пока что никто не собирался на него нападать. Хотя с белого змея станется отравить его или подослать убийц пока он спит. Придется быть очень осторожным.

– Ты остаешься здесь, дракон, – сказал надсмотрщик, открывая одну из дверей. – У тебя щедрые друзья.

Кто-то присвистнул, а Геррах вошел в комнату, больше похожую на будуар, чем на жилище воина: широкая кровать, изящный столик, уже накрытый к ужину. Вот здесь его и найдут, на мягком ковре и с пеной на губах.

К нему развернулся мужчина: тонкий, светловолосый и даже, наверное, симпатичный. Но отчего-то казалось, что на его по-женски узких ладонях достаточно крови.

– Я друг Амедеи, – сказал он. – Как, видимо, и ты.

Филипп вошел в камеру, где его уже ждали.

– Вот эта, господин распорядитель игр, – подобострастно произнес тюремщик. – Артефакт не может определить точно, ведьма ли она. И начальник сказал – обратиться к вам. Говорят, у вас особое чутье, господин Ландо...

Так и есть. У него особый дар, талант, благословение. Он видит людей насквозь. Трусливые, жалкие, лживые – вся изнанка перед его глазами как на ладони. И он пьет их страхи и становится сильнее. Он почти что бог.

Девушка сидела в углу, скованная цепями. Молоденькая, темноволосая, с испуганными блюдцами голубых глаз, она слегка походила на Амедею. Ее страх не был таким вкусным, но, по крайней мере, он был, и Филипп почувствовал, что все же получит удовольствие сегодня. Пальцы чутко задвигались, собирая отголоски будущего наслаждения.

– Я ничего не сделала, я ни в чем не виновата, – жалобно запричитала девушка, прижимая руки к груди.

Кандалы на ее хрупких запястьях казались слишком большими, как будто на вырост.

– Все вы так говорите, – грубо одернул ее тюремщик. – Закрой свой поганый рот.

Она послушно сомкнула дрожащие губы. Конечно, она не ведьма. Обычная девчонка. Быть может, чувствует этот мир чуть тоньше, чем остальные, вот артефакт и забарахлил.

– Так что скажете? – спросил тюремщик совсем другим тоном. – Ведьма?

Филипп выдержал паузу, в которой страх и напряженное ожидание, и надежда слились в один пульсирующий пучок чувств. Пальцы подрагивали от предвкушения.

– Да, – соврал он.

Девушка взвизгнула, забилась в припадке паники, пытаясь выбраться из цепей, и ее страх и ужас захлестнули его такой мощной волной, что Филиппу пришлось ухватиться за стену, чтобы не упасть от внезапно накрывшего его пика удовольствия.

Он развернулся и поспешно вышел, и сердце в его груди, исписанной рунами, стучало сильно и громко. В брюках стало мокро и липко, и Филипп запахнул полы длинного пиджака, прикрывая бедра.

Приятно, но все же не то. Это как удовлетворять голод обычной кашей. А ему хотелось деликатесов.

Филипп мечтательно улыбнулся. Он получит свое, когда дракон вновь окажется на арене. Амедея будет в ужасе.

Глава 12. Сообщники

– Как докажешь, что знаком с Амедеей? – спросил Геррах, садясь в слишком низкое кресло, и поставил ноги так, чтобы в случае чего легко спружинить, бросившись на внезапного гостя.

– Я не настолько хорошо ее знаю, как хотелось бы, – усмехнулся блондин, сев напротив.

Его поза казалась абсолютно расслабленной, но во взгляде светлых глазах таилась сталь.

– Увы, не могу рассказать о каких-нибудь родинках на ее теле, что свидетельствовало бы о нашей с ней близости, или что-нибудь в таком духе, – добавил он, и Герраxu захотелось сжать его шею, перечеркнутую грубым шрамом. – Вот, – он снял с уха серьгу – массивную и слегка вычурную, похожую на сгоревшую розу. – Это сделала она. Артефакт правды. Чуешь аромат роз? Если солгать, он сменится вонью.

Геррах взял вещицу в руки, коснулся черных чешуек, сложенных в лепестки.

– Это моя чешуя! – воскликнул он.

Мужчина забрал серьгу и снова вдел себе в ухо.

– Можно как-нибудь наскрести с тебя еще? – невинно попросил он. – Очень хорошо продается.

Аромат роз стал сильнее, а Геррах, нахмурившись, уставился на гостя.

– Ленни, – представился тот. – Ленни Соловей, если угодно.

– Геррах Дракон, – буркнул он.

– Размах крыльев у нас иной, – улыбнулся Ленни, и на его щеках появились ямочки. – Но посмотрим, кто долетит до цели.

– Какая у тебя цель?

– Такая же, как и у тебя, – Амедей.

– Она моя, – вырвалось у него.

– Пока что скорее Филиппа Ландо, распорядителя горячих игр, – хладнокровно заметил Ленни. – Однако мы оба хотим это исправить. Я пытался освободить ее из тюрьмы, но меры предосторожности оказались не по зубам. К тому же мне сели на хвост...

– А ты, выходит, нечист перед законом?

– Еще как, – подтвердил Ленни. – В грязи по самую маковку. Что я хочу сказать, Геррах Дракон, так это то, что сейчас мы на одной стороне. Вытащим Амедею – а дальше решим, кому она достанется.

– Ты любишь ее?

Ленни задумался.

– Пожалуй, – сказал он. – Меня ищут по всей Аль-Малене, но я рискую жизнью ради своей прекрасной птички. Что это, как не любовь?

По комнате поплыл запах гнили, и Ленни, дернув сережку, сердито добавил:

– Никто кроме меня не понимает, что Амедея из себя представляет. Лучшие артефакторы Аль-Малены платят мне, чтобы только подержать в руках созданные ею вещи. Амедея уникальна. Ее магия – совершенна. Ты будешь смеяться, – Геррах даже не улыбнулся, – но защита в доме Филиппа Ландо, где ее сейчас держат, построена на принципах, созданных Амедеей. И защита амфитеатра горячих игр тоже. Ты, верно, не заметил, но вокруг арены стоит невидимая стена, чтобы случайная стрела не унесла жизнь зрителей.

Выходит, если он бросит в Филиппа нож, тот все же не долетит...

– Почему эти твои артефакторы не могут прийти и объяснить, – заволновался Геррах. – Она не преступница. Она талантливый творец.

– Гениальный, – исправил Ленни. – Но как ты себе это представляешь? Что все эти выскочки маги, ублаженные покровительством высокопоставленных особ, придут и скажут – мы все это украли? Скопировали у ведьмы? Да они скорее сожрут свои поганые языки, что в принципе можно устроить... Нет, дракон, ты, похоже, не слишком хорошо понимаешь человеческую суть.

– Зато ты, выходит, знаток.

Ленни скромно кивнул.

– Чуешь аромат роз? Мы оба откровенны друг с другом, это приятно. Дело обстоит так: тебя, конечно, попытаются убить. Вот на всякий случай защита от ядов. – На стол, звякнув, упало колечко, серебряные линии в котором переплетались изысканным узором. – Это сделала Амедея, одна из ее первых работ. Даже если съешь ядовитых грибов, или тебя укусит гадюка, кольцо защитит.

Геррах надел на мизинец кольцо, а потом с наслаждением вгрызся в мясо, которое уже успело остыть. Он толком не ел все эти дни, а после боя проголодался как зверь. Если бы Амедея увидела его сейчас, то наверняка попеняла бы за манеры.

– Однако я готов поставить все артефакты моей птички на то, что Филипп захочет убить тебя на арене, – продолжил тем временем Ленни, – на глазах у прекрасной дамы, чтобы она не тешила себя иллюзиями и надеждами на спасение.

– Я сумею постоять за себя, – проворчал Геррах, прожевав.

– Сегодня ты сражался как истинный дракон, – снисходительно похвалил его Соловей. – Но кто были твои противники? Случайные смельчаки, погрязшие в долгах неудачники, которым больше ничего не оставалось, да старики... Возможно, некоторые из них тоже были неплохи, но завтра все будет иначе, Геррах. Завтра ты выйдешь на арену против воинов, которых готовили к этому и тренировали.

– Я тоже готов. Я выиграю эти игры и заберу свой приз.

Ленни вздохнул и посмотрел на него с жалостью.

– Тебе не позволят, – сказал он. – Это абсолютно исключено. Смотри, какая схема: на данный момент Амедея – собственность горячих игр, приз, обещанный победителю. Но знаешь, что произойдет, если победителя не будет?

– Что? – тупо спросил Геррах.

– Приз повиснет на балансе арены. Понимаешь? Амедея останется с Филиппом, а ему именно это и надо. Он не отдаст ее никому, и я его понимаю. А к следующим играм о ней позабудут. Филипп сумеет все устроить.

Геррах помолчал и кивнул. Аромат роз стал нестерпимо сладким, и ему даже захотелось, чтобы Соловей снова соврал.

Ленни выбрал виноградину и, придирчиво покрутив ее в пальцах, съел.

– Я не могу пробраться в его дом, – признался он. – Охрана – ладно. Но магическая защита не пропускает. Думал выкрасть Амедею по пути туда или оттуда, но ее водят через подземный ход прямо на арену. Мне не помешает помощь, дракон.

Ленни вынул из кармана серебряное яйцо, исписанное рунами. Крутанул его половинки до щелчка.

– Амедея недавно принесла занятную штуку, – пояснил он. – Артефакт, который словно бы создает купол тишины. Можно спокойно разговаривать и решать дела, не боясь, что беседа станет доступна для чужих ушей. Мой артефактор, один из тех, кому более-менее удастся скопировать руны Амедеи, сказал, что в нем используется такой же принцип, как и в системе охраны. Он толковый парень, хоть и совсем не такой одаренный, как моя птичка. Клянется, что нашел способ взломать защиту, но ему надо время.

– А мне что делать? – спросил Геррах.

– Не умри, – ответил Ленни. – Какое оружие предпочитаешь? Я могу достать все.

– Меч, – не раздумывая, ответил он. – Быть может, легкую кольчугу. Обувь, чтобы не скользила по песку.

– Сделаю, – пообещал Ленни.

Соловей ушел, посоветовав ему отдыхать и набираться сил, и Геррах и правда упал на кровать и провалился в сон без сновидений. Проснулся он посреди ночи, когда за окошком, крохотным настолько, что в него едва пролезла бы рука, уже висела луна.

Поднявшись, Геррах захлеб выпил полкувшина воды и отправился исследовать казармы.

Огромная арена горячих игр оказалась верхушкой айсберга. Комната, куда его поселили, находилась на верхнем уровне, но коридоры спускались все ниже и ниже, точно муравьиные ходы изрывая землю, и воздух становился все гуще.

Геррах тихо шел вперед, иногда замирая и прижимаясь к стене, чтобы пропустить редких часовых.

Допустим, он и правда поступил опрометчиво, отправившись на игры. Все равно что добровольно сунуть крыло в капкан. Но, во-первых, без Амедеи ни крылья, ни свобода ему, как выяснилось, не милы. Во-вторых, зато он теперь в самой гуще событий и ближе к Амедее. Сердце сжималось от боли, стоило вспомнить, как она сидела там, наверху, связанная по рукам и ногам, точно жертва на заклятие. В-третьих, он может попробовать сломать хваленую систему защиты изнутри.

Ленни Соловей напел про подземный ход, которым доставляют Амедею. Так почему бы не найти этот ход и не попробовать

пробраться к ней тем же путем?

Геррах шел все глубже: мимо тесных комнатусек, откуда доносился многоголосый храп, мимо клеток, в густой тьме которых что-то дышало и всхлипывало. Прокрался мимо надсмотрщика, что спал, вытянувшись у входа в оружейную, и, вернувшись, заглянул внутрь. Перешагнув парня, Геррах прошел в арсенал и придирчиво осмотрел мечи. Некоторые были великолепны, но не факт, что ему их дадут. Большая часть клинков годилась только для переплавки. Луки, колючие булавы, щиты разных форм – Геррах любил оружие. До пробуждения дракона он привык тренировать свое тело до изнеможения. Да и после тоже. В здоровом теле – сильный дракон.

Перешагнув спящего снова, Геррах пошел дальше и, войдя в темную пещеру, воняющую кошками, едва успел отпрыгнуть от когтистой лапы, что стремительно вытянулась между толстенными прутьями.

– Плохой котик, – укоризненно пробормотал Геррах, и женщина со скуластым лицом, перечеркнутым шрамом, зашипела, скаля клыки.

Она была высокой и крепкой, грубые красные полосы бугрились по очень светлой коже, прикрытой лохмотьями, и Геррах наметанным взглядом бывшего раба определил шрамы, оставленные кнутом. Белые волосы женщины торчали ключьями, а желтые глаза были яркими, как у кошки.

Она дернула носом, придвинулась ближе к прутьям.

– Ты – тот самый дракон? – она быстро облизнула тонкие губы. – Вижу, что да. Не люблю ящериц. Юркие, быстрые и норовят отбросить хвост.

– Геррах, – представился он. – Зато с твоим хвостом все в порядке, как я погляжу.

Женщина ударила себя по икрам белым хвостом со спутанной кисточкой на конце.

– Шелли, – бросила она после паузы, и Геррах аккуратно пожал протянутую ему руку.

Когти Шелли втянула, так что сейчас это была почти обычная женская ладонь, разве что слегка крупноватая.

– Ты знаешь, где здесь подземный ход, Шелли?

Она потрянула головой, и из копны белых волос показались острые кончики ушей.

– Возможно. Хочешь попасть к своей ведьме, Геррах?

– Откуда ты знаешь, куда мне надо?

– Парни болтали. Мол, ты поцеловал ведьму сегодня, – она то ли чихнула, то ли фыркнула. – Давай так, поцелуешь меня – скажу, где твой ход. Идет?

Она резко подалась вперед, Геррах непроизвольно отшатнулся, и Шелли вновь зашипела как кошка, ударив когтями по прутьям клетки. Шрам, перечеркивающий лицо, стал еще ярче.

– Что? Я не такая красотка как твоя ведьма? – рявкнула она.

– Дело не в этом, – ответил Геррах. – Просто... Я люблю ее. Поцелуй – не измена, но все же...

Шелли с изумлением на него посмотрела, и когти медленно втянулись в подушечки ее пальцев.

– Любишь, – задумчиво повторила она. – Меня тоже любили когда-то... То ли три года назад, то ли пять... Я потеряла счет времени, пока сижу под этой проклятой ареной, провонявшейся кровью. Ненавижу ее! Но только там, на песке, я могу жить, убивать и чувствовать солнечный свет.

– Ладно, – сказал Геррах. – Ты меня растрогала чуть не до слез. Давай поцелую.

Она улыбнулась.

– Я передумала.

– Шелли, я серьезно, – он подошел к прутьям вплотную.

– Поздно, дракон, надо было сразу соглашаться.

– Ты издеваешься? – возмутился Геррах.

– Немного, – призналась Шелли. – Вообще-то я без понятия, где этот ход.

Он укоризненно посмотрел на нее и двинулся дальше.

– Эй, Геррах, погоди! – позвала она и, когда он вновь подошел к клетке, добавила: – Надеюсь, мы будем на одной стороне. Перекидышей обычно ставят в одну команду. Ты вообще как сюда попал? Натворил чего и из тюрьмы? Или ты раб?

– Бывший, – сказал он. – Я пришел сюда добровольцем.

– За не-е-ей, – понятливо протянула Шелли и вдруг яростно ударила когтями по прутьям, так что из них вылетел целый сноп искр. – Ну и вали! – исступленно выкрикнула она. – Думаешь, у тебя получится? Ничего у тебя не получится! Это невозможно – вытащить

кого-то с горячих игр, понял? Тебя убьют, дракон! Я сама тебя убью! Эй, подожди... Не уходи... Побудь со мной тут еще немного. Там тупик, выхода нет. Его нигде нет...

Голос Шелли преследовал его, и вскоре Геррах, уткнувшись в сплошную стену, убедился, что кошка не соврала. Он вернулся к клетке и, вздохнув, сел напротив, вытянув ноги. Шелли, встрепенувшись, пересела ближе к прутьям.

– Расскажи, как вы с ней познакомились, – виновато попросила она. – Это, наверное, было очень романтично?

– Не очень, – ответил он, улыбнувшись.

Ключ от всех дверей рождался у меня в руках. Руны тесно переплетались, соединяясь в мелодию и ложась на драконью чешую. Лучшее мое творение. Симфония свободы и всех стихий. Работа захватила меня так, что я даже забыла, где нахожусь. И когда раздался стук, оторвалась от дела с легким раздражением.

– В чем дело? – рычал Филипп. – Почему дверь не открывается? Амедей, ты что там, забаррикадировалась? Охрана!

Я вскочила, заметалась по комнате, сунула недоделанный артефакт под матрас и, подбежав к двери, скovyрнула мою защитную чешуйку и спрятала в карман. Едва успела отпрыгнуть в сторону, когда дверь с грохотом слетела с петель, и в мою комнату ввалился рослый стражник.

– Да все с ней в порядке было, – проворчал он. – Может, заклинило что.

Филипп быстро вошел в комнату и огляделся. Острый кадык дернулся над воротом белой рубашки. Подняв нос, Филипп медленно прошелся по моей темнице и вдруг быстро заглянул под кровать.

– Думаешь, я прячу любовника? – не удержалась я от насмешки.

Стражник вышел, аккуратно приставив дверь к стене. Вот незадача – и как мне теперь работать?

– Я думаю, что совсем скоро тебе будет не до смеха, – ответил Филипп, улыбнувшись.

Сегодня утром он выглядел бодрым и довольным, на бледных щеках играл румянец.

– Снова станешь меня бить? – уточнила я.

Филипп поморщился.

– Нет, – ответил он. – Это слишком грубо и просто – в твоём случае.

Прочитав руны на его теле, я стала понимать Филиппа лучше. Не как человека – его суть была отвратительна, а как испорченный механизм. Он питался страхом, и теперь хотел меня напугать. Но, быть может, в нём осталось хоть что-то нормальное?

– Филипп, – начала я. – Ты ведь хотел на мне жениться. Теперь я в каком-то смысле твоя, – едва сдержалась, чтобы не скривиться. – Быть может, нам стоит узнать друг друга лучше? Поговорить, прогуляться...

Потому что мой ключ вряд ли поможет, если по ту сторону двери будет стоять вооружённая охрана. Надо придумать какой-то план.

– Я и так знаю о тебе достаточно, – заявил он. – Я знаю тебя лучше, чем кто бы то ни было, Амедя.

Ирония состояла в том, что теперь я тоже знала его как никто. Он хотел, чтобы я боялась. Если не за себя, то за Герраха.

– Вновь поведешь меня на игры?

– А как же, – ответил Филипп и, подойдя ближе, обхватил двумя пальцами мой подбородок, заставив приподнять лицо. – Ты выглядишь плохо, – добавил недовольно.

– Так обычно и происходит, если бить женщину по лицу, – заметила я.

В комнату прошли служанки, разложили на кровати алое платье, расшитое золотом. Красивое. Я бы с удовольствием примерила его в другой ситуации. Филипп тем временем склонился ко мне, будто приносиваясь, и я отшатнулась.

– Я чую твою магию, ведьма, – пробормотал он. – Но и что-то ещё. От тебя как будто несет драконом... Ты спала с ним?

– Не твоё дело, – буркнула я.

Не спала. И, наверное, зря. Если бы я не оттолкнула его, если бы доверилась, если бы... Иногда я слишком много думала и сомневалась – даже тогда, когда надо было слушать сердце.

– Если у тебя женские дни, то ты ведь не можешь быть беременна от него, правда? – задумчиво продолжил Филипп, как будто не расслышав мои слова. – Так в чём же дело? Охрана!

Стражник заглянул в комнату.

– Обыскать её, – приказал Филипп.

Я взвизгнула, попыталась закрыться от бесцеремонных рук, что прошлись по моему телу, ощупывая все, даже самые укромные места. Вскоре чешуйка дракона перешла из рук стражника к Филиппу. Тот покрутил ее в пальцах, насмешливо хмыкнул.

– Обыскать здесь все! – прогремел его приказ, и я едва не расплакалась, когда послушные служанки принялись рыскать по комнате.

Мой план, который я толком не придумала, рушился на корню. Но еще обиднее было то, что я не смогу закончить работу. Потому что мне очень нравилось то, что могло получиться в итоге.

Служанки перетряхнули стопку белья в шкафу, заглянули за шторы, одна подняла ковер, а другая направилась к постели. Я сжала зубы. Чтобы не выдать Филиппу своих чувств, надо подумать о чем-то другом. Как там, интересно, тетя Молли с ее котами? Кто заботится о ней вместо меня? Быть может, она уже не так негативно настроена к лысым мужчинам?

– Ничего нет, господин, – сказала девушка, тихая и неприметная как мышка, и я едва не вытаращила глаза от удивления.

– Хорошо, – ответил Филипп. – Подготовьте ее к играм. Сегодня будет очень красочное представление, Амедея, тебе понравится.

Он вышел вместе со стражником, который даже деликатно заслонил проем выбитой дверью.

Я позволила переодеть меня, расчесать волосы и уложить их в высокую прическу, а сама думала только о том, как мне повезло. Неужели служанка не заметила артефакт? Быть может, он завалился куда-то? Но потом что-то укололо меня через ткань, и я, опустив руку в карман, нащупала мою заготовку. Бросила быстрый взгляд на девушку, но та упорно отводила глаза.

– Спасибо, – горячо поблагодарила я.

Вторая, уже в годах, неприязненно на меня посмотрела, расправляя кружево на подоле, и подтолкнула девушку к выходу.

– И не смей разговаривать с ведьмой, – донеслось до меня. – Иначе хозяин рассердится. А ты знаешь, что тогда будет.

– Знаю, – услышала тихий вздох.

Я обхватила пальцами незаконченный ключ, сжала в кулаке. Эта помощь была такой неожиданной и приятной, как внезапное солнце в

дождливый день. У меня появилась союзница. Быть может, она согласится передать Геррахе весточку?

– На выход, – скомандовал стражник. – Игры вот-вот начнутся.

Я и хотела увидеть дракона, и от души молилась, чтобы сегодня он не участвовал в битвах. Но вряд ли Филипп захочет ждать, чтобы лишиться его жизни. Оставалось надеяться, что Герраха не так-то просто убить.

Глава 13. Жестокие боги

– *Бог-отец и богиня-мать полюбили друг друга, и родили наш мир, полный чудес*, – говорил златокудрый мужчина, напомнивший Герраxu Соловья, и голос его, усиленный артефактом, разносился по всей арене горячих игр.

Ленни не обманул – безмолвный раб принес Герраxu и удобные ботинки, которые сели по ноге как вторая кожа, и меч – не слишком длинный, но с идеальной балансировкой и очень острый. Так что Геррах теперь щеголял идеально выбритым подбородком. Вдруг удастся вновь поцеловать Амедею, а у нее такая нежная кожа.

– *Однако когда бог-отец отправился творить другие миры, богиня-мать заскучала*, – продолжил кудрявый блондин и обвел зрителей многозначительным взглядом.

Геррах же подумал, что бог-отец, в которого верили в Аль-Малене, точно не скучал. Кто-то же должен был рожать ему те другие миры.

– Дракон! – радостно поприветствовала Шелли. На ней был пушистый лифчик, придающий объем стройным формам, и облегающие штаны с дыркой для хвоста. Так себе кольчужка.

– Кошка! Киса! Иди сюда – поглажу! – раздался целый хор мужских голосов, и Геррах подумал, что клетка, в которой держат Шелли, в каком-то смысле не для нее, а скорее от них.

Она зашипела, показав острые зубы, и скользнула по левую сторону от Герраха.

– *Она предалась блуду!* – яростно воскликнул глашатай, а на зрительных рядах зашумели – кто с осуждением, кто радостно. – *И понесла от животных, родив двуликих детей – свидетельство ее падения и позора.*

Зрители засвистели, требуя уже начинать игры. Геррах выглядывал за решетку, но отсюда помоста Амедеи не было видно.

– *Отец вернулся, увидел это бесчинство и повелел своим сыновьям безжалостно истребить потомство неверной жены.*

Геррах цыкнул зубом. Его определили к перевертышам, хотя он и говорил, что не может обращаться. А кудрявый глашатай

недвусмысленно дал понять, что исход битвы уже предрешен.

– Так. Вот бык, – здоровому бугаю достался шлем с рогами, – кошка у нас готова... Где волк? – Заросший шерстью воин рявкнул, оскалив изогнутые клыки, и надсмотрщик быстро отскочил. – Уже почти в обороте, понял, накладной хвост убираю. Дракон!

Геррах повернулся к нему.

– Примерь-ка.

Чешуйчатая броня была жесткой и тесной, но та, что принес посыльный от Ленни, казалась не толще рубашки и не вызывала доверия. Геррах поколебался немного, но в итоге надел кольчугу прямо поверх первой. Жесткая броня тут же треснула на груди и разошлась как жилетка.

– *Любимые сыновья бога-отца, благословенные его силой, сошли на землю и истребили ублюдков.*

Благословенные силой бога – это, выходит, маги. Холодок пополз по спине Герраха там, где раньше росли его крылья. Он быстро глянул на перевертышей. Волк уже перекинулся в звериную форму, только глаза оставались человеческими. Бык напряженно хмурился, как будто силясь понять, что он вообще тут делает. Шелли выпростала когти, потянулась, выгнув спину, стегнула по песку хвостом, и Геррах заметил стальной наконечник в белой кисточке.

– *Сейчас мы словно вернемся в те далекие времена, когда...* – артефакт вдруг вышел из строя, глашатая совершенно непочтительно освистали, и он быстро юркнул в одну из дверей в стене арены.

Раб крутанул колесо, решетка закрипела и поехала вверх. Геррах вышел на горячий песок и первым делом взглянул на помост. Амедя была там, в алом платье, расшитом золотом, – олицетворение богини, которая должна была смотреть на смерть ее незаконнорожденных детей. Геррах прижал пальцы к губам и вытянул руку к Амедее.

– У меня крепкая шкура, – сказал вдруг бык. – Но я не очень маневренный.

– Я очень маневренная, – проворчала Шелли. – Но почему мне сегодня даже не дали лук? Чем я должна сражаться? Хвостом?

Волк широко расставил передние лапы, шерсть на седом загривке поднялась дыбом.

– Мне все это не нравится, Геррах, – пожаловалась Шелли. – Я чувствую подставу. У меня звериная интуиция.

Волк повернул к ней голову и коротко рыкнул.

– Сам заткнись, – сердито бросила она, но умолкла.

Филипп сидел в центральной ложе, сияя белизной. Рыжая женщина рядом с ним вдруг помахала рукой, и Герраxu показалось – ему. Он все ждал, какая же из дверей откроется, откуда появится враг, но сверкающая колесница в форме круглого диска спустилась прямо с неба, вызвав восторженный рев толпы. А Геррах едва успел отбить мечом стрелу, летевшую в сердце.

Колесница взмыла повыше, и Кошка, подпрыгнув, только успела мазнуть когтями по блестящему днищу.

Второй серебряный диск закружил в небе, закрыв на мгновение солнечный свет. Стрела вонзилась в песок рядом с волчьей лапой. Еще одна ударила Герраxu в плечо и, легко пробив чешуйчатую кольчугу, даже не оцарапала кожу, защищенную зачарованной рубашкой. Геррах выдернул стрелу и бросил на песок. Их что, собираются попросту расстрелять с высоты? Зрители разочарованно загудели.

Первая колесница пошла на снижение, и Геррах насчитал в ней четверых. Итого восемь магов. Хотя, быть может, не все там обласканы милостью ревнивого бога-отца. Возничий подался вперед, и его ладонь засветилась холодным синим сиянием.

– В стороны! – скомандовал Геррах, оттолкнул быка, и в песок, где он только что стоял, ударил сверкающий шар.

– В кошку не стреляй! – донесся сверху веселый голос. – Я сперва хочу ее приласкать.

Шелли взвилась вверх как пружина, но в ответ раздался лишь смех.

– Потерпи, киса, чуть позже все будет!

Волк бросился прочь, виляя и путая преследователей. Второй экипаж полетел за ним, словно влекомый инстинктом охотника. Волк развернулся, отпрыгнул влево, потом назад, за помост. Первый диск пролетел в опасной близости от Амедеи – и Филипп вскочил и замахал руками.

Бегать бессмысленно – надо нападать. Но как это сделать без крыльев?

Первая колесница тоже летела за волком, который метался по всей арене, и кончик его хвоста уже дымился. Тактика у оборотня так себе, зато отвлек огонь на себя. Шелли помчалась по песку, ловко

вскарабкалась на помост Амедеи, – хитрая! Заметила реакцию Филиппа! Но на самом верху ее отшвырнуло волной. Перевернувшись в воздухе, Кошка приземлилась на четыре лапы и отряхнулась.

Выходит, теперь поцеловать Амедею не выйдет. Зато идею Шелли подала хорошую.

– Подбросишь? – спросил Геррах, повернувшись к быку.

Тот глянул наверх, на него и, кивнув, сцепил ладони.

Мое сердце билось так сильно, точно хотело вырваться из груди на горячий песок, где вновь сражался дракон. Я знала, что Филипп устроит каверзу – и не ошиблась. Сверкающие колесницы спустились с неба, чтобы убить Герраха. Стрелы свистели, вонзались в песок, а когда одна попала в плечо моему дракону, я вскрикнула от страха. Но Геррах выдернул стрелу, а потом оттолкнул в сторону огромного мужчину. Магический шар упал мимо и взорвался фонтаном песка.

Я видела схемы подобного в книгах, но никогда даже не пыталась повторить. Мне не нравилось, как звучали эти руны: в них не было ни красоты, ни гармонии. Ленни пытался заставить меня делать оружие, сулил золотые горы – я не могла.

Эта магия словно высасывала силу из мира, а не дарила ее. Точно как Филипп.

Я повернула голову и посмотрела ему в глаза. Он упивался моим страхом и облизывал тонкие губы.

– Я не буду бояться, – сказала я. – Геррах победит.

Лицо Филиппа исказилось, словно он поперхнулся, а я вновь посмотрела на арену. Бедный волк дымился и метался туда-сюда, вывалив розовый язык. Кошка попыталась забраться ко мне на помост, но ее отшвырнуло защитой – Филипп подстраховался. Одна из колесниц пошла на снижение, и маг в серебристой одежде, веселый и молодой, подмигнул мне, когда пролетал рядом. Для него это было забавой.

А Геррах вдруг подпрыгнул, оттолкнулся от подставленных ладоней огромного мужчины в рогатом шлеме и взлетел навстречу колеснице. Я ахнула, и зрители вместе со мною. А потом сверху из серебряного диска широкой дугой выплеснулась кровь. Маг дико закричал, вылетел вон и, упав плашмя на песок, больше не шевелился. Колесница, потеряв возничего, врезалась в защитное ограждение, ее

отшвырнуло, закрутило, и стрелки высыпались как горошины из стручка. Она рухнула на песок, проехала еще немного по инерции, и Геррах вышел из нее и раздраженно пнул ногой по блестящему боку. Если он надеялся перехватить управление, то зря – такие артефакты слушаются только магов.

На арене шло сражение. Огромный мужик в рогатом шлеме, утыканный стрелами как еж, наклонялся и с разбегу таранил врагов. Женщину-кошку окружили двое, и она испуганно прижимала руки к груди, едва прикрытой пушистым лифчиком. А потом, подпустив противников ближе, стремительно взмахнула длинным хвостом, и они упали, хрипя и зажимая шеи руками.

Вторая колесница держалась на безопасной высоте, расстреливая перевертышей из луков. Кошка вновь вскарабкалась по моему помосту, подпрыгнула, и защитная сила отбросила ее выше. Она ловко перевернулась в полете и впиалась когтями в металлическое днище колесницы, внося суматоху в ее экипаж. Стрелки перегнулись через край, пытаясь достать кошку, а она раскачивалась туда-сюда, и колесница накренилась, закружилась. Центр тяжести сместился, и маг-возничий, не справившись с управлением, зацепил защитное поле арены. Диск перевернулся, стрелки высыпались, и меч Герраха засверкал под солнцем. А Кошка приземлилась сверху на поверженный артефакт и, потянувшись, оставила на днище глубокие бороздки от когтей.

Через пару минут все было кончено. Зрители неистово кричали, радуясь крови, а на небе не было ни облачка – плевать матери-богини на все эти жестокие игры.

– Какое удивительное представление! – воскликнула рыжая женщина из центральной ложи. – Честно скажу, Филипп, поначалу я рассердилась и решила, что ты задумал убить моего любимца. Ведь по легенде маги победили перевертышей.

– Но малой толике из них удалось спастись, – исправил ее супруг. – Мы как раз видим тех самых счастливиц. Удивил, Филипп, порадовал.

Его жена посылала воздушные поцелуи на арену, махала руками и выкрикивала приветствия как обычная простолюдинка.

– И, похоже, сегодняшняя ночь порадует меня не меньше, – добавил правитель и рассмеялся.

Филипп выдавил из себя деликатную улыбку. Но я прекрасно понимала, что ему не весело.

И как бы мне не поплатиться за удачу моего дракона.

Тела уносили с арены, бедного волка, который еще дымился, уволокли за задние лапы. Женщина-кошка выдергивала стрелы из могучей спины быка. Геррах стоял посреди арены и смотрел на меня. Но вместо победного ликования я чувствовала горечь. Он не сможет побеждать все время. Филипп выставит против него целую армию. В казармах горячих игр тысячи воинов, и все умеют убивать. Мне надо что-то придумать, создать что-то для Герраха и попросить служанку передать... Это моя вина. Из-за меня этот мужчина, прекрасный и сильный, останется лежать на песке. А я не хочу жить без него и его любви.

Когда я вновь посмотрела на Филиппа, он улыбался, чувствуя мой страх, а в его глазах была угроза. Не сегодня, так в следующий раз, но Филипп его убьет.

Филипп вошел в мою комнату без стука, присел на кровать, и я поджала ноги, чтобы невольно его не коснуться.

– Я тут подумал, – начал он. – Ты была права.

Я насторожилась. Впрочем, что бы Филипп ни говорил, я бы ждала подвоха.

– Нам и вправду стоит узнать друг друга лучше, – признал он. – А тебе здесь, наверное, уже надоело: ни книг, ни подруг, ни тетушки. Как ее там... Полли?

Я вцепилась пальцами в покрывало. Если он навредит тете Молли... Если только...

Филипп глубоко вдохнул, прикрыв от удовольствия глаза.

– Ты очень необычная девушка, Амедя, – сказал он, посмотрев на меня, и его скулы зарозовели, как после долгой прогулки. – Обычно люди больше всего боятся за себя – и это логично. Ты же дрожишь от страха, только когда угрожают тем, кто тебе дорог.

– Ты позволишь мне увидаться с тетей? – попросила я.

– Нет, – ответил Филипп. – Возможно, когда-нибудь. Если хорошо попросишь.

В его голосе прозвучал отчетливый намек, и я передернулась от отвращения. Не судьба мне увидеть тетю.

– Я приглашаю тебя на прогулку, – недовольно сказал Филипп.

Он поднялся и подал мне руку, но я, конечно, встала сама. Надела туфли, вопросительно посмотрела на Филиппа, и он, оглядев меня с головы до ног, удовлетворенно кивнул.

– Мне нравится, что ты красивая, – похвалил он меня, как какой-то предмет, и пошел вперед.

Стражники расступились, но остались на месте охранять дверь, которую, к счастью, починили.

– Сегодняшнее представление пошло слегка не по плану, – продолжил разглагольствовать Филипп, пока мы шли по узкому коридору.

Будь у меня нож, сумела бы я воткнуть его в спину Филиппу? Я почти воочию представила рукоятку, торчащую из-под его лопатки, и алую кровь, растекающуюся по белому пиджаку. Но вряд ли бы мне хватило духу. Приходилось признать, что я слабачка. Вот женщина-кошка, что сражалась на арене, не дрогнув перерезала бы ему горло своим хвостом, а потом разодрала бы грудь, вырвала сердце и съела, не подавившись. А мужик, похожий на быка, забодал бы его и поднял на рога. Геррах бы не стал нападать со спины. Он бы предпочел честный бой и вонзил меч в Филиппа, глядя в его бесцветные глаза.

– Перевертыши победили магов на арене, но так не должно было быть, – говорил Филипп. – Я же вспомнил о продолжении легенд. О дочерях богини, которые решили спасти мать от заточения. Они не сумели сломать решетки и запоры, поставленные богом-отцом, и вместо этого сотворили для матери другой мир, в котором было все то, что и в настоящем, и даже больше. Что ты умеешь, Амедя?

Вопрос прозвучал внезапно, и я слегка растерялась.

– Твой артефакт, с драконьей чешуей, довольно хорош, – похвалил Филипп.

Сперва я испугалась, что он нашел ключ, а после едва не рассмеялась от облегчения, осознав, что речь о защелке. Лучше бы Филиппу не знать, на что я способна.

– Ты ведь нигде не училась?

Я покачала головой.

– Ты видишь потоки силы?

– Нет, – не соврала я.

Не вижу, а слышу. Руны на груди Филиппа, к примеру, звучали как скрежет по стеклу.

– Думаю, отец-бог правильно сделал, приказав убивать своих дочерей, – сказал Филипп. – Они посягнули на то, что и так совершенно. Усомнились в нем.

– Но ты ведь гордишься своим усовершенствованием, – напомнила я. – Что ж не остался таким, каким тебя сотворили?

Нахмутив брови, Филипп повернулся ко мне, и я прикусила язык. Зачем только его дразню?

– Ты не понимаешь разницу, – терпеливо пояснил он. – Маги пользуются проверенными законами, а женщины нарушают все правила, и это непременно приводит к катастрофе. Давай проясним, Амедя. Ты – ведьма. Достаточно одного моего слова – и тебя убьют.

– Что ж ты его не говоришь?

– Может, и скажу, когда ты надоешь мне. А сейчас у меня для тебя сюрприз.

Он отдернул штору, и я шагнула к окну, которое выходило в просторную комнату. В центре был круглый бассейн, вдоль стен стояли кушетки и диваны, на низких столиках были фрукты и напитки, и повсюду переплетались голые тела. Я сглотнула и прикрыла глаза.

– Что такое? – насмешливо протянул Филипп. – Не нравится? Открой глаза, Амедя, иначе этой же ночью я прикажу запустить в постель к твоему дракону ядовитых змей.

Я послушно разлепила ресницы, стараясь смотреть вдаль, не слишком фокусируясь на происходящем. Но картины плотской любви так и стояли перед глазами. Победившие воины – поняла я. Те, кто выжил на арене. Небольшое поощрение для тех, кому повезло. Ходили слухи, что и свободные женщины не брезгают предаться страсти с воинами арены. А некоторые готовы даже доплатить, чтобы вкусить любовь чемпиона.

– Признаюсь честно, мне не нравится то, что ты испытываешь к Герраху, – скривился Филипп. – Точно кость в горле эта ваша любовь. Думаешь, он пришел на игры ради тебя? А может, он просто варвар, который любит хорошую драку, вкусную еду и, конечно же, женщин.

Он обхватил мой подбородок и заставил посмотреть в сторону.

– Вот твой дракон, Амедя, – прошептал Филипп, и моего уха коснулось его влажное дыхание. – Пока ты сидишь в плену,

развлекается с другими женщинами.

Глаза заволокло слезами, но я увидела широкую спину темноволосого мужчины, бедра которого крепко оплетали стройные женские ноги. Ягодицы ритмично двигались, тонкая рука обхватила спину, оцарапав острыми коготками.

– Это не Геррах, – вырвалось у меня.

А это и правда был не он. Я отлично запомнила его спину, пока создавала заново руны в его теле, и знала каждый шрам, оставленный кнутом. Это не его спина! Мужчина развернулся, усадив на себя женщину сверху, и я с облегчением выдохнула. А потом подалась к стеклу, едва не уткнувшись в него носом, и увидела Герраха, который вынырнул из бассейна и, подтянувшись, выбрался на бортик.

– Геррах! – выкрикнула я и попыталась разбить окно кулаком, но Филипп перехватил мою руку и сжал так сильно, что слезы брызнули по моим щекам.

– Он не видит тебя. И не слышит.

Геррах тем временем подошел к столику, взял яблоко и уселся на диван в гордом одиночестве. Светловолосая рабыня подошла к нему, но он прогнал ее жестом ладони. Жгучая брюнетка отправилась вслед за подругой.

Кажется, я услышала, как у Филиппа заскрипели зубы. А я заметила кое-что еще – кольцо на пальце Герраха. Оно было моим! Это значило сразу две вещи: даже если Филипп исполнит свою угрозу и запустит к Герраxu змей – ничего с ним не станется, а второе – Ленни был здесь. Он приходил к моему дракону, и уж у Соловья точно был план!

– Отличная прогулка, спасибо, – искренне поблагодарила я Филиппа.

Он зашипел сквозь стиснутые зубы и поволок меня назад по коридору, толкнул в услужливо открытую стражником дверь, так что я едва не растянулась на полу.

– Бог-отец наказал неверную жену заточением, – высокомерно произнес Филипп. – Посиди же и ты в тюрьме, Амедя. Томись здесь неведением, проникнись раскаянием, а потом, когда я приду, умоляй простить тебя.

Дверь с грохотом захлопнулась, и я вновь оказалась одна. Если Филипп думал меня этим расстроить – он полный болван.

Но завтра Филипп не пришел, и служанка, старая и злобная, принесла еду и забрала посуду, не отвечая на вопросы. До меня доносился шум арены, игры продолжались, но меня туда не вели. На следующий день все повторилось. И еще один день. И снова. Я начала понимать, что за пытку придумал Филипп, ведь я даже не знала – вдруг мой дракон уже мертв. Быть может, очередной вопль толпы знаменует его гибель.

Зато ключ был готов. Теперь я могла бы сбежать, если бы только за дверью не стояла охрана, и если бы смогла незаметно проникнуть в казармы горячих игр и освободить Герраха. Ведь без него я теперь никуда не уйду.

Глава 14. Где Амедея?

Песок потемнел от крови, и Геррах, тяжело дыша, обвел взглядом арену. Зрители рукоплескали ему, женщины слали воздушные поцелуи. Выдернув из бедра короткий клинок, Геррах отшвырнул его прочь.

Сколько он уже пролил крови – своей и чужой, а жестоким богам Аль-Малены все мало. Мышцы гудели, глаза пекло от песка – противник оказался любителем подлых приемов. Какой-то знаменитый боец прошлых игр, триумфально выигравший главный приз. В этот раз ему повезло меньше.

– Где Амедея?! – выкрикнул Геррах, подойдя к центральной ложе.

Уже который день ее помост оставался пуст.

– Отдай ее мне! – прокричал он. – Забери себе золото, Филипп! Дай! Мне! Амедею!

Филипп склонился к раздетой рыжеволосой женщине, которая растроганно прижала руки к груди. Считает это романтичным?

Кровь еще кипела после боя, злость хлестала из каждой поры, а ярость делала все вокруг ясным и отчетливым. Геррах выхватил нож из-за пояса и швырнул его прямо в костлявый кадык Филиппа. Невидимая защита сверкнула, дрогнула, и нож отлетел и упал на песок.

Второй мужчина поднялся с места, запоздало заслонив рыжую, и его высокомерное лицо исказилось от гнева.

– Сколько мне еще убивать? – выкрикнул Геррах. – Спустись сюда, Филипп! Будь мужчиной! Я дам тебе свой меч!

Филипп покачал головой, а потом насмешливо зааплодировал кончиками пальцев.

– Дра-кон! Дра-кон! – подхватили зрители.

Геррах сплюнул себе под ноги и пошел прочь – к выходу, в котором подняли решетку.

Его уже ждали Мунк и Шелли. Он обзавелся друзьями, которым мог доверить спину в бою.

– Какого черта ты творишь, Геррах! – сердито воскликнула Шелли. – Не нарывайся почему зря!

– Хорошо держался, – буркнул немногословный Мунк и так хлопнул его по плечу, что Геррах едва не свалился с ног.

– В лазарет, – скомандовал Рид – надсмотрщик в этом секторе казарм.

Насчет него Геррах не обольщался – дружбой тут особо не пахло. Но, насколько он понял, персонал игр, представляющий победителя, получал в итоге внушительную прибавку к жалованью. Так что Рид вроде искренне пекся о его здоровье.

Раны обработали, на бедро пришлось накладывать швы, но куда больше физической боли Герраха терзало неведение.

Амедея снилась ему каждую ночь, плакала и звала на помощь, и сердце ныло и рвалось к ней. А иногда он будто вновь чувствовал сладкий вкус ее губ и просыпался от отчаянной надежды, что это не сон.

К нему в кровать пытались подложить девиц, сулили денег. К счастью для надсмотрщиков, они быстро смекнули, что в следующий раз за такое предложение можно остаться без головы. Геррах не хотел никого кроме Амедеи. Шехсайя, ветер его крыльев.

Дракон восстанавливался слишком медленно. Геррах вытянул руку, сосредоточился, пытаясь пробудить дремавшие силы. По коже поползла черная чешуя, от запястья и до локтевого сгиба, и выше. Лопатки занули, раздвигаясь, а в груди запекло от огня.

Но ничего не вышло.

Геррах размял пальцы и, жадно хлебнув из кувшина, чтобы смочить пересохшее горло, слишком поздно распробовал странный привкус напитка. Кольцо на мизинце вспыхнуло и запульсировало. Яд? Геррах вытер губы тыльной стороной кисти и, поднявшись, выплеснул содержимое кувшина в отхожее место.

Выходит, Филипп потерял уверенность в скорой победе и теперь не гнушается и такими приемами. Геррах швырнул кувшин о стену, и глиняные осколки разлетелись по осточертевшей ему комнате.

Тихое шуршание поначалу было почти незаметным. Геррах скорее почувствовал, чем услышал, что здесь есть кто-то еще. Две бурые пятнистые змеи обвилились вокруг ножек кровати, скользнули выше.

Усмехнувшись, Геррах поджал ноги и положил ладони на колени. Закрыв глаза. Змеи, ящерицы, тритоны... Раньше он мог касаться их

разума и даже понимать ответ. А сейчас? Чешуйчатое тело задело его ногу, раздвоенный язык коснулся свежей раны на бедре.

Дракон ничего им не приказывал. Но и нападать они не стали.

Рид подошел к двери на рассвете, не чувствуя ни тени раскаяния. На горячих играх быстро привыкаешь к смерти – чуть раньше, чуть позже, умирают все. А деньги нужны сейчас. Рид заглянул в комнату и испуганно вытаращил глаза. Дракон, жив-здоров, спал в своей постели, а его сон охраняли две ядовитые змеи, свившиеся точно кошки у ног. Одна приподняла треугольную голову, тихо зашипела, и Рид быстро закрыл дверь и пошел прочь, вытирая вспотевший лоб.

В конце концов, он сделал как ему велели: и порошок насыпал, и змей выпустил. А что не сработало, так то не его вина, и деньги возвращать он не собирается. Лучше поставить их на финал игр. Жаль, сейчас коэффициент не слишком велик, потому что большинство верит в победу дракона. И Рид теперь тоже.

Проснулся Геррах от криков и звона оружия. Вскочив, бросился из комнаты, на ходу натягивая изрядно порванную рубашку Ленни.

– А я? – требовательно спросил у рабов. – Почему меня не разбудили?

– Не все ж тебе воевать, – буркнул один из воинов, поправляя броню – блестящую, но никуда не годную даже на первый взгляд.

– Отдыхай, дракон, – посоветовал Рид, как будто пряча глаза. – Сегодня тебя не ждут на арене.

Потому что он уже должен быть мертв.

Геррах попытался пробиться к решеткам, и Мунк, проявив неожиданную для толстокожего быка проницательность, произнес:

– Ее там нет.

На арене сражались: сверкали мечи, визжали стрелы. Филипп решил восстановить давнюю осаду Аль-Малены, и часть воинов получила преимущество в виде стен, наскоро выстроенных этой ночью. Поглядев немного, Геррах пожал плечами и пошел прочь. Без Амеди горячие игры не имели для него смысла.

Еще несколько дней прошли без битв и особых событий. Разве что Шелли с Мунком сражались на арене без него – и победили.

– Отличный прием! – говорила Шелли, на щеке которой появился еще один шрам, перечеркивающий старый крест-накрест. – Мы должны потренироваться и довести его до совершенства!

– Нет, – отрезал Мунк.

– Геррах, ты же видел, как это было! – воскликнула она, поворачиваясь к нему за поддержкой. – Он запустил меня как стрелу! Я влетела в толпу, расцарапала морды, внесла суматоху... Вышло здорово!

– Эффектно, – подтвердил Геррах.

Они сидели в зале для выживших, но теперь здесь стало совсем малоллюдно. Пара воинов играли в нарды, еще несколько лежали без сил, стараясь не тревожить полученных ран. Рабыни, которых привели для ублажения героев, сбились в стайку и трепались о чем-то у бассейна, подъедая виноград.

– А тебе не было больно? – засомневался Геррах. – Все же за хвост... Мунк раскрутил тебя как пращу.

– Нормально, – отмахнулась Шелли. – Я, знаешь ли, не домашняя кошечка.

– Вот именно! – вдруг взъялся обычно молчаливый бык. – А должна бы! Тебе не место здесь, Шелли! У тебя должен быть дом, садик, кошка...

Он запнулся и помрачнел еще сильнее, а Шелли насмешливо на него посмотрела, прищурив яркие глаза.

– Кошка, – фыркнула она. – Скажешь тоже! Не потерплю на своей территории другую. Я бы лучше завела себе... Нет, собаку не хочу, шумные, назойливые... О! Корову!

Мунк вытаращил глаза, а Геррах, улыбнувшись, поднялся и отошел от них в сторону, почувствовав себя лишним. Присев на диван в углу, запрокинул голову на мягкую спинку. Он так устал, и понимал, что Амедее еще хуже. У нее вряд ли есть рядом друзья, ей не на кого надеяться – только на него. Значит, надо собраться и не киснуть.

Зрители запомнили его. Они хотят увидеть дракона. На него делают ставки. И раз уж Филиппу не удастся предъявить его труп, он должен выпустить его на арену.

Очередная девка, высокая и светловолосая, подошла к нему и присела рядом, и Геррах, даже не посмотрев на нее, сказал:

– Мне не нужны твои ласки.

– Мне – тем более, – ответила она неожиданно низким голосом, и Геррах быстро на нее глянул.

Вернее, на него.

– Рот закрой, – приказал Ленни. – Ни звука. И если ты кому-нибудь расскажешь – убью, так и знай.

Губы Герраха сами расплылись в улыбке. Девушка из Соловья получилась на загляденье: точеные мышцы, светлая кожа, губы подведены краской. На шею он повязал розовый бант, замаскировав приметный шрам. Еще один шрам выглядывал из-под блестящего лифчика, набитого чем-то для объема.

– Охрану в казармах усилили, – тихо пояснил Ленни. – Вот и пришлось импровизировать. На ставках горячих игр крутятся большие деньги, дракон. А от тебя сейчас зависит благосостояние очень многих азартных людей.

– Где Амедея? – требовательно спросил Геррах.

– Тише ты, – с досадой прошептал Соловей. – Те зеркала позади – двойные. За тобой наблюдают. Не дергайся и не привлекай внимания. Веди себя естественно.

– Где Амедея? – повторил он.

– С ней все в порядке. Наверное. По крайней мере, служанки носят ей еду. Ее держат в доме Ландо, а туда не пробраться. Никак. Если только приближается чужой, срабатывает что-то вроде оповещения. Филипп – параноик и трус, а слуги боятся еще больше. Так и не нашел слабое место.

Геррах поморщился от досады.

– Защиту арены тоже не пробить, – буркнул он.

– Я видел, как ты швырнул нож, – кивнул Ленни. – Так не получится. Но мой маг кое-что сделал.

– Ты уберешь защиту? – с надеждой спросил Геррах.

– Да. Я открою ход в определенной точке. Третий сектор. Повешу на стену красный платок.

– А можешь сделать дырку напротив центральной ложи? – кровожадно попросил он.

– Не дури, – строго сказал Ленни. – И не усложняй мне план. Третий сектор. У тебя будет очень мало времени, дракон, и очень много задач. Первая – ты должен спустить Амедею с помоста.

– Так там тоже защита! – спохватился он.

– Завтра не будет. Маг, который должен ее ставить, приболеет.

Судя по холодному взгляду Ленни, как бы эта внезапная болезнь не стала смертельной.

– Как только Амедея будет с тобой на арене, я активирую артефакт, а мои люди создадут хаос на зрительных рядах. Вторая задача – ты прорываешься через третий сектор и бежишь к выходу. Там будет ждать экипаж.

Геррах кивал, слушая Ленни. Вроде все просто.

– Главное – вытащить Амедею, – сказал он.

– Главное – не умри на арене, – исправил его Ленни. – Это задача номер ноль. Если завтра ты проиграешь, ничего не получится.

– Не проиграю, – отрезал Геррах. – Слушай, Ленни, в пятом секторе сидит тетка Амедеи вместе с моим другом. Он такой толстый, лысый...

– Я знаю, как выглядит Молли, – ответил Соловей. – И понял, к чему ты ведешь. Если Амедея сбежит, то Филипп может попытаться достать ее через тетку. Хорошо. Я пошлю человека замолвить словечко. Но им придется удирать самим. Любая заминка может стать фатальной.

Геррах потер ладони, которые даже вспотели от волнения. Завтра! Он увидит Амедею, и у него наконец-то появится шанс ее спасти!

– Но тут такое дело, дракон, – Ленни склонился ближе, и со стороны могло показаться, что развязная блондинка нашептывает дракону непристойности. – Знающие люди говорят, что надо ставить против тебя на завтрашнем бою. А они бы не стали мне врать.

– Я не проиграю, – упрямо повторил Геррах.

– Надеюсь, – кивнул Ленни. – Иначе мне придется улететь без моей птички. А это разобьет мое и без того разбитое сердце.

– Амедея моя, – резко сказал он.

Ленни улыбнулся и намотал на палец прядь его волос.

– Сперва выиграй ее, дракон.

Он поднялся, одернул юбку, едва прикрывающую на редкость стройные ноги.

– Боги, на какие жертвы приходится идти, – пожаловался Ленни и повторил: – Третий сектор, красный платок, не умереть.

– Все понял, – кивнул Геррах. – Спасибо.

– Я не для тебя это делаю, – сказал Соловей, глядя на него сверху-вниз. – Но тебе желаю удачи. Вопреки советам, я все же поставил на твою победу.

Он ушел, слегка покачивая бедрами, прикрытыми пышной юбчонкой, и Геррах понял, что улыбается.

Завтра. Уже завтра. Кого бы ни выставил против него Филипп. Хоть всю армию Аль-Малены. Он победит.

Мне снился Геррах. Он уперся ладонями в бортик бассейна и выпрямил руки, легко выталкивая из воды сильное тело. Капли стекали по гладкой смуглой коже, еще четче прорисовывая мышцы, и мне так хотелось его коснуться: погладить широкие плечи, прижаться к крепкой груди, поцеловать... Мой дракон шел ко мне, улыбаясь, и больше не было преград: ни стен, ни цепей, ни двойных зеркал. Но он все шел и шел, и я тоже побежала ему навстречу, но расстояние между нами только увеличивалось.

Вырвавшись из сна, я открыла глаза и, увидев прямо перед собой лицо Филиппа, с криком вскочила с постели. Он же зажмурился, как сытый кот, и пробормотал:

– Ничего вкуснее твоего страха не пробовал.

– Я тебя не боюсь, – ответила я, хотя мое сердце так и колотилось.

Надо же, явился, улегся со мною рядом и смотрел, как я сплю. Может, это из-за него мы с Геррахом даже во сне не смогли быть вместе.

– Зачем пришел?

– Пожелать доброго дня, – усмехнулся Филипп. – Тебе снился дракон?

– Не твое дело, – отрезала я.

Он сел в постели и свесил ноги на пол. Даже разуться успел, пока я спала как убитая. Ночью я закончила еще кое-что из оставшихся драконьих чешуек, и осталось только придумать, как передать это Герраxu.

– Сегодня ты его увидишь, – пообещал Филипп, надевая белые туфли. – Да и зрители возмущаются: где ведьма, да где ведьма... Все хотят зрелищ.

Меня захлестнули двойственные чувства: я увижу Герраха, но это значит, что он вновь будет рисковать своей жизнью.

– Это будет восхитительное представление, – продолжил Филипп, поднимаясь и подходя ко мне. – Ты не должна его пропустить. Будет жаль, если ты не увидишь, как твой дракон сдохнет.

– Ты все обещаешь, – нахально улыбнулась я, хотя мое сердце так и сжалось от тревоги.

Филипп улыбнулся в ответ.

– Хорошо держишься, Амедея, – похвалил он, – но ты сейчас так трогательно боишься за своего женишка. Кто он такой, к слову? Я навел справки, никто не знает торговца шелком Герраха Шора. Зато на Герраха дра Шора делают огромные ставки. Люди поверили в вашу любовь. Говорят даже, что эти горячие игры стали самыми интересными за долгое время. Романтическая история придала им дополнительный смысл.

– В твоих дурацких играх как не было смысла, так и нет, – ответила я. – А Геррах победит и получит приз – меня. Ты сам обещал!

– Маленькая глупенькая ведьма, – пожурил меня Филипп. – В этих играх не будет победителя. Такое бывает. Ты останешься в собственности арены. В моей собственности. Навсегда. И сегодня, когда будешь горевать о кровавой, жестокой и очень болезненной кончине дракона, я приду к тебе. Твои периоды уже закончились?

Я взмахнула рукой, чтобы влечь ему пощечину, но Филипп перехватил мое запястье, а другой рукой сдавил горло.

– Но я могу дать тебе шанс, – прошипел он мне на ухо, пока я отчаянно пыталась высвободиться. – Попробуй меня убедить не убивать твоего дракона, Амедея. И, быть может, если ты очень постарайся...

В комнату вошли служанки, неуверенно замерли у двери.

– Ты все равно его непустишь, – прохрипела я.

– Не отпущу, – подтвердил он. – Он очень упрямый, твой дракон. Он придет снова. Будет маячить угрозой, мне такого не надо. Нет, от него надо избавиться как от опасной болезни. – Филипп склонился ко мне и, коснувшись щеки сухими прохладными губами, прошептал: – Заразу нужно выжигать.

Отстранившись, стер пальцем слезинку с моей щеки и облизнул его.

– Позовите меня, когда закончите, – приказал он служанкам и вышел.

А я осталась посреди комнаты, испуганная как мышь, которая попала в лапы к коту и поняла, что игры вот-вот закончатся.

– Забыла мыло, – спохватилась одна из служанок и вышла, а я осознала, что осталась наедине с той, что однажды проявила ко мне милосердие.

Я кинулась к ней, как только за второй закрылась дверь.

– Пожалуйста, – взмолилась я. – Пожалуйста. Я дам тебе что захочешь. Смотри, вот этот гребень. Я добавила на него руны. Волосы станут густыми и блестящими. Или лента – снимет боль в женские дни, надо только повязать ее вокруг талии. А хочешь – сделаю тебе волшебное зеркальце? Будешь смотреть в него и видеть любимого. Хочешь? Только мне для него надо немного серебра...

Служанка покосилась на дверь, а потом быстро сунула в карман платья и гребешок, и ленту. Воодушевившись, я горячо зашептала:

– Ты же знаешь про дракона, правда?

Она коротко кивнула.

– Пожалуйста, передай ему это, – попросила я, кладя ей в руку черное кольцо из драконьих чешуек. – Сможешь?

Она неопределенно пожала плечами, с любопытством перекатывая в пальцах колечко.

– Я бываю на кухне в арене, – сказала она. – А что оно делает?

– Защищает, – ответила я.

С этим кольцом ни стрелы, ни мечи Герраку не страшны. Я усилила действие чешуек, добавив руну-множитель. Прекрасный материал оказался, с большим потенциалом. Если мы все же спасемся, надо будет добыть еще.

– Как тебя зовут?

Служанка не ответила. Только быстро спрятала кольцо в карман – к гребешку и ленте. Почему-то ее молчание больно меня задело. Решила не говорить ведьме имя? Побоялась порчи?

Настроение упало ниже некуда, но когда передо мной поставили тарелку с кашей и мясом, я заставила себя поесть. Потом слуги натаскали в лохань горячей воды, а служанки торжественно внесли шикарное платье. Корсаж переливался драгоценными камнями, а пышная юбка казалась сшитой из облака.

Меня помыли, уложили волосы, надели роскошный наряд. Я посмотрела в зеркало и не смогла удержаться от мелкого женского

самодовольства: Герраxu понравится. Открытые плечи, глубокое декольте, а талия, стянутая корсажем, кажется совсем тонкой.

– Чудесно! – воскликнул Филипп, входя в комнату. – Амедя, ты выглядишь как сказочная принцесса!

Я мрачно глянула на него и не ответила на комплимент. Филипп сегодня тоже разоделся: костюм был белым, как обычно, но лацканы и края рукавов – ярко-алыми, как будто измаранными свежей кровью.

– Кстати, спасибо за кольцо, – сказал Филипп, поднимая левую руку, и я с ужасом увидела черный ободок на его безымянном пальце. – Буду считать его знаком нашей помолвки. Как думаешь, может, нам все же пожениться? Маленькая церемония для своих...

Я кинулась на него, но мою шею сдавило невидимой плетью, и отбросило на кровать.

Служанки быстро высыпали из моей спальни, и подлая предательница тоже исчезла.

– Прибереги свою страсть, маленькая ведьма, – самодовольно посоветовал Филипп. – Она тебе понадобится, когда будем праздновать смерть твоего героя.

Давление ослабло, и я хрипло втянула воздух, схватившись за шею.

– Пойдем, – приказал он и вышел из спальни первым.

А я быстро сунула руку под подушку и вытащив артефакт-ключ, спрятала его в декольте.

– Перетрясти тут все, – приказал Филипп. – Все подозрительные предметы – ко мне. А ведьму после арены перевести в белые покои.

Повернувшись, он доверительно добавил:

– Это рядом с моей спальней, Амедя. Предвкушение затянулось.

Ключ слегка царапал мне грудь, и я чувствовала себя бесшабашно храброй. Ждать больше нечего: надо бежать сегодня, и никакие цепи меня не удержат. Лучше умереть рядом с Герраxом на кровавом песке арены, чем остаться в белых покоях с Филиппом.

Глава 15. Принцесса и дракон

Солнце слепило глаза, толпа шумела, смеясь и радуясь предстоящему зрелищу. А вот Филипп был чем-то недоволен: бегал туда-сюда, ругался, а потом сидел с таким кислым лицом, что я даже позлорадствовала.

– В чем дело? – не выдержала рыженькая дама. – Все в порядке?

– Небольшие неполадки, – буркнул Филипп. – Вы не будете возражать, если мы пересадим ведьму сюда? Маг, который должен был поставить купол вокруг помоста, приболел и...

– Я категорически против, – ответил правитель Аль-Малены. – Она ведьма и может быть опасна. Лучше пусть ее убьют, чем хоть один золотой волосок упадет с головы моей жены.

– Все будет хорошо, Филипп, – легкомысленно ответила рыжая. – Пусть сидит там. Но раз здесь ведьма, то значит ли это, что мы увидим и ее дракона? Ох, эта история так романтична. Надеюсь, он спасет свою любимую.

– А я надеюсь, что нет, – заявил ее супруг. – Посуди сама, золотце, она ведьма. Да, Филипп, я знаю, что ты собирался надеть на нее блокирующие оковы, но вряд ли дракон станет держать ее в цепях. Так что его победа недопустима.

– Ты злой и неромантичный, – обиженно надула губки его жена.

Геррах опасен, и я тоже. Филипп не позволит нам быть вместе. Он все спланировал заранее. Я перейду в фонд арены, как не разыгранный приз, и в итоге достанусь ему.

– Но если дракон победит, – упрямо продолжила рыжая, – то вы должны сдержать слово и отпустить их обоих. Хватит, Филипп. Игры были великолепны. Но сегодня финал, ведь так?

– Так, – подтвердил он. – Сегодня все решится.

Я вздохнула и повернулась к арене.

У моих ног поставили сундук с сокровищами, а на голову натянули корону, которая больно давила виски. Под палящим солнцем металл постепенно нагревался, и лоб покрылся испариной. Филипп взмахнул рукой, позволяя начать игры, а я мысленно потянулась к артефакту в моем декольте, и он ответил – зазвучал, запел,

раскрываясь словно цветок. Браслеты на запястьях щелкнули и отворились, и я с наслаждением высвободила руки и, сняв дурацкую корону, бросила ее в сундук.

– Смотрите! Ведьму забыли пристегнуть! – заволновалась рыжая.

Я помахала ей рукой, забавляясь вытянувшимся лицом Филиппа.

– Она не успеет ничего наколдовать, – пообещал он.

Как знать... Глашатай рассказывал зрителям о сегодняшнем сражении: о прекрасной принцессе, заточенной в высокую башню, и об отважных рыцарях, что должны ее спасти, а я тем временем встала с кресла и, осторожно глянув с края помоста, быстро попятилась. Как только Геррах сюда забрался! Я совсем не такая ловкая, и кошачьих когтей у меня нет. Меня провели сюда по откидному мостику с ложи, который теперь убрали. Но как же спуститься?

Присев возле сундука, я порылась в его содержимом: стекляшки, медяки, дешевые бусы. Издалека все переливалось и сверкало, а вблизи оказалось мусором.

На меня показывали пальцами, но я старалась не обращать внимания. Внизу схлестнулись два отряда рыцарей, одетых в тяжелые доспехи, но я не слышала драконьей музыки, а значит, Герраха нет. Филипп оставил его напоследок. Оглядев еще раз свой помост, вернулась в кресло и стащила с подлокотников браслеты – вот они оказались подходящим материалом: толстая кожа и замки из железа.

Побоище завершилось, глашатай объявил начало нового боя. Одна стрела пролетела совсем близко, едва не срезав прядь моих волос. Да, защитное поле не помешало бы. Интересно, мой ключ смог бы убраться и его?

Встрепенувшись, я оглядела взглядом арену.

Внизу в стенах были решетки, которые поднимали, чтобы выпустить на песок новую партию жертв, которые все не заканчивались. И я даже не представляла, сколько рабов томится в застенках. Кто-то получал возможность сразиться за свободу, а кто-то ждал своего часа годами. Взять ту же женщину-кошку. Тетя Молли рассказывала о ней давным-давно, переживала, чем ее кормят.

– А сейчас то, чего вы так ждали! – объявил глашатай. – Последнее испытание для героев! Те отважные воины, что пройдут его, получат сокровище и прекрасную деву...

Тут я не поняла. Прямо все получают? А как меня планируется делить? Но когда глашатай ушел с арены, я поняла, что толпы желающих не будет. Вообще никого не будет, кроме Герраха.

Филипп расплылся в довольной улыбке, почуввав мой страх. Рыженькая ахнула, закрыв руками лицо и испуганно выглядывая через растопыренные пальцы.

– Принцессу охраняют драконы, – хмыкнул ее супруг. – Занятно. – Он довольно хлопнул ладонями по коленям. – Вот умеешь ты делать представление, Филипп!

На арену выпустили пустынных драконов – огромных чешуйчатых тварей, которые быстро оббежали всю территорию, обнюхивая песок. Я насчитала троих.

– А они не сожрут ведьму? – озаботилась рыжая.

– Они не кошки, по деревьям не лазают, – успокоил ее супруг.

Но я все же замерла, пытаюсь не привлекать к себе внимания. А то как бы драконы, ожидая отважных рыцарей, не решили перекусить принцессой. Один из ящеров плюнул в другого огнем, и тот зашипел, скаля огромные зубы. Хоть бы они сейчас передрались и сожрали друг друга!

– Это вожак, – пояснил Филипп, указав на самого крупного, цвета запекшейся крови. – Пустынники держатся стаями. Эти совсем дикие, их изловили неделю назад. Даже не спрашивайте, во сколько мне это обошлось.

Зрители шумели, ожидая начала представления, решетка в стене арены дрогнула и поехала вверх, и я уже знала, кто выйдет на песок.

Геррах смотрел на меня и улыбался, и его сила звучала прекрасной музыкой. Он как будто вовсе не боялся, мой дракон, а вот мои щеки стали мокрыми от слез. Ящеры, заметив противника, собрались вместе, выстроившись клином. Они были такими огромными, что меч Герраха казался жалкой зубочисткой.

– Странно, что они не нападают, – заметил правитель Аль-Малены. – Быть может, этот дракон и в самом деле дракон?

– Что ты имеешь в виду, дорогой? – спросила рыжая.

– О, это очень интересно, – оживился он. – Если в войне и правда есть драконья кровь, и она достаточно сильна, то ящеры могут признать его за своего. В таком случае он будет драться только с

вожаком, за право стать главным в стае. – Он добавил чуть виновато: – В детстве мне нравилось читать про драконов.

Филипп быстро облизнул тонкие губы и подался вперед, вцепившись в перила пальцами, на одном из которых все так же было мое кольцо. Так обидно, что вещь, в которую я вложила душу, досталась Филиппу – просто слов нет! И я догадывалась, о чем он сейчас думает: трое ящеров или один – у Герраха все равно нет шансов.

Решетки начали опускаться, и в последний момент на арену выкатились еще двое: те самые перевертыши, что уже сражались с Геррахом. Огромный мужик сжимал в руках топор, а женщина-кошка – лук, и за ее спиной висел полный колчан стрел.

– Стрелой такую чешую не пробьешь, – заметил правитель Аль-Малены.

Геррах вскинул руку, и его друзья послушно остановились, а сам он пошел вперед, навстречу крупному ящеру, который бил хвостом о песок, как сердитая кошка, и скалил желтые зубы.

Я вжалась в спинку кресла и услышала голос Филиппа:

– Вот и конец истории.

Когда на арену выпустили пустынных, воины дружно попятились от решеток, а Геррах наоборот шагнул вперед, обхватив железные прутья пальцами. Филипп, коварный змей, решил скормить его ящерам. А ведь они и правда сожрут его и не подавятся. Если, конечно, он им позволит.

– Геррах, не ходи, – взмолилась Шелли.

– Насчет дракона у меня прямое распоряжение, – заявил надсмотрщик. – Извини, Геррах, тебе выбора не предоставили.

– Я пойду, – кивнул он. Повернувшись к Мунку, который возвышался над Шелли безмолвной горой, позвал: – На два слова.

Когда он обрисовал им ситуацию, друзья замерли, осмысливая.

– Призрачный шанс на побег, – подытожила Шелли. – И верный шанс умереть. Посмотри на них, Геррах! Такую шкуру моими когтями не пробить! А зубы! Ты видел их зубы?

Один из драконов плюнул в другого огнем, и Мунк поежился, видимо, представив себя говяжьим стейком хорошей прожарки.

– Дело ваше, – сказал Геррах. – Никаких гарантий.

– На арене их нет, – буркнул Мунк.

Геррах не собирался никого заставлять или убеждать. Это лишь его бой. И когда решетку со скрипом подняли, он, пригнувшись, шагнул на песок.

Финал горячих игр. Но не его. Он – правитель красных гор, сильнейший дракон Дравиля, в жестоких схватках доказавший право повелевать, он не может постыдно проиграть жалкой ящерице, пусть и размером с дом.

– Дра-кон! Дра-кон! – скандировали кровожадные зрители горячих игр.

Глянув в пятый сектор, Геррах с удивлением заметил тетушку Молли, воинственно размахивающую шарфами красного и зеленого цвета. Цвета Дравиля.

– Геррах, давай! – заорала она. – Только вперед!

Кто-то с задних рядов попытался уговорить ее, и Эврас вступился за даму. Геррах особо за него не волновался: с дипломатией у его казначея было не в пример лучше, чем у него самого. А на краю стены, огораживающей третий сектор, висел красный платок. Ленни не подвел. Все в силе.

Геррах перехватил рукоять меча крепче. Амедея была там, на помосте, его прекрасная принцесса, за которую он сразится хоть с армией, хоть с драконами, хоть с самим собой.

Ни капли сомнений. Амедея сказала, что он все равно дракон, пусть даже пока что без крыльев. Разве может он сомневаться в словах его шехсайи? Разве может не верить ей?

Кровь вскипела в венах, сила дракона заворочалась в теле. Огонь и вода, и свирепый шторм. По коже побежала рябь чешуи.

Как посмели жалкие ящерицы пойти против дракона?! Разве не чувствуют они его крови? Не понимают, кто перед ними?

Геррах стегнул их яростным приказом, и два ящера попятнулись, заходя за жоака. Уже хорошо.

Главный выступил на два шага, тяжело опуская когтистые лапы в песок. Оскалил длинные желтые клыки, острые как иголки. Хвост, покрытый шипами, яростно ударил по песку. Матерый. Ящер открыл пасть, и в ее глубине заклокотал огонь. Геррах не стал отворачиваться или прикрываться, когда пламя полетело прямо в него.

Зрители ахнули, отчаянно вскрикнула Амедея. Огонь протек по его коже, не причинив вреда, и потух. Пламя не может обжечь дракона, потому что он и есть огонь.

– Вот ты крутой, конечно, – завистливо протянула Шелли, и Геррах, быстро обернувшись, увидел их с Мунком за своей спиной.

– Не лезьте, – приказал он. – Иначе те двое тоже вступят в драку.

– Что нам делать? – спросил Мунк.

– Стоять и ждать, видимо, – предположила Шелли. – Пока Геррах не покажет этим хвостатым, кто тут самый главный дракон.

Он кивнул, подтверждая ее слова. Сперва надо разобраться с пустынноиками, и лишь потом можно снять Амедею с помоста. Сегодня ее нарядили в сверкающее драгоценными камнями платье, но лишь Геррах знал, что она и правда сокровище. Бесценное, уникальное, только его. Он бы не отдал ее никому ни за какие деньги. А вот Филипп пообещал подарить ведьму победителю горячих игр. Так пусть держит слово! Потому что проигрывать Геррах не собирался.

Пустынник нетерпеливо ударил хвостом по песку, поднимая тучу пыли. Зашипел. Темно-красная чешуя на спине, покрытая шипами и наростами, казалась настоящей броней. Но на животе и в подмышках была куда светлее и тоньше. Ящеры двигались очень быстро, но были не слишком проворны на поворотах, а вот хвостом действовали ловко и смертоносно.

Звуки арены словно отдалились и стихли. Остался противник и горячий песок под ногами, и его шехсайя. Он получит ее уже сегодня. Предвкушение подстегнуло его, и Геррах, улыбнувшись, побежал к пустынноику, крепко сжимая рукоять меча.

Сцепив зубы, я работала над артефактом. Поначалу хотела сделать лестницу, но толку спускаться, если там останутся одни только огнедышащие ящерицы. Проще сразу прыгнуть с высоты – результат один. Поэтому я делала кое-что другое, тем более у меня было все, что нужно: и железные замки, и кожаные ремни. Положить поверх увеличивающую руну, усилить прочность...

Ящер снова плюнул огнем в Герраха, обходя его по кругу и оставляя на песке шипастым хвостом глубокий рифленый след. А потом рванул вперед со скоростью, которой нельзя было ожидать от такого огромного существа, но мой дракон тоже был быстрым.

Мое сердце колотилось в такт мелодии, что звучала в Геррахе. Мощь трех стихий, соединенных вместе: стремительный поток, вихрь и пламя, среди которых звучал нежный мотив, обращенный ко мне.

Я бы хотела сказать Геррахе, что тоже люблю его. Но если он погибнет – толку ему от моей любви. Все потом. А сейчас я сделаю намордник для этой твари, и пусть не скалит зубы на моего дракона.

Ящер резко развернулся, ударив хвостом, точно колючим тараном. Радостный гул пронесся по толпе, когда Геррах перепрыгнул его и тут же пригнулся, уходя от очередного удара. Искры полетели от меча, чиркнувшего по чешуе, но ящер и не заметил. Они кружили по арене, и Геррах казался совсем крохотным рядом с чудовищем.

– Вы в порядке, Филипп? – спросила женщина, и я обернулась, глянув на центральную ложу.

Филипп стоял, вцепившись пальцами перила, а его лицо исказилось то ли от боли, то ли от удовольствия: ноздри подергивались, глаза закатились, а в уголке губ блестела слюна.

– Филипп, у тебя припадок? – озаботился правитель Аль-Малены.

Я отвернулась, кривясь от брезгливости. Филипп чувал мой страх, и ему это нравилось. Очень нравилось. Тогда я не буду думать о том, что Геррах может погибнуть. Я буду думать о том, как сильно люблю его. Как мне нравится его тело, такое сильное и ловкое. Какое у него красивое лицо: гармоничные черты и ни грамма слащавости – чистая мужественность. Как нежно и сладко он целовал меня, и как поддразнивал и шутил, и предлагал свою помощь и поддержку. Какой он настоящий и искренний. Как быстро понял, что между нами все всерьез. Пока я колебалась, сомневалась и плутала в своих желаниях, он знал, чего хочет. Меня. Я его шехсайя. А он мои крылья.

Геррах унесет меня отсюда – надо только верить. Я слышу это в музыке его тела. Я никогда не буду сомневаться в нем, только любить.

Руны ложились на широкие ремни одна за одной. Кожаные полоски вытягивались и переплетались, послушные моим пальцам. Когда-то я уже делала похожее для Ленни – кошелек, который мог разомкнуть только хозяин, из кожи прочнее металла, растягивающийся на любое количество монет. Но оценив морду ящера, я соединила оба браслета и использовала руны увеличения несколько раз, для надежности.

Я глянула на Филиппа, и теперь его худое лицо кривилось от злости. Любовь – это не страх, а нечто совсем иное. Выкуси!

Геррах сражался с ящером, пытаясь достать его брюхо мечом. Передняя левая лапа кровила, оставляя на песке темные следы. Зубы щелкнули там, где только что стоял Геррах, меч ударил по морщинистой шее ящера – хоть бы хны.

Почему его друзья не помогут ему?! Стоят там у решетки как на паперти. Хотя вряд ли они огнеустойчивые как мой дракон.

Я подошла к краю помоста.

– Амедея, сядь! – приказал Филипп, но я даже не обернулась.

Геррах отбивался от зубастой морды мечом, и звон стоял такой, будто он рубит по камню.

Прикусив губы, я подождала, пока огромная ящерица окажется под помостом, бросок... Я не удержала крик разочарования. Они двигались так быстро, и мой артефакт упал в песок. Я легла на помост плашмя, заглянула вниз. Если потянуться, то, быть может, я сумею достать вот те перекладины. Но скорее просто свалюсь.

Ящерица снова швырнула пламя, и ринулась вперед, но Геррах перекатился в сторону, избежав когтистой лапы, и успел ударить в низкое брюхо. Ящер взревел, замотал хвостом, ударил по стенам арены, и зрители завизжали от испуга и восторга. Две другие ящерицы повели шипастыми мордами, словно приносиваясь. Левая, помельче и посветлее, приподнялась на задних лапах, опираясь на хвост, и попыталась вскарабкаться по стене, но силовое поле арены толкнуло ее вновь на песок.

– Что это, Амедея? – крикнул Геррах, подхватив мой артефакт.

– Намордник! – торопливо выкрикнула я. – Просто брось это в него!

Ящер снова напал, и меч хрустнул в его зубах, оставив в руке Герраха жалкий обрубок. Я вскрикнула от ужаса. Второй воин наконец проснулся от своей спячки и понесся вперед с топором наперевес, женщина-кошка вложила в лук стрелу. А Геррах бросил в ящера артефакт – и все получилось. Ремни быстро расплелись, растягиваясь по чешуе, цепляясь за бугристые наросты на морде. Ящер вздернул голову, замотал ею, потер о песок, пытаясь подцепить намордник когтистой лапой. И я с ужасом увидела, как один из ремней лопнул, потом второй... Но Геррах вдруг вскочил на шипастую спину, оседлав

ящера как коня, и прижал ладони к его шее. Люди замерли, и я тоже застыла, боясь даже моргнуть.

Геррах зашипел, словно говоря с чудовищем на его языке. Ящер бил хвостом, просовывал кончик языка между тесно сплетенными челюстями, тарашил глаза – ярко-оранжевые, как мандарины.

А потом покорно распластался на песке и опустил голову.

Два других ящера подошли ближе, и я внутренне сжалась, боясь, что сейчас все начнется снова, но они встали по обе стороны от Герраха, будто признав в нем нового вожака.

Мужик с топором озадаченно остановился, женщина-кошка опустила лук. Зрители взревели от восторга, и какая-то женщина торжествующе взвизгнула, на миг заглушив остальные крики, а я все не могла поверить.

Геррах победил! Он выиграл! Он – чемпион горячих игр, и, значит, Филипп просто обязан отдать ему приз – меня. Я обернулась и наткнулась на ледяной взгляд светлых глаз, не предвещающий ничего хорошего.

– Что еще? – воскликнула я, развернувшись к ложе. – Он победил! Он выполнил все твои условия, Филипп.

– Хорошо, – медленно сказал он. – Пусть твой дракон поднимется и заберет свой приз.

Филипп улыбнулся, и мое сердце сжалось от дурного предчувствия.

Смять, убить, уничтожить... Филипп потянулся щупальцами силы к дракону, но они отпрянули и вжались в тело как жалкая улитка под панцирь. Геррах как будто вообще не знал, что такое страх. А еще эта их любовь. Она обжигала кипятком, заливая все вокруг слепящим светом.

А ведь сначала все шло так хорошо: Амедея дрожала от страха, и Филипп упивался им и хотел еще и еще. Высшее наслаждение! Но Филиппу уже не терпелось повторить. Плевать, как он заставит ее бояться снова. Быть может, поймает ее тетку и станет ломать той пухлые пальцы по одному, а может, добрая Амедея пожалеет и беспризорных собак. Если же не выйдет, придется воспользоваться старыми проверенными способами, но после них она станет некрасивой, а Филипп этого не хотел.

Он сам был искренне удивлен, но его тянуло к ней как мужчину к женщине. Он давно не испытывал чисто плотского желания, но Амедея такая чистая и красивая. А его особые пристрастия наверняка ее напугают – и все получится.

Но сперва надо разобраться с ее чувствами к Герраху, чтобы они вдруг не всплыли в самый неподходящий момент. Уничтожить и втоптать в грязь. Сейчас.

Дракон забрался на помост с ловкостью кошки, обнял Амедею, прижимая к себе, и она приникла к нему, как тонкий цветок. Филипп невольно поморщился – только испачкал ее своей кровью и потом. Но это ничего. Он прикажет хорошенько вымыть ее перед этой ночью.

Глашатай вошел в ложу, вопросительно посмотрел на Филиппа, ожидая подсказки, и он забрал у него артефакт, усиливающий голос.

– Принцесса спасена! – возвестил Филипп, прижимая артефакт к шее, и арена радостно зашумела. – Отважный герой сразил дракона!

Ящеров, что так постыдно сдались, он прикажет пустить на корм псам.

Правитель дернул его за рукав, и Филипп, обернувшись, коротко кивнул, прикрыв глаза. Никто не собирается их отпускать. Вручат приз, поздравят, проводят внутрь арены, а дальше... Победитель решил исчезнуть вместе с дамой сердца в неизвестном направлении. Он иноземец, а она ведьма, им не место в Аль-Малене. Попутного ветра. Он позаботится, чтобы пошли слухи, что их видели в порту. Никто не удивится.

Но сперва...

– А теперь храбрый рыцарь должен жениться на прекрасной даме, – слегка глумливо произнес он.

Зрители умолкли, переваривая его слова, а потом по арене прокатился смех и улюлюканья. Свист, подбадривания, пошлые крики – то, что надо. Жители Аль-Малены хотят зрелищ! Ненасытные, развратные, кровожадные. В каком-то смысле он был их правителем, а не тот, что сидит за спиной. Может, и правда пойти в совет вместо дяди Амедеи? Место как раз придержали.

Правитель хмурился, но на помощь ожидаемо пришла его супруга. Похотливая самка, она пускала слюни на дракона все эти дни, и только страх удержал ее от того, чтобы прийти к нему в казармы и предложить свое конопатое тело.

– Я бы посмотрела, – хихикнула она. – Пусть женятся, символически. Я ведь правильно поняла, Филипп?

– Вы очень догадливы, – сдержанно похвалил он ее.

– Дракон заслужил награду, – заявила рыжая, залившись румянцем предвкушения. – Ох, Филипп, я теперь не пропущу ни одной игры!

Правитель пожал плечами и кивнул. Слегка придвинулся ближе, чтобы ничего не пропустить.

– Сделай ее своей женщиной, дракон, – сказал Филипп. – И уходите.

Амедея смотрела на него блестящими от слез глазами. Влажная дорожка быстро перечеркнула щеку. Геррах обнимал свою шехсайю, прижимая к себе и мысленно клянясь, что она больше никогда не будет плакать. Разве что от счастья.

– Геррах, – шепнула она, и ее губы задрожали. – Если это единственный выход. Если тебе надо это сделать...

Она вся сжалась, точно испуганная птичка, а Филипп, стоящий совсем рядом, но за магической защитой, расплылся в довольной улыбке.

Геррах еще никогда не испытывал такой жажды убийства. Вколотить бы этот костлявый нос прямо в бледную рожу, разорвать гада вместе с белым костюмом на части. По коже пробежала рябь чешуи, но исчезла. Увы, дракон восстанавливался куда медленнее, чем хотелось бы.

Толпа скандировала непристойности, Филипп ждал. Пара в центральной ложе придвинулась ближе друг к другу, и Геррах заметил, что рука мужчины скользнула между бедер женщины, спрятавшись в складках платья.

Амедея запрокинула голову, решительно обвила его шею руками, и Геррах с готовностью ответил на поцелуй.

Арена довольно взревела.

Геррах целовал ее сладкие губы, а потом веки, соленые от слез. Гладил шелковистые волосы и хрупкое тело. Она здесь, с ним, в его руках. Теперь все было правильно. Амедея положила руки ему на грудь, провела по животу вниз, и все в нем откликнулось на эту

несмелую ласку. Но Геррах, отстранившись, взял ее узкие ладони в свои и поцеловал тонкие пальцы.

Он не поверил Филиппу ни на секунду. Коварный змей решил поглумиться напоследок и опорочить его любимую.

– Я обязательно это сделаю, – пообещал он ей, улыбнувшись. – Но не так. Не здесь. Не сейчас.

Амедея вопросительно заглянула ему в глаза.

– Давай же, дракон! – подбодрила рыжая. – Не стесняйся!

Красный платок висел на стене третьего сектора, а рядом Геррах заметил светлые кудри Соловья. Ему он тоже не верил, но они оба хотят спасти Амедею. А значит, пришло время действовать по плану.

– Ты мне веришь? – тихо спросил он.

– Всем сердцем, – ответила Амедея, не раздумывая.

Глава 16. Побег

Обхватив меня за талию, Геррах спрыгнул с помоста, успев уцепиться за его край другой рукой. Качнувшись, перебросил тело к перекладинам, потом стремительное скольжение вниз, и не успела я и глазом моргнуть, как под моими ногами оказался песок арены.

Бордовый ящер повернул морду, уже освободившуюся от ремней, в мою сторону, и Геррах, сведя брови, шикнул что-то суровое. Уродливая башка тут же виновато опустилась, но оранжевый глаз продолжал на меня коситься. Вблизи ящер казался еще больше и страшнее: кривоватые зубы не помещались в пасти, матовые чешуйки лежала плотно, одна к одной, как черепица на крыше, а острые шипы вдоль позвоночника казались горным хребтом.

– Действуем быстро, – приказал Геррах подбежавшим к нам Кошке и Быку. – Третий сектор, красный платок.

Люди на рядах арены начали волноваться. В седьмом секторе что-то бахнуло, разлетевшись щепками, а под центральной ложей вспыхнула заварушка, и охрана устремилась туда. Вскинув голову, я увидела искаженное гневом лицо Филиппа, который отдавал распоряжения и указывал на меня. Представила на миг, что было бы со мной, если бы Геррах и в самом деле выполнил его последний приказ. Наверное, я слишком долго была рядом с Филиппом, он отравил меня своим ядом и почти лишил воли.

– Проход откроется... – напряженно пробормотал Геррах, вглядываясь в стену арены, едва различимо мерцающую магической защитой. – Сейчас!

Схватив меня за руку, потянул за собой, но я уперлась ногами в песок и выдернула ладонь.

– Подожди, – попросила я, пытаюсь вытащить из декольте артефакт.

– Амедая, надо спешить! – воскликнул Геррах.

Я выхватила ключ – полоску из драконьей чешуи, скрепленной железом и моей магией, и руны в дрожащих от волнения пальцах запели так громко, что на миг перекрыли все остальные звуки арены: слова Герраха, который приблизил ко мне лицо и взволнованно что-то

объяснял, указывая в сторону третьего сектора, крики испуганных зрителей, пожар на рядах – черный столб дыма поднялся в дальней части арены, и народ хлынул прочь, пихаясь и отталкивая друг друга.

Я воткнула ключ прямо в песок, и магия ринулась вниз мощным потоком, открывая все замки и запоры, ломая клетки и кандалы. Арена горячих игр содрогнулась, и песок взвился, как от резкого удара. А я спрятала ключ назад в декольте и схватила Герраха за руку.

– Теперь бежим!

Все мелькало перед глазами: широкая спина Герраха и его спутанные темные волосы, высокая стена, на которую он забрался первым, а меня подхватил Бык и забросил наверх прямо в руки дракона. Зрители кричали и разбегались и, глянув в сторону, я обнаружила, что ящеры очень шустро лазают по стенам, если те больше не закрыты защитным полем.

Решетки внизу арены вылетели, и на песок вырвались рабы, которые бросились врассыпную, как муравьи.

– Ты убрала защиту? – понял Геррах. – Всю?

– На арене не осталось закрытых дверей, – подтвердила я.

Мой ключ сработал отлично. Я бы даже гордилась собой, но по большей части это была заслуга материала. Я лишь раскрыла суть свободы, что хранила в себе драконья чешуя.

Геррах вдруг выхватил лук у женщины-кошки, вложил стрелу, и та, резко свистнув, полетела в центральную ложу. Через мгновение я вновь бежала вперед, крепко держась за руку Герраха, который тащил меня сквозь толпу. Стражник бросился нам наперерез, но, покачнувшись, осел, а перед нами вырос невзрачный человек, которого я уже где-то видела.

– Экипаж без гербов, – бросил он Геррахи. – Туда.

Лестница вниз, снова люди, истошный крик позади и рев ящера. Сейчас я не испытывала жалости к зрителям арены, которые с радостью наблюдали за чужими смертями. Может быть, позже...

Мы выбежали на улицу, замешкались на мгновение. Тот неприметный мужчина вдруг оказался совсем близко, и от него дохнуло ароматом зеленого чая с жасмином. Тревога сжала сердце, стало трудно дышать. Гневный окрик, мелькнул белый хвост со сверкнувшим стальным наконечником, спрятанным в кисточке. Нож вылетел из окровавленной руки мужчины, а Бык сгреб его в охапку и

перебросил через забор. Взяв у Кошки нож, Геррах указал на экипаж, на ручке которого был повязан красный платок.

И через мгновение я оказалась внутри, на мягком сиденье напротив Ленни.

Следом втиснулась Кошка, за ней – Геррах. Бык взгромоздился к кучеру, и экипаж рванул с места.

– Рад тебя видеть, птичка, – сказал Соловей.

Экипаж подбросило на повороте, и Геррах бережно обнял меня, прижимая к себе. Ленни скользнул ленивым взглядом по его рукам, вновь посмотрел на меня, на Кошку.

– Не думал, что здесь будет так многолюдно, – добавил он.

Геррах демонстративно покрутил в пальцах нож, которым его пытались пырнуть, и сунул за пояс.

– Что дальше?

Арена рушилась. Ящеры легко преодолели стены, и сейчас ломали зрительные ряды и плевались огнем. Охрана пыталась остановить волну рабов, хлынувших из подвалов, но это было все равно что ставить решетки против песчаной бури.

Филипп с досадой потерял место, куда ударила стрела дракона. Не промазал. Попал в прямо в сердце. От удара Филиппа отбросило назад, и теперь у него саднила не только грудь, но и затылок, которым он крепко приложился о стену. Но он жив, благодаря Амедее и ее волшебному колечку. Филипп погладил полоску из черной чешуи, обхватывающую палец, и криво усмехнулся прихотям судьбы.

Правитель и его женушка исчезли, поспешили уйти под охраной. Филипп же воспользовался тайным ходом, который вел его прямо к дому.

Он шел длинным темным коридором, и с каждым шагом ярость гасла, уступая место холодным фактам. Филипп понимал, что сегодня лишился не только Амедее. После такого фиаско ему придется очень долго восстанавливать репутацию, и только боги знают, состоятся ли следующие горячие игры. Да и о месте в совете можно забыть.

Но совет ему и не нужен, горячие игры давно надоели, а денег хватит на десять жизней вперед.

Что ему правда хотелось заполучить, так это Амедеею. Когда он вернет ее, то заставит полностью заплатить за свою выходку.

А дракона он уничтожит.

Филипп умел признавать свои ошибки. В следующий раз он тянуть не будет и убьет его быстро, при первой же возможности.

Экипаж остановился на постоялом дворе за пределами городских стен. От бешеной тряски по дорогам Аль-Малены меня слегка укачало, а еще от запаха Кошки. Я понимала, что в казармах арены ее не баловали регулярными ваннами, но с облегчением вышла на свежий воздух, опершись на ладонь Герраха.

Солнце садилось, и последние закатные лучи освещали таверну, перестроенную из старого поста. Стены из песчаника казались частью пустыни, что простиралась на север: желтое море длилось до самого горизонта, и жаркий ветер швырнул мне в лицо колючий песок.

– Здесь мы расстанемся, – сказал Ленни. – Такой группой мы привлечем слишком много ненужного внимания. Погоню уже пустили.

Я не стала спрашивать, откуда он знает. Аль-Малена не прощает обид. Если нас поймают, то страшно даже представить, что сделают – горячие игры покажутся детской забавой.

Позади, за городскими стенами, пылало зарево пожара, а черный дым стелился далеко за их пределы, точно развевающийся платок вдовы, которая смотрела нам вслед и жаждала мести.

– Мунк, Шелли, – представил мне Геррах своих друзей. – А это моя Амедея. И Ленни Соловей. Спасибо за помощь, – обратился он к нему. – Дальше мы справимся сами.

Лицо Ленни хранило бесстрастность, но мне отчего-то казалось, что я снова вижу жестокую схватку.

– Спасибо? – повторил он, посмотрев на меня. – Птичка, хоть ты-то знаешь, что я не работаю за спасибо? Благотворительность – не мой конек. Я вложил в эту авантюру очень много, и теперь хочу возмещения расходов. С процентами.

– Я отработаю, – пробормотала я, но Геррах задвинул меня себе за спину аккуратным движением и выступил вперед.

– Когда мы доберемся в Дравиль, я прикажу щедро тебя вознаграждать.

– Даже так? – усмехнулся Ленни. – Для начала отдай мне мое, дракон.

Геррах стянул с пальца кольцо – мой артефакт против ядов, снял ботинки.

– Рубашка изорвалась в лохмотья, я оставил ее в арене.

– И меч сломал, – вздохнул Ленни. – А ведь я в свое время заплатил за него куда больше, чем ты обошелся Амедее.

– О чем спор, я не пойму? – влезла в их разговор Кошка, хлестнув себя хвостом по ногам. – Чего ты хочешь от нас, человек?

– Видишь ли, птичка, – Ленни запнулся, когда острый наконечник хвоста уперся ему в горло, прямо в старый шрам. – Кошка, – исправился он. – Когда я сказал, что наши дороги расходятся, я имел в виду, что дальше поедет лишь мы с Амедеей.

Став рядом с Геррахом, я взяла его за руку. Ленни мельком глянул на наши сплетенные пальцы и обратился к дракону:

– Если она останется с тобой, ее убьют. А я смогу спрятать ее. Скрыться. Ты привлекаешь к себе внимание, дракон, как и твои друзья. Иди через пустыню в свой Дравиль, сбей со следа погоню, и дай Амедее спастись. Если ты правда любишь ее...

– Даже не думай, Геррах! – воскликнула я.

– А ты, Амедее, считаешь, что он тебе пара? – спросил Соловей. – Да, он отлично дерется и умеет разговаривать с ящерами. Я бы сам не отказался от такого человека в команде. Но... муж? – в его голосе послышалась насмешка. – Ты правда этого хочешь? Я думал, ты мечтаешь уехать в Эркайю, поступить в академию.

Перед моим мысленным взором взвились стеклянные башни волшебного города – хрустальная мечта, которая так и не стала реальностью.

– Я бы отвез тебя туда, – вкрадчиво обещал Ленни, – отшлифовал твой бесценный талант, чтобы он засверкал всеми гранями. Ты должна была сразу сказать мне, птичка. Я бы помог. Я и сейчас помог тебе. Благодаря мне ты здесь, на свободе.

– Если б Геррах не победил ящера, то твоим алым платочком можно было б только соплю подтереть, – встряла Шелли. – А защиту сломала Амедее. Так что свой проход мог оставить себе. Что ж насчет благодарности, так твоя тоже такая, своеобразная. Это ты подослал человека с ножом – пырнуть дракона в суматохе.

На лице Ленни не промелькнуло ровным счетом ничего, но, конечно, это был он.

– Вот, – сказала я, вынув из декольте артефакт. – Хочешь плату – бери. Этого хватит с лихвой.

– Что это? – спросил Ленни, и его светлые глаза вспыхнули интересом. Ему всегда нравились мои поделки, а эта была лучшей.

– Ключ от всех дверей, – пояснила я.

Артефакт тихо запел на моей ладони, и я глубоко вздохнула, пытаюсь унять вспыхнувшую вдруг жадность. И лишь запоздало поняла, почему мне так жаль его отдавать – это часть Герраха.

– Так он не видел, что произошло на арене, – поняла Шелли. – Рано улетел, Соловей. Амедея воткнула эту штуку в песок арены, и вся защита рухнула.

– Защитное поле, замки, оковы, – перечислила я. – Возможно, даже защелки в женских корсетах. – Мой, к счастью, был на шнурках. – В радиусе тысячи зир. Ты сможешь проникнуть куда угодно, Ленни. В любую сокровищницу.

Он быстро покусал губы.

– Как будто у тебя есть выбор. Бери, что дают, и проваливай, – фыркнула кошка. – Нас трое, ты один.

Меня она за бойца не посчитала, но я не обиделась.

– Там есть еще, – проворчал немногословный Мунк, и я заметила, что окна таверны ощерились стрелами.

– Ты правда этого хочешь? – спросил у меня Ленни. – Ты выбираешь его?

Я вновь взяла Герраха за руку. Никаких сомнений.

– Да.

Вздохнув, Ленни как будто с неохотой забрал у меня ключ.

– Как им пользоваться?

– Втыкаешь в землю, или хоть в стену – куда угодно, и поворачиваешь, – ответила я, и Ленни медленно отступил назад.

– Ладно. Черт с ним, поехали вместе. По тракту до Гайрузы, дальше на восток, а там вы сможете сесть на корабль...

– Нет, – ответил Геррах. – Здесь наши пути расходятся.

Я согласно кивнула. Оставаться рядом с Ленни опасно. Он может попытаться убить Герраха снова. Вот кольцо против ядов уже отобрал. А я помнила шкаф с тысячей ящиков, в каждом из которых хранилось какое-то зелье или другое орудие убийства.

– Прощай, Соловей, – сказала я.

– Может, еще свидимся, птичка, – улыбнулся он, сжимая мой ключ.

Ленни не сдался бы так просто, но, проследив за его взглядом, я увидела три огромные тени, быстро бегущие от городских стен в направлении пустыни. Геррах тихо присвистнул, и они задержались неподалеку, как будто ожидая дальнейших приказов.

– Не бойся, – сказал Геррах мне. – Пустынники не нападают на людей без особых причин.

Соловей усмехнулся, уловив прозрачный намек, и вновь посмотрел туда, где на фоне алеющего заката белела Аль-Малена.

Что он собирается делать? Не станет же тащить меня силой и убивать Герраха на моих глазах. Не может не понимать, что тогда не добьется от меня ни одного артефакта! Однако Ленни внезапно заявил, что решил вернуться в город, и я догадалась – зачем. Призовой фонд горячих игр в такой суматохе не поделили. Я толком не знала, что там за ставки, но, судя по тому, каким азартом горели глаза Соловья, и как цепко его маленькая ладонь сжимала мой ключ, сумма была внушительной.

Ленни вручил мне небольшой мешок с припасами, набросил на плечи теплый плащ и под суровым взглядом дракона ограничился короткими дружескими объятиями. Мунк и Шелли решили пойти на восток. Геррах предлагал отправиться с нами в красные горы, но Кошка наотрез отказалась даже приближаться к ящерам, что ждали в барханах. В общем, она была права. Сейчас безопаснее держаться от нас подальше.

Вот так и вышло, что мы остались вдвоем.

Солнце спряталось, от моря дохнуло прохладой. Ветер гнал по небу облака – к дождю, ради которого на арене пролилось столько крови. По бескрайней пустыне текли быстрые тени, и она все время менялась, не позволяя взгляду уцепиться хоть за какой-то ориентир.

Геррах выдернул из самого крупного ящера чей-то меч, застрявший в плотной чешуе, и, довольно хмыкнув, спрятал его в поклажу. Похлопав по толстой шее, отправил пустынника прочь. Второго, прихрамывающего на заднюю лапу, тоже. Похоже, из арены они прорывались с боем.

Третий, самый мелкий, покорно распластался на песке, пока Геррах устраивал на его спине тюк с поклажей, закрепляя мешок ремнями к острым шипам. Взобравшись на ящера первым, протянул мне ладонь.

– Может, пойдем пешком? – несмело предложила я, разглядывая чудовище.

Этот был посветлее – желто-серого оттенка, не слишком колючий и с красными глазами, в которых я видела свою смерть.

– Нам надо оторваться от преследователей, Амедей, – настойчиво сказал Геррах. – Сбить со следа. Да не бойся! Она послушная.

Она? Ящерица повернула ко мне треугольную башку, разинула пасть, утыканную острыми зубами, и я, схватившись за руку Герраха, быстро забралась наверх.

– Тут даже удобно, – заверил он. – Обопрись на меня.

Ящерица вдруг прытко припустила вперед, и я взвизгнула от неожиданности, но Геррах обнял меня, прижимая к груди, и подскочившее сердце унялось. Меня покачивало со стороны в сторону, но двигался пустынный довольно плавно. Даже удобней чем конь.

Небо постепенно расцветилось звездами, крупными, словно жемчуг, и я нашла созвездие дракона. Мы направлялись туда, куда указывал его хвост – на север, к горам, что я так часто видела во снах.

Вспомнив кое-что важное, я повернула к Герраxu голову.

– Не мерзнешь? – спросил он, укутывая меня в плащ плотнее. – Может, проголодалась? Я посмотрел – там есть хлеб, вода, вяленое мясо...

– Я люблю тебя, – призналась я, глядя в черные глаза с мерцающими искорками – словно осколки ночного неба, но звезды в нем были куда теплее.

– Я люблю тебя, – ответил дракон, и музыка в его теле запела нежно и ласково.

Барханы сменялись один за одним, накатывая словно волны. Мы ехали на спине огромной ящерицы через пустыню, опасные беглецы, за поимку которых правитель наверняка уже пообещал награду. Но в объятиях Герраха мне было тепло и спокойно, и – вот странное дело – при всем сюрреализме происходящего мне казалось, что теперь все правильно как никогда.

Глава 17. Оазис

Меня укачало на спине ящерицы точно в детской колыбели, и аромат свободы опьянил крепче вина, так что я умудрилась заснуть, уютно устроившись в руках моего дракона. Когда я разлепила ресницы, солнце уже поднималось над желтой пустыней, заливая небо розовым светом.

– Скоро устроим привал, – пообещал Геррах. – Днем идти нельзя. Слишком жарко.

Для меня. Его-то и огнем пустытника не проймешь. Я прикрыла лицо краем плаща, защищаясь от солнца и надеясь, что обещанное «скоро» наступит быстро. Однако ящерица бежала еще не меньше часа, пока вдали не появилось пышное пятнышко оазиса. Я сперва решила, что оно мне лишь чудится, но зеленые пальмы и не собирались исчезать, а только становились все выше.

Потом появились лохмотья кустов и мелкие голубые цветы, обрамляющие берег озера, которое издали походило на след огромной лапы. Чуть дальше высились скалы, белые и острые, как обломки драконьих клыков. Даже воздух изменился: в нем появилась отчетливая цветочная сладость и свежесть.

Ящер, и не думая замедлить ход, вбежал в воду и плюхнул туда голову, прикрывая глаза от блаженства. Геррах спрыгнул и, подхватив меня на руки, отнес на песок. После стацил поклажу, пока пустытник не вздумал нырять. А тот наслаждался внезапной ванной с таким откровенным удовольствием, что я даже позавидовала.

– Я тоже хочу искупаться, – сказала я. – Можно?

– Почему нет, – улыбнулся Геррах, глянув на меня. – Ты свободная женщина, Амедея. Можешь делать все, что тебе вздумается.

Раз так, я сделала то, что мне давно хотелось: шагнула к нему и, прильнув к груди, поцеловала. Обвила крепкую шею руками, провела пальцами по спутанным прядям.

– Поможешь? – тихо попросила я и пояснила: – Корсет. Самой мне его не снять.

Я повернулась к дракону спиной, отбросила волосы вперед, и сердце забилось быстрее, когда я почувствовала деликатное

прикосновение пальцев к моей коже. Геррах справился со шнуровкой не хуже заправской горничной и не стал отводить глаза, когда я сбросила роскошный наряд, оставшись лишь в нижнем платье.

– Я хочу попросить у тебя прощения, – запинаясь, сказала я. – Когда ты был моим... моей собственностью, я приказывала тебе такое, за что потом мне стало очень стыдно.

Геррах удивленно вздернул брови.

– Я говорила тебе раздеться, – отрывисто бросила я. – И только потом, когда сама попала к Филиппу, поняла, как это унижительно.

– Он обидел тебя? – ровным тоном спросил Геррах.

– Нет.

Филипп не насиловал меня. Кажется, Геррах имел в виду именно это. Но и тюрьма, и плен, и арена были как свежие раны. Мне хотелось забыть это все, вычеркнуть, стереть, и Геррах вновь обнял меня, поглаживая по спине. Мы будто поменялись местами, потому что теперь его ласковые прикосновения что-то чинили во мне, исправляли, возвращали меня настоящую.

– Так ты не держишь на меня обиды? – спросила я, запрокинув к дракону лицо.

– Я не чувствовал себя оскорбленным, раздеваясь перед тобой, – заявил Геррах, улыбнувшись. – Даже вот мысли не было об унижении. Больше скажу, я собираюсь раздеться прямо сейчас. Глянешь, что у меня с плечом? Ящер задел.

Ахнув, я тут же позабыла обо всем прочем и помогла Герраxu стащить рубашку. Промыла раны, которые, впрочем, выглядели неплохо. Под коркой запекшейся крови обнаружили свежие розовые царапины, от которых потом не будет следа. Старые шрамы на плечах Герраха тоже как будто побледнели и выровнялись.

Дракон в его теле набирал силу и готовился вновь расправить крылья.

Я, конечно, не дракон, но тоже не собираюсь копаться в старых обидах. Тем более мое будущее казалось таким захватывающим. Лучше я буду смотреть туда.

Геррах понес тюк в небольшую пещерку в скалах. А я, быстро стащив и нижнее платье, с наслаждением окунулась в озеро, смывая пот, песок и усталость. Я даже пустынного почти не боялась – ведь Геррах не оставил бы меня с ним наедине, если бы мне грозила какая-

то опасность. Ящерица, распластавшись в воде, вообще не реагировала на мое присутствие и только пускала пузыри носом.

Выбравшись из озера, я надела нижнее платье снова, и оно облепило мокрое тело. Геррах, появившись из пещеры, быстро скользнул по мне загоревшимся взглядом, но, не сказав ни слова, тоже пошел в воду. Пока мой дракон купался, я перебрала нашу провизию и вытащила скромные запасы еды. Надо бы выяснить, сколько осталось до гор. Может, придется экономить.

Однако Геррах заставил меня наесться досыта, и хлеб с вяленным мясом показался мне вкуснее всех деликатесов. Вода в бурдюке сохранила прохладу, и я, с наслаждением облизнув губы, вновь поймала на себе жадный взгляд Герраха. Он будто не решался сделать последний шаг, и я не понимала, в чем дело.

Расстелив одеяла в разных сторонах пещеры, он сел напротив меня, опершись спиной о камень.

– Надо отдохнуть. Вечером вновь отправимся в путь.

– Хорошо, – слегка разочарованно согласилась я.

Одеяло поверх слежавшегося песка – так себе ложе, я послушно закрыла глаза, пытаюсь уснуть. Но мое сердце стучало все быстрее, и кожу словно покалывало от нетерпения. Открыв глаза, я встретила взгляд Герраха.

– А ты почему не спишь? – спросила я.

Он покачал головой, молча кусая губы, и я, поднявшись, подошла к нему. Сев рядом, потерлась щекой о его плечо, поцеловала в уголок губ. Мое тело звенело от напряжения, как натянутая струна, но и его пальцы подрагивали, когда он погладил мою шею и, спустившись ниже, коснулся груди.

– Я представлял это по-другому, – шепнул Геррах, посмотрев мне в глаза.

– Как? – тихо спросила я.

– Хотел уложить тебя в шикарную постель, – признался он. – Усыпать шелковые простыни лепестками роз. Свечи там всякие...

Я улыбнулась, и Геррах, обняв меня, усадил к себе на колени. Его ладони погладили мои бедра, поднимая край платья выше, скользнули на обнаженную кожу и замерли, словно не решаясь переходить границ.

– А я представляла это с тобой, – призналась я.

Все равно как, без разницы где, только бы с ним.

Пламя в его глазах вспыхнуло жарче, ладони сдвинулись выше, сметая и ткань, и всякие преграды, а поцелуй швырнул меня в круговорот стихий, откуда уже было не выбраться. Но я и не хотела.

Геррах как-то сравнил меня с горным озером, и раньше я и правда была холодна. Иногда мужчины вызывали во мне интерес – как собеседники, друзья, профессионалы в различных сферах. Но я и не представляла, что можно испытывать к мужчине такое неудержимое влечение, такую дикую жажду. Когда хочется пить его дыхание и поцелуи, чувствовать вкус губ и горячей кожи, слиться как можно теснее, стать одним целым. Я стянула платье сама, забыв о всякой стеснительности, и Геррах смотрел на меня с восхищением, точно получив неожиданный приз. Впрочем, так и было. Он выиграл меня на горячих играх, и я ничего не хотела сильнее, как только достаться своему победителю.

– Ты восхитительна, моя шехсайя, – произнес он. – Я не видел ничего красивее и желанней.

Одеяло на полу пещеры оказалось ничуть не хуже шелка и лепестков, а свечи мне и вовсе были без надобности – огонь в глазах дракона горел ярче.

Геррах целовал меня и сбивчиво бормотал комплименты, быстро перейдя на свой дикий язык.

– Хочу... моя... поцелуи слаще дикого меда...

Я улавливала отдельные слова, но и те, что не могла разобрать, возбуждали, заставляя кровь бежать быстрее. Я гладила его широкие плечи, целовала дракона в ответ, и по музыке, звучащей в его сильном теле, понимала, что ему нравится. Он ласкал меня так настойчиво и умело, что весь мой лед растаял и закипел. Мои стоны и крики отражались эхом от стен пещеры, и я слышала свою страсть будто со стороны. А когда наши тела соединились, я полетела куда-то, все выше и выше с каждым новым толчком.

Стихии, поющие в Геррахе, вырвались на свободу, и мы словно оказались в центре урагана, и все вокруг перестало существовать. Остались только он и я. А еще горячие губы, срывающие жадные поцелуи, обжигающее дыхание, руки, обхватившие мои запястья, как будто я могла бы сбежать, и сильное тело, которое брало, но давало еще больше.

Драконья мелодия звучала теперь и внутри меня, наполняя мое тело диким ритмом и музыкой страсти, в которой звенело наслаждение. Я – ветер, а Геррах – мои крылья. И он понес меня так высоко, что вместо низкого потолка пещеры я увидела сверкающие звезды, а потом вспыхнула, как одна из них.

Амедея выскользнула из-под него, чтобы пойти к озеру, но Геррах не дал ей выйти под палящее солнце. Он сам принес воды, с благоговением смыл кровь, подсыхающую на стройных бедрах.

Наверное, он бы любил ее любой. Потому что внешность была лишь отражением ее чистой души. Но как же ему нравилась ее нежная кожа, сладкие губы, грудь, которую хотелось терзать поцелуями бесконечно. Тонкая талия в его ладонях, круглые ягодицы, которые так приятно сжимать – идеально!

– Почему ты улыбаешься? – спросила она.

– Потому что ты сделала меня по-настоящему счастливым, шехсайя, – сказал он, лаская ее взглядом. – Это как получить крылья и что-то еще.

– Что?

Геррах не знал, как передать свои ощущения.

– Как будто летишь в рассветном небе, и лучи обволакивают тебя нежным теплом, и мир вокруг кажется удивительно прекрасным, – попытался он объяснить. – Но при этом ты никуда не летишь.

Он потянул ее за руку и усадил к себе на колени. Погладил шею и расчесал пальцами спутавшиеся шелковые пряди.

– Было больно? – тихо спросил он, и Амедея покачала головой. – Устала? Хочешь есть? Пить? Спать? Нет? Отлично.

Он аккуратно опрокинул ее на одеяло снова, и Амедея засмеялась, упершись ладонями в его плечи.

– Подожди! – попросила она. – Снова?

– Хочу еще, – хрипло прошептал он, целуя ее шею и спускаясь ниже, к груди. Обвел языком затвердевшую вершинку и вобрал ее в рот.

– Давай... поговорим, – прерывисто вздохнув, предложила Амедея.

– О чем ты хочешь поговорить, моя шехсайя? – промурлыкал он.

Лизнул ее плоский животик, задержавшись поцелуями в ямке пупка, развел ладонями белые бедра.

– Мы ведь почти не узнали друг друга.

Геррах поднялся на выпрямленных руках и внимательно посмотрел в голубые глаза.

– Это не так, – возразил он. – Я знаю тебя, Амедя, как никого другого. Я люблю тебя больше всего на свете. Я умру за тебя, убью за тебя, сделаю все, чтобы ты была счастлива. – Задумавшись, добавил: – Вообще-то звучит пугающе. Если только не любишь в ответ. Но ты сказала, что любишь.

– Так и есть, – прошептала Амедя и приподнявшись на локтях, мягко поцеловала его в губы, и эта невинная ласка взволновала его как неопытного мальчишку. – Просто... Я не привыкла жить чувствами, Геррах, – призналась она. – Наверное, мне привычнее облекать все в слова. Вот переведи, что ты такое говорил, когда мы... Как там – элия шания. Сладкая – что?

– Шания – это вот здесь, – улыбнувшись, ответил он, погладив нежную плоть между ее бедрами, и Амедя слегка покраснела, а потом ахнула, выгибаясь, и ее тело с готовностью отозвалось на его ласки.

Ее поцелуи были как чистый родник, такой вкусный, что хочется пить еще и еще. Ее дыхание – свежий ветер, напоенный ароматом цветов. А ее тело – пламя, которым нельзя обжечься. Потому что он не боится огня.

Я выбралась из пещеры, только когда солнце стало садиться. Небо пылало закатом, а пустыня стелилась складками темно-желтого бархата. Лохматые пальмы склонялись над чистой гладью воды, безупречно ровной как зеркало. Я подошла к кромке озера, посмотрела в свое отражение, и женщина, улыбнувшаяся мне в ответ, показалась совсем незнакомой.

Она не стеснялась своей наготы и даже гордилась ею, зная, какую власть та дает над лучшим из мужчин. На ее коже остались следы поцелуев, и губы слегка припухли. Волосы растрепались, и женщина откинула их назад, обнажая грудь. Незнакомка казалась такой расслабленной, удовлетворенной, пребывающей в полной гармонии с собой и своим телом, и я вновь улыбнулась ей, а потом сладко потянулась, встав на носочки.

Мне еще предстояло познакомиться с этой частью себя самой, но я уже была от нее в восторге.

Я зашла в воду и, набрав побольше воздуха, нырнула и поплыла пока хватило сил. А когда вынырнула на поверхность, Геррах уже стоял на берегу, одетый в светлую рубашку и штаны, найденные в поклаже, и хмуро поглядывающий на ящерицу, которая чутко принюхивалась, поднимая треугольную голову, и била хвостом по песку.

– Надо ехать, Амедея, – сказал Геррах. – Сейчас.

За нами погоня. Я поняла это и без лишних слов. Всю негу смыло тревогой, и я торопливо вышла на песок. Геррах скользнул взглядом по моему телу и нехотя укутал меня одеялом, помогая вытереть влажную кожу.

– Этот оазис навсегда останется в моей памяти, – сказал он. – Надо будет потом поставить здесь какой-нибудь особый знак.

Будет ли это потом?

– Филипп никогда не отстанет, – вздохнула я.

– Филипп? – удивился Геррах. – Думаю, это погоня от правителя Аль-Малены. Мы устроили там беспорядки.

– Правителю на нас, по большому счету, плевать. А вот Филиппу нужна я. Он... он совсем сумасшедший, Геррах.

Стоило только представить, что я вновь окажусь в руках Филиппа, в его тонких белых пальцах, которые вечно подрагивали и будто перебирали невидимые бусы, как меня передернуло от отвращения.

– Он мертвый, – возразил Геррах. – Я не мог промахнуться. Стрела пробила его черное сердце, гниющее под белым костюмом, и Филипп сдох там, на арене.

Я покачала головой, виновато отвела взгляд.

– В общем, у него твое кольцо, – призналась я.

– Какое еще кольцо? – не понял он.

– Я сделала его для тебя, из драконьей чешуи, очень хороший артефакт получился. Не подумай, что я хвастаюсь, наверняка в нем есть изъян, но он создает эффект драконьей чешуи по всему телу. Я хотела передать его тебе, но служанка предала меня.

– Ты сделала мне кольцо? – Геррах улыбнулся, обняв меня крепче. – Ты такая удивительная, шехсайя. Даже в трудных ситуациях успеваешь подумать о других.

О других...

– Тетя! – в панике воскликнула я, хватая Герраха за рубашку. – Я совсем забыла про тетю Молли!

А ведь она осталась в Аль-Малене одна, бестолковая и беспомощная как ребенок! Я, ее племянница, – ведьма и преступница. Значит, и она могла запросто попасть под подозрения. Ее мог похитить Филипп, ее могли бросить в тюрьму...

– Эврас о ней позаботится, – успокоил меня Геррах. – Он вообще-то очень толковый. Так что уверен, вскоре мы увидим их обоих.

Я слегка выдохнула, но тревога до конца не прошла. Бросив надоевший корсет и испачканное нижнее платье в пещере, я надела лишь юбку, а наверх накинула сменную рубашку, которая оказалась длиной почти до середины бедра. Повязала ее узлом на животе, и взгляд Герраха подтвердил, что даже в таком наряде я ему нравлюсь.

Мы вновь устроились на шершавой спине пустытника, и тот припустил на север, оставляя позади цепочку следов. Я все вглядывалась в даль, пытаюсь увидеть на горизонте каемку горной гряды, но страна Герраха была далеко. И судя по тому, как часто он оборачивался назад, погоня куда ближе.

– Значит, ты уверена, что Филипп не сдох, – задумчиво протянул Геррах.

– Мне бы хотелось дать тебе надежду, но я сделала артефакт на совесть, – виновато ответила я. – Геррах, если бы я только знала...

А ведь это и правда был отличный способ убить Филиппа – сотворить какой-нибудь опасный артефакт и подсунуть ему тайком. Но я никогда не делала оружия.

Впрочем, все зависит от того, в чьи руки попадет вещь.

– Хорошо, – произнес Геррах каким-то подозрительно довольным тоном.

– Что ж хорошего? – возмутилась я.

– Хочу убить его собственными руками, – сказал он. – Увидеть своими глазами, что он мертв.

Я не подозревала, что могу быть такой злобной, но в глубине души мне хотелось того же.

Глава 18. Месть

Мы снова ехали всю ночь, и на рассвете, когда солнце проклюнулось над песком, стало заметно, что пустыня изменилась. То тут, то там торчали сухие кусты, растопырившие ветки для колючих объятий, лохматые шапки трав прятались в пройме между очередными барханами. Тень крупной птицы мазнула мне по лицу и унеслась прочь. А на горизонте как будто собирались тучи, или, быть может, вырастала каемка гор.

Ящер довез нас до нагромождения серых скал, стесанных под ровными углами. словно гигантское дитя играло в кубики, да и бросило их так посреди желтых песков. Воды здесь не было, но была тень. Геррах устроил меня в небольшом ущелье, а сам вышел под солнце и посмотрел на юг – туда, где осталась Аль-Малена.

– Догоняют? – поняла я.

Если Филипп снарядил магов, то с помощью колесниц вроде тех, что летали над ареной, они настигнут нас в два счета.

– Идут без остановок, – подтвердил Геррах мои опасения.

Ящерица фыркнула и свернулась в клубок как кот, всем своим видом давая понять, что больше не сделает ни шагу.

– Я пойду им навстречу, – решил Геррах, и ужас затопил мое тело с головы до пят.

– Нет! – воскликнула я, вскочив и обняв дракона. – Геррах, там маги! Они не будут устраивать шоу, как на арене. Ты один, а их много. Они окружат тебя, и не станут приближаться – просто расстреляют магией издалека. Твой меч не поможет!

Геррах согласно кивнул.

– Филипп ненавидит тебя, – сказала я спокойнее. – Он чудовище, он питается страхом.

– Поэтому ты останешься здесь, Амедя, – сказал Геррах, и перед моими глазами задрожала пелена слез.

Он уже все решил, и спорить с ним бесполезно.

– Не плачь, шехсайя, – ласково сказал он, коснувшись губами моей щеки. – Разве ты не веришь в меня?

– Верю, – всхлипнула я, размазывая слезы. – Но мне так страшно! Мы почти пришли, быть может, давай пойдем пешком, если эта ленивая ящерица не хочет...

И будем жить в вечном страхе, что однажды Филипп найдет способ отомстить, добраться до нас...

– Геррах, не уходи, – все же взмолилась я. – Не оставляй меня одну.

– Я найду им с тыла, – упрямо сказал он. – Эффект неожиданности. Шшаса пойдет со мной.

Ящерица приподняла голову и удивленно моргнула.

– Но еще не сейчас, – шепнул Геррах, настойчиво целуя меня в шею, высвобождая мои плечи из рубашки. – Я всю ночь не спал, думал, как сниму с тебя эту одежду. Ты так пахнешь, Амедя...

Я бы не отказалась принять ванну с мыльной пеной, но Геррах провел носом по моей шее, блаженно жмурясь.

– Может, лучше отдохни? – неуверенно предложила я.

– Ты даешь мне сил, шехсайя, – заверил Геррах, и я не стала с ним спорить.

А после, когда он уснул, вытянувшись на смятом нашими жаркими объятиями одеяле, я гладила его сильную спину, прислушиваясь к спящей магии. Мелодия звучала так красиво и ровно, и может, если слегка подтолкнуть... Стихии послушно потекли за моими пальцами, наполняя руны силой. По гладкой горячей коже побежала рябь чешуи. Пальцы кололо и жгло, и по позвоночнику потекли капли пота.

Геррах прерывисто вздохнул, а потом сгрел меня в охапку и прижал к себе, так что я даже пикнуть не успела.

– Люблю тебя, – пробормотал он. – Я обязательно вернусь, Амедя. Но если вдруг... Пойдешь к красным горам. Знаешь созвездие дракона?

– Знаю, – ответила я. – Но ты вернешься, Геррах, и мы пойдем вместе.

Охлаждающие артефакты полопались один за одним, и маги взбунтовались, требуя передышки. Слабаки и бездельники! И толку от них – чуть. Амедя сумела сделать кольцо, дающее абсолютную защиту, из мотка проволоки да чешуи. Ведьма! Лучшая из тех, что

поймали за последние годы в Аль-Малене. И он ни за что ее не упустит.

Дорожка следов бежала на север, сделав небольшой крюк к оазису, в котором Филипп с негодованием нашел деталь платья, усыпанного камнями. Амедеея выбросила его как никчемную тряпку. А ведь он сам подбирал этот наряд, мечтал, как она снимет его после финала горячих игр и останется совсем беззащитная, пристыженная и дрожащая от страха.

Филипп собирался обойтись с ней аккуратней, чем с другими своими женщинами. Но теперь передумал. Пусть поймет, как сильно его рассердила!

А что до дракона – Филипп прикажет содрать с него кожу и подарит ее Амедее. Пусть попробует наделать из нее артефактов.

Филипп довольно захихикал, потирая драконье кольцо на пальце. Он даже подумал – не приказать ли магам действовать осторожней, чтобы Амедее было проще опознать своего любовника, но промолчал. Главное, чтобы дракона не стало.

– Долго еще? – нетерпеливо спросил он.

В колеснице было жарко как в кастрюле. Белый пиджак Филипп давно снял, оставшись лишь в рубашке, насквозь промокшей от пота, и чувствовал себя почти голым. На груди чесались старые руны, требуя подпитки, и Филипп машинально повторил их рисунок на блестящей поверхности колесницы, но тут же отдернул руки, обжегшись о раскаленный металл.

– Следы свежие, – буркнул один из магов.

Они бы уже давно плюнули на беглецов и развернулись назад, а потом бесстыже наврали бы правителю, что разорвали преступников на части. Именно поэтому Филипп поехал с ними. Он хотел увидеть смерть дракона на арене, а тот уничтожил его детище, и неясно, состоятся ли горячие игры снова. Уже за это Геррах дра Шор заслуживает смерти. Почувствует ли он тонкую иронию – ведь декорации похожи: жара и песок, на который прольется кровь. Совсем скоро.

Шшаса оказалась понятливой, и Геррах сумел ей объяснить, что от людей надо держаться подальше – так, чтобы не заметили. Впрочем,

куда сложнее было бы заставить ее подойти ближе. После плена и арены ящерица стала осторожной.

Небольшой отряд остановился на привал под черными скалами, мимо которых они проезжали ночью, и Геррах, прикинув к песку, пытался понять, что там происходит. Колесницы, похожие на огромные тазы, валялись в тени, а трое мужчин махали руками, ожесточенно споря.

– ...истощение... магия... как потом с драконом...

Из обрывков разговора он понял, что колесницы подпитывались магическим резервом магов, которые требовали отдыха. Поскольку, столкнувшись с драконом – то бишь с ним, они не смогут дать ему отпор. Злорадно ухмыльнувшись, Геррах потрепал Шшасу по колючему загривку, и та довольно зажмурилась.

– ... нет смысла... лучше вернуться... убьет...

Филипп раздраженно ходил туда-сюда между мужчинами, а потом отошел от скал и направился вверх по бархану, оскальзываясь в туфлях по песку. В отряде, похоже, разлад. И кто-то поумнее смекнул, что даже если они догонят дракона, то живым он не дастся и свою женщину тем более не отдаст.

Филипп взобрался на самый гребень песочной волны: спина прямая, а пальцы дрожат, словно его сейчас свалит припадком. Воины переглядывались, но идти за ним следом никто не спешил.

Вот так везение! В принципе, Геррах не боялся жалкой горстки людей, что изнемогали от солнца, не понимая, что от черных камней жарит еще больше. Но ему так надоело убивать.

На арене у него была цель – спасти Амедею. А сейчас его шехсайя была в относительной безопасности, ждала его, верила, любила... Дракон в его теле довольно заурчал, стоило лишь вспомнить, какой она была в его объятиях, а спину овеяло прохладой свежего ветра, которому неоткуда было взяться в пустыне.

Шшаса вопросительно ткнулась мордой ему под руку, заглядывая в глаза.

– Сиди здесь, – приказал он ей, а сам побежал вдоль бархана так, чтобы выйти навстречу Филиппу.

Тот словно ждал его – стоял на краю и вглядывался туда, куда вводила цепочка следов. Рубашка прилипла к тощему торсу, на белых брюках полосы грязи, а светлые волосы взмокли.

– Ищешь кого-то? – спросил Геррах, выпрямляясь, и Филипп испуганно взмахнул руками, шлепнулся на песок и съехал вниз как ребенок по горке.

– Сюда! – истошно завопил он, пятась ползком, как каракатица. – Дракон здесь! Помогите! – успел выкрикнуть до того, как Геррах сжал его шею.

Филипп обхватил его запястье, другой рукой сделал какой-то знак, и Герраха на миг коснулось что-то липкое и противное, но тут же ушло.

– Не боишься меня? – прошипел Филипп. – А ты представь, что я сделаю с Амедеей, когда она окажется у меня.

– Не окажется, – возразил Геррах и сдавил пальцы сильнее, поднимая его выше.

Но что-то было не так. Филипп не касался ногами земли, но при этом свободно дышал, а его шея наощупь казалась твердой и шершавой, как будто вместо влажной от пота кожи на ней была чешуя.

– Ты мне ничего не сделаешь, – заявил он, вздергивая тонкую губу и скаля мелкие зубы. – Я неуязвим. Я дракон.

– Правда, что ли? – не поверил Геррах.

Филипп быстро выдернул из-за пояса узкий кинжал, но Геррах выбил его из слабых пальцев, и нож отлетел в сторону. На кромке песочной волны появились два мага, но застыли, будто наткнувшись на стену.

– Сюда, трусы! – взвизгнул Филипп.

Один так и остался стоять, а другой скрылся. Побежал за подмогой?

– Ты еще можешь спастись, – торопливо пообещал Филипп, облизнув губы. – Просто уйди. Отдай ее мне – и исчезни. Тебя не станут преследовать, Геррах дра Шор. Возвращайся в свои горы. Оставь мое – мне.

– Она моя, – возразил Геррах. – И кольцо на твоем пальце – тоже.

Филипп быстро сжал руки в кулаки. Это все больше походило на детскую возню. Что теперь: разгибать ему пальцы, стаскивать колечко?

– Амедеея очень талантлива, – сказал Геррах. – Это хороший артефакт.

– Я неуязвим, – вновь повторил Филипп. – А ты? Чего ты боишься, дракон, скажи мне.

Геррах снисходительно улыбнулся. Он не собирался пускаться в последний разговор и продлевать жизнь этому ничтожеству. Стихии дружно взревели в теле, но он позвал лишь одну, горячую.

– Что ты... А! – Филипп резко вскрикнул, засучил ногами. – Хватит! Не надо!

– Прекрасный артефакт, – покивал Геррах, не отпуская его шею и игнорируя крики. – Ты вроде как в драконьей чешуе. Вот только от огня она не защищает. Потому что пламя и так горит в драконе.

Когда Геррах наконец разжал пальцы, одежды Филиппа почернели, и слабый дым потянулся от скрюченного тела вверх. Шшаса все же явилась, принюхалась.

– Не стоит это есть, – посоветовал Геррах. – Еще отравишься.

Склонившись, снял кольцо с обугленного пальца и, подняв взгляд, увидел, что весь отряд выстроился цепочкой на краю бархана.

– Уходите, – сказал он. – Иначе найдете лишь смерть.

Шшаса плюнула в сухой кустик и тот, вспыхнув огнем, мгновенно сгорел до самого корня. А Геррах отстраненно заметил, что желтый песок словно отодвигается вниз, а в спину вновь потянуло свежим ветром.

– Мы уходим, дракон! – поспешно выкрикнул один из магов. – Мы не станем преследовать ни тебя, ни твою женщину!

Геррах хотел похвалить его за сообразительность, но изо рта вырвалось лишь рычание и пламя. Люди с криками разбежались кто куда, а он, повернув голову, без особого удивления увидел черный край крыла. Шшаса вопросительно шикнула, и дракон подтвердил, что она не нужна ему больше. А потом взмахнул крыльями и взмыл вверх, к раскаленному добела солнцу.

Мир покачнулся и рухнул вместе с горсткой людей, обломками скал и пустыней. Если бы дракон глянул вниз, то заметил бы, что Шшаса ослушалась и подошла к мясу, но он смотрел в небо – голубое, как глаза его шехсайи.

Я вышла под солнце, и мои глаза тут же заслезились от невыносимо яркого света. Геррах сказал ждать, и я понимала, что ничем не помогу ему, а скорее только помешаю. Филипп мог почуять мой страх и использовать его против меня же. Я потеряла шею, вспомнив отвратительное удушье, которое он умел вызывать. Но

сидеть и ждать оказалось так тяжело! Я пыталась занять себя чем-то и сделать артефакт из пуговиц, но никак не смогла сосредоточиться, возвращаясь мыслями к своему дракону.

Вдруг Филипп придумал очередную пакость? Может, Геррах попал в ловушку? Что, если он уже мертв?!

Голубое небо, желтый песок, цвета такие нереально чистые, яркие, что больно глазам. Я вглядывалась в дрожащую маревом даль, пытаюсь разглядеть там ящера с путником на спине, но горизонт был чист.

На мое лицо упала тень, и я запрокинула голову, думая, что увижу птицу, и мое сердце подпрыгнуло и затрепыхалось часто-часто, как будто пытаюсь выскочить из груди, где ему вдруг стало тесно. Огромный черный дракон скользил по небу, расправив крылья, и я не удержала криков восторга. Подпрыгнула на месте, радуясь как ребенок, и замерла, прижав руки к груди и замороженно наблюдая за полетом.

Сила, мощь, свобода – дракон был живым их воплощением. А когда он спустился на землю и выпрямился уже человеком, громче всего в нем пела любовь. Я кинулась к Герраxu, обняла его, прижимаясь так крепко, как только могла, и его сильные руки обвились вокруг моего тела.

– Ты жив, ты победил, – бормотала я, глядя его лицо.

– Было б там что побеждать, – презрительно фыркнул он.

– Значит, Филипп мертв? – переспросила я.

Геррах отвел меня в ущелье, усадил в тень и подробно рассказал о произошедшем: как он с Шшасой обошел магов с тыла, как наблюдал за отрядом какое-то время, выведав и планы, и то, что у магов из-за летучих колесниц истощились силы. И как Филипп был уверен в своей неуязвимости из-за моего артефакта и поэтому отошел в сторону, где Геррах его и подловил. Филипп пытался воспользоваться своей мерзкой магией, но она оказалась бессильна против моего бесстрашного дракона.

– Он точно умер? – спросила я снова. – Точно-точно? Ты уверен?

– Я не хочу пугать тебя подробностями, шехсайя, – ответил Геррах, перебирая мои волосы. – Никаких сомнений. Вот только твое кольцо при обороте я потерял. А может, моя чешуя вернулась на свое

законное место, не знаю... Хочешь, потом надери с меня, сколько тебе надо.

Я улыбнулась и прижалась к его груди, но тут же встрепенулась:

– А маги?

– Они решили, что будет умнее вернуться в Аль-Малену, – усмехнулся Геррах. – Думаю, мне тоже стоит туда наведаться через какое-то время.

– Зачем? – воскликнула я.

Но Геррах поцеловал меня, уйдя от ответа, и вскоре нам было не до разговоров.

– Ветер моих крыльев, – шептал он, лаская меня. – Я будто чувствовал тебя рядом. Ты словно часть меня, Амедя. Моя душа...

А потом он перешел на свой язык, и я опять едва разобрала половину слов, но была уверена, что все они о любви.

Мы собрались в путь, когда верхушка солнца расплавилась над горизонтом. Теперь, в сумерках, я отчетливо видела, что кайма в северной стороне – это горы, далекие красные горы моего дракона, который терпеливо ждал, пока я закреплю поклажу на его спине, а потом и сама устроюсь удобнее между крыльями. Я не боялась его совершенно, несмотря на устрашающий вид, ведь музыка, что в нем пела, осталась такой же.

Дракон повернул голову и, аккуратно подцепив зубами одеяло, подтянул его выше.

– Не замерзну, – улыбнулась я. – Ты горячий.

На широкой спине Герраха было куда удобнее, чем на юркой костлявой Шшасе. Завернувшись в одеяло, я оперлась спиной на высокий гребень, ухватилась руками за шип передо мной.

Дракон взмахнул крыльями и взлетел вертикально вверх, так что земля как будто упала, а небо обрушилось сверху. Ветер, принесший запахи неведомых трав и цветов, развеивал мои волосы, близкие звезды зажигались одна за одной, и я летела к самой яркой из них над вершинами гор, которые становились все ближе.

Глава 19. Красные горы

Мы подлетали к красным горам, и я не могла отделаться от чувства, что все это уже было. Словно я оказалась в своей мечте, которая вдруг стала явью, или во сне. Я уже видела это когда-то! А теперь и по-настоящему летела на драконе над зеленым морем леса, и ветер гнал волны по верхушкам деревьев. Упоительные ароматы, простор, тяжелое влажное небо, набрякшее тучами, и столько зелени! Густой, сочной, темной... Иногда лес прорезали синие ленты рек, мелькали пестрые пятна лугов, покрытых цветами. Я вскрикнула, заметив стадо пугливых оленей, которые бросились прочь от драконьей тени, и мне хотелось смеяться от восторга.

Когда тучи угрожающе потемнели, Геррах решил спуститься.

– Нельзя летать в грозу, – пояснил он, когда мы оказались посреди просеки. – Мне-то ничего, а вот ты можешь пострадать от молнии.

Я достала из тюка последнюю смену одежды, и дальше мы пошли пешком. Геррах шагал уверенно, как будто знал эти земли вдоль и поперек, и крепко держал меня за руку. Иногда я ловила на себе его внимательный взгляд. Он как будто волновался – нравится ли мне здесь.

– Ты, наверное, не привыкла к лесам, – сказал Геррах. – Не боишься?

– С тобой? – искренне изумилась я, и мой дракон, улыбнувшись, благодарно поцеловал меня.

– Мне все очень нравится, – заверила я. – Твоя земля так красива.

А потом я выяснила, что его земли и правда его. В прямом смысле.

Из-за деревьев вдруг высыпал целый вооруженный отряд, но не успела я испугаться, как они низко поклонились, приветствуя нас. Потом воины заговорили все разом, волнуясь и перебивая друг друга, но я сумела понять, что они радуются возвращению дракона. На их языке они звали Герраха «драдраго». Он говорил, что у него довольно высокий статус, но теперь я задумалась – насколько. Эти мужчины готовы были целовать ему руки, а на меня поглядывали с осторожным любопытством.

Геррах демонстративно обнял меня, словно желая показать свое на это право, и после никто даже глаз на меня не смел поднять.

Когда мы вышли к дороге, я с облегчением увидела конный экипаж. Дракон как средство передвижения очень быстр – тут никаких вопросов, но мне приходилось держаться и руками, и бедрами, чтобы не съехать с него вниз. А сейчас я села на мягкое сиденье, вытянула ноги, расслабилась... и тут же уснула, устроив голову на плече Герраха.

Когда же проснулась, передо мной был настоящий дворец. Широкие мраморные лестницы, высокие арочные своды, огромные просторные окна – словно бы строитель решил, что стены не нужны вовсе.

– Мы идем к вашему королю? – поняла я, когда Геррах повел меня по лестнице вверх. – Тебе надо объяснить отсутствие? Но я же совершенно неподобающе одета!

– Он в восторге от тебя, поверь, – улыбнулся Геррах, и я удивленно вскинула брови.

– Ты принц? – предположила я. – Его друг? Военачальник? Ты шпионил в Аль-Малене на своего короля?

Геррах лишь улыбался, а я продолжала засыпать его вопросами, пока мы поднимались по лестнице и шли по просторным залам, в которых вместо потолка было небо.

Трон стоял на возвышении и был пустым.

– Нам надо его ждать? – прошептала я. – Геррах, мне бы хоть волосы расчесать.

– Ты прекрасна, – заверил он меня, а потом провел прямо к трону, и усадил меня на него.

– Нас казнят за дерзость! – пискнула я.

– Пока я самый сильный дракон в красных горах, это мое место, – пояснил Геррах, – а все мое – твое.

Он повернулся к людям, которые заполняли зал, и громко спросил:

– Кто победил в последней битве драконов? Я вызываю его на бой.

– Геррах! – испуганно воскликнула я, схватив его за руку, и он успокаивающе пожал мои пальцы.

Один из мужчин, высокий и мрачный, выступил вперед и коротко поклонился.

– Драдраго, – произнес он. – Ты исчез, но не погиб. Оракул возвестил, что ты жив. Поэтому битву драконов отменили. Ведь нельзя устраивать сражение без сильнейшего.

Геррах кивнул.

– Теперь я вернулся. Есть ли кто-то, готовый оспорить мое право?

Я рассматривала людей, собравшихся в зале. В основном здесь были мужчины, одеты все просто: рубашки и штаны. Некоторые вообще босиком – видимо, чтобы не драть зря вещи при обороте. Женщин было куда меньше, и, что удивило, они смотрели на меня с любопытством, но без всякой враждебности. Здесь носили длинные платья с широкими юбками, пренебрегали корсетами, а вот украшали себя без меры: массивные ожерелья, крупные серьги, браслеты на запястьях и щиколотках, кольца... Я поймала себя на мысли, что тоже хочу кольцо, особенное. Можно без всяких камней, но чтобы мне подарил его Геррах.

По залу пробежал шепот – едва слышный, как шипение змеи, но постепенно он оформился в вопрос:

– Джеррах, брат, – вперед выступил широкоплечий мужчина, который напомнил мне Герраха – те же жесткие, но правильные черты, темные волосы. – Мы рады видеть тебя. Но, говорят, ты потерял свою силу? – он обвел взглядом собравшихся, и в черных глазах замерцали искры. – Мы видели следы магической схватки. Видели кровь и черную чешую.

– Однако я остался жив, – сказал Геррах. – Как удобно, правда, Дейр? Можно занять мой трон по праву советника и младшего брата.

– Я действительно правил вместо тебя, – подтвердил он, вскинув голову.

– Поэтому ты не убил меня? – вкрадчиво спросил Геррах, и рубашка треснула на его плечах. – Поэтому приказал лишь отрезать крылья и продать меня в рабство? Чтобы оракул подтвердил, что я жив, и тебе не пришлось бы устраивать битву. Ты всегда боялся проиграть!

Дейр криво усмехнулся, и всякое сходство между ним и Геррахом пропало.

– Теперь не боюсь, – насмешливо выплюнул он. – Нельзя проиграть тому, кто уже повержен. Забирай свою женщину, Джер, и уходи. Выбери любой дом внизу у реки, ты не будешь ни в чем нуждаться. Доживай свои дни в покое. Ты не дракон больше.

– Я всегда им буду, – возразил Геррах.

Оба брата, такие похожие и такие разные, стремительно рванули вверх, и я поняла, почему в зале не было потолка. Одежда разлетелась ключьями, и когда я запрокинула голову к небу, два черных дракона уже сплелись в яростной схватке. Как будто вторя их битве, тучи прорезали молнии, загрели небесные барабаны, и крупные капли дождя упали слезами мне на лицо.

Я думала, что все закончилось еще в пустыне, но теперь Геррах снова сражался, и этот противник казался опаснее всех остальных вместе взятых. Пламя, вырвавшееся из его пасти, перечеркнуло небо как еще одна молния. Мужчины в зале взмывали в небо один за одним, и вскоре вокруг пары драконов вытянулось кольцо крылатых ящеров.

Ко мне подошла одна из женщин, приветливо улыбнулась.

– Добрый день, – приветливо сказала она, как будто мы смотрели не на битву драконов, а на представление в кукольном театре. – Я Найна. А ты? Понимаешь, что я говорю?

Я кивнула.

– Амедея, – голос охрип от волнения.

– Хочешь отдохнуть, Амедея? – предложила она. – Ванна? Платье? Еда?

Я изумленно на нее посмотрела, но женщина выглядела абсолютно умиротворенной и, кажется, не шутила.

– Там Геррах, – сказала я на ее языке. – Он погибнет.

Она рассмеялась, повернулась к другим, и я не разобрала ее слов, но остальные женщины тоже посмеялись и подошли к нам ближе.

– Джеррах дра Шор не погибнет, – пояснила одна из них, говоря со мной как с неразумным дитя. – Он сильный дракон. Сильнее Дейрона. Драдраго прав. Огонь всегда горит ярче, когда прав.

Я выдохнула и вновь посмотрела в небо. Дикий народ, странная мораль. Если бы все было так просто! Но Геррах действительно теснил противника, безжалостно нападая на него и раздирая крылья когтями, а его музыка гремела победой.

– Суп? – предложила Найна. – Постель? Хочешь?

Я покачала головой и выдавила из себя улыбку.

Геррах ударил противника в грудь, пламя на пламя, и небо загорелось, как будто солнце упало на землю. Я зажмурила глаза от вспышки, а когда сморгнула набежавшие слезы, черный дракон уже летел ко мне. Остальные же гнали побежденного прочь – вдоль горных вершин, куда-то на север.

– Дейрон сделал плохо, – с осуждением произнесла Найна. – Ему тут не место.

Дракон плавно взмахнул крыльями, зависнув в воздухе как огромная летучая мышь, и рядом со мной опустился Геррах.

– С возвращением, драдраго, – поприветствовала его девушка, молодая и красивая, и мне захотелось прикрыть наготу Герраха от ее любопытных глаз. – Мы все рады тебе. Где разместить твою гостью?

– Это моя шехсайя, – сказал Геррах.

Девушка, поклонившись, отошла, как будто это слово объясняло все. Но, видимо, в красных горах так и было.

Дейр улетел на север, в холодную страну, где привечают драконов, отбившихся от семьи. Быть может, из него еще выйдет толк. Как знать, через какие горнила должна пройти его душа, чтобы очиститься от злобы.

Геррах не сумел распознать в брате черной зависти, поскольку сам ее был лишен. Если он видел кого-то сильного, красивого, талантливого, то искренне восхищался и сам пытался стать лучше, не понимая, что можно испытывать нечто противоположно иное: желание унижить, испачкать, убить.

Аль-Малена показала ему изнанку человеческой природы. Зато теперь Геррах еще лучше видел свет.

Его комнаты во дворце никто не трогал, и он провел Амедю в свою спальню, снял с нее одежды и уложил в кровать, застеленную шелком, как и мечтал. Он смотрел на женщину, что лежала с ним рядом, и видел в ее чистых глазах нежность и любовь, и обещание безграничного счастья.

– Станешь моим мужем? – шепнула она.

– Я уже твой муж, – самодовольно заявил Геррах, и Амедю удивленно вскинула брови. – Я публично назвал тебя шехсайей. Теперь все знают, что ты моя единственная.

– А меня почему не спросил? – наигранно возмутилась она.

– Я спрошу, – кивнул он. – Амедея, ты станешь моей женой?

– Выходит, я уже твоя жена. Геррах, мне так стыдно, – пробормотала она, спрятав лицо у него на груди. – Ведь на том рынке я еще и пыталась торговаться.

– Правильно делала, – хмыкнул он, перебирая пряди ее волос. – О чем ты вообще думала, женщина? Купить раба, чтобы выдать его за жениха. А вдруг тебе попался бы кто-то другой, не я? А вдруг бы он чавкал или...

– Или лапал меня за коленки, – подхватила она и, приподнявшись на локтях, призналась: – Мне больше никто не понравился.

Амедея погладила кончиками пальцев его лицо, словно скульптор, завершивший свою работу, и Геррах действительно чувствовал себя кем-то иным. Он бы сам отрезал себе крылья, прошел через пустыню туда и обратно, продался в рабство и выиграл горячие игры, чтобы заполучить эту женщину снова.

– Ты меня купила, а я тебя выиграл, – сказал он. – Я твой, ты моя. Но давай все же поженимся и проведем официальную церемонию.

– Как скажешь, – улыбнулась она.

Я попала в новый удивительный мир и открывала его для себя с детским восторгом. Здесь женщины казались спокойными и счастливыми, дети пускали по лужам кораблики, тут часто шел дождь, и все зеленело и цвело, а в небе парили драконы. Здесь был Геррах, а значит, и мое сердце. Я относилась предвзято к красным горам – у них не было шансов мне не понравиться.

Я обустроилась во дворце, и Геррах выделил мне просторный кабинет, подходящий для лаборатории. А что было самым непривычным – никто и не думал осуждать меня за мою ведьмину кровь, напротив!

– Драдраго привез эш-хассу!

Люди ликовали, и я терялась от этого внезапного признания. Словно меня незаслуженно наградили, хотя я еще ничего толком не сделала. Мне очень хотелось оправдать их надежды и не терпелось использовать свой дар не скрываясь, во всю силу.

А еще через пару дней ко дворцу подкатила карета, дверь распахнулась, и из нее потекла кошачья река. Полосатые и рыжие,

белые и серые, кошки всех мастей хлынули в разные стороны, а следом за ними появился Эврас – со свежееисцарапанной лысиной, а потом и тетя Молли.

– Амедея! – истошно завопила она, протягивая ко мне пухлые руки.

Едва не скатившись с лестницы, я бросилась к тете, и она повисла у меня на шее.

– Какое счастье, что мы добрались, – выдохнул Эврас.

Тетя плакала навзрыд и лепетала о дороге, и о том, что им пришлось задержаться в пути, ведь котиков укачивало и тошнило, и даже шепнула, что, оказывается, лысые мужчины бывают весьма интересны.

А я думала о том, смогу ли когда-нибудь отблагодарить Герраха за то, что он сделал с моей жизнью.

Однако была и обратная сторона его идеальности. Когда Геррах сказал, что вернется в Аль-Малену, чтобы решить кое-какой вопрос, как я ни умоляла его не делать этого, он стоял на своем. Я использовала самые запрещенные приемы, чтобы убедить его остаться, – и ему очень понравилось. Но вскоре Геррах все равно улетел вместе с другими драконами.

Однако он согласился задержаться ненадолго, чтобы я смогла закончить свою новую работу. И когда драконы полетели на юг, на шее каждого висел амулет с красным камнем, и в них пела моя магия.

Глава 20. Игры закончились

Правитель Аль-Малены выбежал на балкон дворца и своими глазами увидел то, о чем дрожащим голосом доложил слуга.

Драконы летели к городу ровным клином, точно перелетные гуси. Вот только размах крыльев был куда шире. Густая тень скользила по крышам Аль-Малены точно стрела, направленная твердой рукой сюда, во дворец.

– Что же маги? – воскликнул он. – Где они все?

Как будто вторя его воплю отчаяния, из сторожевых башен взлетели залпы магического огня, ведь обычный драконам не страшен. Голубоватое свечение на миг окутало крайнего ящера и стекло с него, не причинив никакого вреда. Концентрированное заклинание блокировки! Раньше оно никогда не подводило! Если выстрелить таким в момент оборота, то можно вовсе искалечить дракона так, что он никогда больше не сможет превратиться в чудовище.

Еще один залп – и вновь впустую. Магия ссыпалась вниз сверкающими искрами, осев на крышах домов пушистыми сугробами. Правитель Аль-Малены бывал на севере и видел снег, в отличие от жителей его города.

Однако драконы не били в ответ. Они пересекли половину города, но тот не горел и не дымился, и даже в гавани – сердце Аль-Малены – было спокойно. Значит, они пришли с миром?

Правитель быстро пересчитал драконов – шесть штук. А впереди, самый крупный, антрацитово-черного цвета, видимо, сам правитель Красных гор. Он особо не следил за тем, кто сейчас главный у варваров. Совершенно дикие обычаи – доказывать право на власть в бою. Правитель передернул плечами. Нет уж. Если он сел на трон – так никто его отсюда не сгонит.

– Быстро, шесть парадных комплектов одежды к главному входу во дворец, – приказал он.

Драконы не смущались наготы, но пусть сразу поймут, что разговор пойдет не по их правилам. Что же им нужно?

Правитель надел самую большую корону, алую мантию, повесил на шею толстую цепь с кулоном в виде солнца – еще один символ

власти, и, спустившись в зал для приемов, сел на трон.

Двери распахнулись, и в зал, оттолкнув глашатая, вошли шестеро рослых мужчин. Парадная одежда, предложенная гостям, видимо, оказалась мала или не подошла по каким-то иным причинам, поскольку мужчины остались обнаженными. Лишь на груди каждого из них висел кулон с ярко-алым камнем, от которого по телам как будто растекалось теплое свечение.

А самый первый отчего-то показался правителю знакомым...

– Милый, ты видел? – жена, вприхнув в зал, осеклась, а потом ее глаза округлились от удивления. – Это же дракон! – воскликнула она, совершенно постыдным образом забыв о приличиях и указав на высокого гостя пальцем. – Который выиграл горячие игры!

Тот слегка склонил голову.

– Я болела за вас, – призналась супруга, кокетливо улыбнувшись, и правителю захотелось стащить с себя алую мантию и укутать дракона с головы до пят, спрятав от бесстыжих глаз супруги.

– Переговоры, – сказал тот почти без акцента.

– Разумеется, – ответил правитель, возвращая себе самообладание. – Вражда между нашими странами затянулась, и я буду рад содействовать возобновлению дипломатических отношений. Располагайтесь и чувствуйте себя как дома, я прикажу выделить вам роскошные покои в правом крыле дворца, вечером устроим праздничный ужин, а завтра...

– Сейчас, – перебил его дракон. – Немедленно.

И правитель осознал, что никакие это не переговоры. Его стража разбежалась, его маги оказались бессильны, и все, что ему остается, – заигрывать и вилять хвостом, надеясь, что его отпинают не слишком сильно.

– Конечно, – сказал он, встав с трона.

Спустившись со ступенек, пригласил главного пройти следом, но в итоге драконы помаршировали все вместе – словно боевая машина, действующая слаженно и четко. Жена увязалась следом, и правитель не стал гнать ее прочь. Пусть останется. Быть может, ее красота растопит драконьи сердца. Что же им нужно?

– Как ваша девушка? – спросила супруга. – С ней все в порядке?

– Да, – отрывисто ответил дракон, и его суровое лицо на миг смягчилось. – Вопреки всему, что с ней пытались сделать в вашем

проклятом городе, с моей женой все хорошо, спасибо.

И правитель внутренне заскулил, понимая, что ему придется пойти на очень большие уступки.

В зал переговоров они вошли вдвоем. Стража осталась за дверью, другие драконы – там же. Жена успела завязать шутивную беседу с одним из них, но ее легкость, обычно забавлявшая правителя, сейчас раздражала. Она как будто не понимала, что происходит, и не оказывала ему поддержки, в которой он так редко нуждался.

Правитель Аль-Малены опустил за стол переговоров, чувствуя себя на арене. Причем противник, севший в кресло напротив, как будто уже победил.

Однако драконам оказались не нужны ни земли Аль-Малены, ни даже ее сокровища, ни прекрасные девственницы. Хотя, кто там их знает этих магичек...

– Ведьмы? – переспросил правитель.

– Одаренные магией женщины, – кивнул дракон.

– Они опасны, – неуверенно возразил правитель, но вряд ли этот мужчина, заливший кровью арену горячих игр, боится хоть чего-нибудь. – Они несут в себе разрушение и смерть!

– Тем лучше для вас, не так ли? – заметил варвар. – Избавитесь от угрозы. Вы будете отправлять их в Красные горы. Всех.

Правитель поерзал на кресле, но кивнул. Хочет ведьм – пусть забирает.

– Дальше. Горячие игры, – произнес дракон с нескрываемым отвращением.

– Древняя традиция Аль-Малены, религиозный ритуал, призывающий дождь... – торопливо начал правитель.

– Их больше не будет, – заявил он.

– К слову, мне доложили, что с Филиппом Ландо, устройтеlem игр, вы расквитались лично. Это игра не по правилам. Это... убийство!

– Песок, жара, кровь, – перечислил дракон. – Один на один. Там даже зрители были. Все в пределах ваших традиций.

– Он был уважаемым членом общества!

Длинное витиеватое ругательство вырвалось изо рта дракона, и крыть было нечем. Черт с ним, с Ландо. Никто по нему не скучал.

– Его правда сожрала ящерица?

– Не знаю, – ответил дракон. – Я не смотрел, что там с ним стало. Игр не будет.

– Они не принадлежат мне! – воскликнул правитель в последней попытке достучаться до сердца дракона. – Это достояние народа.

И большие деньги. Филипп отстегивал весомый процент с куша, который крутился на ставках.

– Кстати, – кивнул дракон и, перевернув свой амулет, вытащил из-под него расписку. – Мой друг поставил на меня в первом раунде, в мясорубке, на победу в финале. Он довольно хорошо считает. Так что вот сумма, которую он должен получить.

Правитель вытаращился на длинное число чуть ниже витиеватой подписи покойного Ландо. Расписка была составлена по всем правилам тотализатора.

– Дело в том, что призовой фонд украли, – пробормотал он, поправив сползшую набок корону. – Совершенно наглым и вопиющим образом. Если бы Филипп не погиб в пустыне, то наверняка умер бы от горя.

– Украли? – переспросил дракон, оживившись. – Как?

– Сокровищница горячих игр считалась неприступной. Филипп был помешан на безопасности. Самые сложные замки! Магическая защита! Но кто-то вошел туда как к себе домой и не оставил ни монетки.

Ухмыльнувшись, дракон выразительно постучал пальцем по сумме, написанной на листке.

– Ладно, игр больше не будет, – вздохнул правитель. – Полагаю, на этом...

– Мы еще не закончили, – произнес дракон, но дальше разговор пошел другой и куда более понятный: о торговых преференциях, маршрутах и постах у границ.

Когда дракон поднялся со стула, даже не подумав прикрыть наготу, правитель тоже суетливо встал, чувствуя себя выжатым как лимон.

– Надеюсь, эта встреча положит начало добрососедским отношениям, – пробормотал он, про себя надеясь, что никогда больше не увидит этого человека, рядом с которым ощущал себя лишь жалким подобием на мужчину.

Дракон кивнул.

– Но если я узнаю, что в твоём поганом городе убили еще хотя бы одну магичку, я прилечу и спалю Аль-Малену дотла, – ровным тоном сказал он.

Красный кулон на его груди пульсировал как второе сердце. Правитель запоздало подумал, что решение отдавать ведьм может выйти боком. Всего одна сумела наделать таких артефактов, что драконы теперь не боятся летать над городом.

Но разве у него был выбор? Если бы этот человек приказал ему ходить голым, он бы разделся и постарался втянуть живот. Правитель бросил косой взгляд на собеседника. Надо бы возобновить тренировки. Или хотя бы больше ходить пешком...

Драконы не остались на ужин, не задержались, чтобы посмотреть достопримечательности, не соблазнились предложением отдохнуть. Они просто вышли из дворца и взмыли вверх один за одним, расправляя широкие крылья. Заложив круг над Аль-Маленой, полетели к окраине, и пожар все же вспыхнул.

Арена горячих игр, которую еще даже не начали отстраивать, перестала существовать. Правитель досадливо цыкнул. Какой все же отвратительный день.

– Когда мы поедem к ним с ответным визитом? – поинтересовалась супруга, подходя к нему.

Растрепанная, покрасневшая... Правитель окинул ее внимательным взглядом. Нет, она бы не стала, не успела, не посмела бы...

– Нас не пригласили, – процедил он.

Стеклянные башни Эркайи врезались стрелами в небо и переливались всеми оттенками серого и голубого. Мы приплыли сюда на корабле. Геррах перелетел бы и море, но заявил, что его жена должна путешествовать с большим комфортом.

Мы поженились в храме на уступе горы, в самом красивом месте, которое я когда-либо видела: зеленый склон, тонкая нить водопада и кристально чистое озеро. А свадебным подарком стала поездка в Эркайю. Так что теперь я шагала по широкой улице, запруженной людьми, за руку с Геррахом, который вел себя привычно невозмутимо. Рабский рынок, арена, аудиенция у правителя Аль-Малены или магическая академия – мой дракон везде чувствовал себя уверенно и

спокойно, оставаясь самим собой. Я же с любопытством крутила головой, разглядывая все вокруг: маленькие магазинчики, уютные рестораны, самоходные повозки и даже...

– Геррах, я хочу в книжный магазин! – воскликнула я, сжав его руку.

Он покосился на меня сверху-вниз, и его губы тронула улыбка.

– Конечно, шехсайя.

– Но у нас встреча с ректором, – волнуясь, вспомнила я. – Но мы зайдем сюда позже, правда?

– Обещаю, – сказал Геррах, и я тут же успокоилась, ведь мой дракон всегда держал слово.

В академии магии нас уже ждали. Геррах договорился о том, чтобы со мной провели собеседование посреди учебного года. Мне было слегка неловко пользоваться преимуществами жены драдраго, но жажда попасть в академию и увидеть все своими глазами была слишком велика.

Почтенные седобородые старцы приветствовали меня вполне дружелюбно, особенно после того, как Геррах передал небольшой сундучок секретарю: пожертвование на развитие образования.

– Иди, Амедея, – сказал Геррах. – Я подожду. Выпью пока что чай.

Секретарь – молодой тощий парнишка – приоткрыл крышку сундука и, вытаращив глаза, тут же захлопнул. Я знала, что там драгоценные камни красных гор. Вместе с Эврасом мы все же нашли новое месторождение. Оказалось, что на эти камни руны ложатся легко, как на мокрый песок, и держатся просто отлично.

– Хотите еще что-нибудь помимо чая? – пролепетал парень. – Бутерброды, копченую форель, лосиный окорок... Я принесу, что скажете.

– Бутерброды сойдут, – благодушно кивнул Геррах. – Не торопись, Амедея. Если что, я посплю здесь на диване.

– Я принесу вам пуховое одеяло! – пообещал парнишка, прижимая сундучок к груди.

Ученые академии принялись задавать мне вопросы: какие руны я знаю, умею ли их закреплять. И с каждым ответом я все меньше чувствовала себя самозванкой. Мы отправились в лабораторию – сердце академии. Здесь было все: приборы и материалы, перегонные кубы и хитроумные печи. А главное – здесь была музыка. Она звучала

на разные голоса, и каждый артефакт из высокого хрустального шкафа как будто звал меня, предлагая рассмотреть его внимательнее. А я здесь была своей. Я говорила с учеными на одном языке и чувствовала себя потерянной в детстве сироткой, которая вдруг обрела большую и дружную семью.

Геррах отхлебнул отличный крепкий чай, с легкой усмешкой наблюдая, как седобородые стариканы говорят с его Амедеей. Всю их снисходительность словно ветром сдуло уже через пару минут беседы. Они загомонили словно стая седых ворон и повели его шехсайю в глубь здания.

Пацан притащил к чаю блюдо с бубликами, посыпанными мелкими зернами, бутерброды со строганиной, сыром и зеленью и площадку засахаренных орешков. Уставился вопросительно.

– Спасибо, все прекрасно, – одобрил Геррах.

Хотя стеклянный город не особо ему понравился: слишком шумно, многолюдно, а воздух пропитан дымом. Но если Амедее захочет учиться в академии, он останется вместе с ней. Будет летать иногда в горы, проверять, как там дела. Внешней угрозы больше не было, артефакты сделали драконов практически неуязвимыми, а Эврас куда лучше управится с казной и расходами, если только Молли не уговорит его потратить весь бюджет на котов.

Прикончив бутерброды и выпив чай, Геррах отправил пацана за добавкой.

Если шехсайя будет здесь счастлива, так и он тоже. К тому же надо решить вопрос с ведьмами, когда они станут прибывать из Аль-Малены. Оптимально было бы открыть свою школу, а не отправлять их в Эркайю. Геррах видел, на что способна Амедее. Магички могут стать главным достоянием красных гор. Так надо бы посмотреть, чему их тут учат.

– Могу я глянуть на учебный план? – спросил он, когда секретарь принес еще чай.

Парень с готовностью выдал ему толстую папку, и Геррах полистал желтые страницы.

– Моей жене тоже предложите чай, – попросил он. – И орешки. Она их любит.

А то погрязнет в науке, а поесть забудет.

Амедея вернулась только через пару часов, когда Геррах и правда задремал на диванчике, заботливо укрытый пледом.

– Обещайте, что приведете ее завтра, – потребовал старичок, тряся Герраха за рукав. – Госпожа Амедея, вы должны взглянуть на перст судьбы. Он сломан вот уже сотни лет! А еще поцелуй фортуны!

Геррах поднялся и обнял жену. Она выглядела слегка уставшей, но довольной.

– Я приду, – пообещала она старичку. – И завтра, и послезавтра... Думаю, мы с мужем пробудем тут не меньше двух недель.

– Это так мало! – с отчаянием в голосе воскликнул старичок, заламывая костлявые руки. – Непростительно мало! Госпожа Амедея, оставайтесь в академии, мы дадим вам должность главного артефактора...

Один из ученых, выстроившихся позади, открыл было рот, но захлопнул и кивнул.

– Вы хоть представляете, какой у нее талант? – воскликнул старик, вновь поворачиваясь к Герраxu. – Это же бриллиант! Она уникальна!

– Я знаю, – с гордостью ответил он.

Из окон комнаты, которую мы сняли, открывался чудесный вид на академию магии – мою хрустальную мечту, которая теперь лежала как ладони: бери, что же ты медлишь... Но я поймала себя на мысли, что скучаю по дому. Не тому, что остался в Аль-Малене, а новому, откуда видны зеленые склоны гор.

Я откинулась на грудь Герраха, который подошел ко мне сзади, и, повернув голову, потерлась о его шею как кошка.

– Почему ты сказала, что скоро уедешь? – спросил он. – Тебе не понравилось в академии? Тебя кто-то обидел?

Когда за тобой возвышается грозный опасный дракон, то желающих обидеть становится значительно меньше. Их вообще нет.

– Понравилось, – заверила я. – Там столько всего интересного! И книги, и инструменты, а какие там артефакты!

– Но? – вопросительно произнес он.

Я вновь посмотрела в окно, любуясь стеклянными башнями, нежно-розовыми на закате.

– Похоже, артефакторику я и так знаю, – произнесла я. – Можно научиться боевым рунам, моего магического резерва, как выяснилось, на это хватает, но у меня есть ты...

Сильные руки обвилились вокруг моей талии, подтверждая готовность защитить от любой напасти, а я невольно задержала дыхание, когда ладони моего мужа погладили живот. Он еще не знает того, что я и сама поняла совсем недавно.

– Я посмотрел всякие документы, пока ждал тебя, – сказал Геррах. – Может, прикупить книжек для новичков? Для нашей школы.

– В идеале надо найти опытных учителей, – задумалась я. – Хотя бы одного для начала.

– Хорошо, – согласился Геррах. – Пока ты будешь возиться со стариками, я попробую кого-нибудь переманить. Надо брать самого бородатого, так?

Рассмеявшись, я повернулась к нему и легонько поцеловала в губы, но Геррах быстро перехватил инициативу, пробуждая во мне ответную страсть. Невозможно устоять перед нежностью, за которой скрывается умело сдерживаемая сила, да я и не пыталась. А еще я куда лучше стала понимать язык, на который Геррах срывался в самые жаркие моменты любви, и теперь могла прошептать признания в ответ.

Кто бы мог знать, что на том грязном рынке я куплю свое счастье?

– Так почему ты не хочешь остаться здесь? – спросил Геррах уже позже, когда я лежала в его объятиях, а в стеклянных башнях за окном мерцало отражение звезд.

– Потому что я слышала новую мелодию, – призналась я.

Она пела прямо во мне, чистая, пока еще тихая, но полная любви, и мне хотелось, чтобы во всю силу она зазвучала в Красных горах – там ее место.

– Какой-то артефакт? – предположил Геррах, уже зная о том, как я работаю с магией. – Хочешь сделать что-то удивительное?

Я переместила его руку с моей груди на живот, и Геррах, замерев на мгновение, повернулся и посмотрел на меня, а в его темных глазах заволновалось теплое пламя.

– Мы сделали это вместе, – улыбнулась я.